

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTIONS

ЕЛЕНА
ПЕРВУШИНА

НЕВИДИМЫЙ ГОРОД

Mystic & Fiction

Елена Первушина
Невидимый город

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Первушина Е. В.

Невидимый город / Е. В. Первушина — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5-906827-37-1

Далеко не всегда по-настоящему близкими являются близкие по крови, чаще таковыми становятся близкие по духу. Однажды в стране, которой много лет правили короли-маги, их власть рухнула и воцарился хаос. Спасая свою жизнь, несколько человек случайно оказались в провинциальном замке, желая найти безопасное укрытие. Они по-разному относились друг к другу, но постепенно осознали простую истину: выжить они могут только вместе. Только отбросив старые предубеждения и научившись подставлять другим не подножки, а плечо. Каждому пришлось чем-то пожертвовать, чтобы найти свою дорогу в новом мире и понять, что эта дорога – общая, одна на всех.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906827-37-1

© Первушина Е. В., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Умри, ведьма!	6
Пролог	7
Лето. Страсть	7
Осень. Власть	8
Зима. Страх	11
Весна. Прах	13
Часть первая. Белый замок. Лето	18
Глава 1	18
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	32
Глава 7	33
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	41
Глава 11	44
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	52
Глава 15	53
Глава 16	60
Часть вторая. Белый рыцарь. Осень	62
Глава 17	62
Глава 18	64
Глава 19	68
Глава 20	70
Глава 21	72
Глава 22	73
Глава 23	75
Глава 24	77
Глава 25	79
Глава 26	80
Глава 27	83
Глава 28	86
Глава 29	88
Глава 30	91
Глава 31	93
Глава 32	95
Глава 33	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Елена Первушина

Невидимый город

© Елена Первушина, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Умри, ведьма!

*Три темноты, которых следует избегать женщине, – темнота
ночи, темнота леса, темнота тумана.*

Кельтский фольклор

*Прочь, ведьма, прочь!
За гнилые болота,
За тщи и колоды,
Где люди не живут,
Собаки не лают,
Петухи не поют,
Там тебе место.*

Славянский фольклор

*Паденье – неизменный спутник страха,
И самый страх есть чувство пустоты.*

Осип Мандельштам

Пролог

Лето. Страсть

Ночь была такая, что вытяни руку – и пальцев не увидишь. Даже Меч Шелама – сверкающая полоса на небе – повернулся сегодня лезвием и казался лишь цепочкой тусклых жемчужин. Притихла, заснула маленькая лесная крепость. Вздыхая, рылись в сене коровы, вздрагивали во сне псы, изредка негромко плескала в реке рыба, да потрескивал на берегу маленький, желтоглазый, умело сложенный костер.

Человек, лежавший у огня, поднял вдруг голову и осмотрелся. У кустов, не приближаясь к границе светлого круга, маячила какая-то тень.

– Ты что здесь делаешь, пигалица? – сурово спросил человек.

– Не спится, – донеслось из темноты.

– Младая грудь томится? Гляди, добродисься – отец проснется.

– Ничего, небось не проснется. Погреться у тебя можно?

– А с чего это ты озябла? Говори путем, зачем пришла. Или спать иди.

– Я спросить хочу. Клайм, я тебе нравлюсь?

– Откуда мне знать? Я тебя и не вижу толком.

– Так мы лет десять, почитай, знакомы.

– То-то ты десять лет от меня по всяким темным углам и прячешься. Хочешь, чтоб я тебя увидел, – иди ближе.

Из темноты в неверный свет костра послушно вынырнула, махнув подолом нарядной юбки, девушка. Остановилась, теребя кончик бледно-рыжей косы, потом потянулась рукой к пестрым пуговицам на кофточке.

– Да погоди ж ты! – поморщился мужчина. – Хочешь, чтоб у всех водянников глаза от любопытства повылазили? Стой смирно, я и так все, что надо, вижу.

И, окинув критическим взглядом ее фигурку, заключил:

– Ничего. Толк будет. Скоро совсем созреешь. И достанется все это добро какому-нибудь славному парню, который отлично умеет выбивать перины.

– Ничего ему не достанется, – сказала девушка.

Она, не дожидаясь приглашения, опустила на колени и протянула руки к огню.

– Вот как... – протянул мужчина, забавляясь. – Что ж ты без мужа делать будешь, юница неразумная?

– А ты меня обольсти.

– Ага. Я – тебя, а ты – меня. И будем мы навек друзья. Не получится, милая. Я на тебе не женюсь. Колдуну жениться смысла нет. Дома мне не надо: мне весь лес – дом. А женщин на свете много.

– Да ведь и ты не единственный тут мужик, Клайм, – сказала девушка, улыбаясь. – Не единственный и не самолучший. Да я и не прошу тебя сватов слать.

– Так что ж тебе надо, в третий раз тебя спрашиваю?

– А я понову отвечаю. Не спится. Хочу с тобой спать.

– С чего ж это?

– Девки говорят, ты это здорово умеешь. Вот я и хочу проверить. А потом уходи – за штаны тебя держать не буду.

– А есть хоть с кем сравнивать? Да не красней ты, я же сам все узнать могу.

– Вот и узнай.

– А отца не боишься?

– А ты?

– Ох, рот-то тебе и вправду пора заткнуть. Ну, иди сюда, обольстительница.

Осень. Власть

Такого, чтоб пес забежал в храм Пантеон перед самой коронацией, еще не бывало. Впоследствии это сочли дурным предзнаменованием.

Но сейчас маленький кудлатый черныш повизгивал, жалуясь на холод, и жался, будто нарочно, к пьедесталу статуи Вольпана – покровителя охоты. Молодые служки не знали, что и делать.

Наконец один из старших жрецов махнул рукой и, пригрозив незваному гостю пальцем, велел: «Тихо сиди, а не то попросим твое сиятельство отсюда метелкой!» Песик, к немалому удивлению служек, тут же замолчал, припал к усыпанному тростником полу и благодарно забил хвостом.

На том и порешили. В осенние праздники и людям, и зверям позволялось многое: никто не знал, сколько из них не доживет до весны.

Осень в этот раз выдалась ранняя, холодная. По узким улицам столицы вольно гулял западный ветер, и люди, толпившиеся у дверей храма в ожидании молодого короля, стучали зубами и дули на замерзшие пальцы.

В храме было не теплей.

Сайнем, Сын Неба и Маг Солнца, нареченный на Острове Магов именем Вианор – Указывающий Путь, ставший совсем недавно Хранителем Равновесия Эона, втиснутый в одну из ниш толпой таких же «почетных гостей», все время ощущал спиной леденящее прикосновение каменной стены.

Нишу с ним делила маленькая бронзовая статуя – одна из трех сотен богинь и божков храма. Судя по полураскрывшимся цветам в волосах и знакам воды на одежде, то была богиня весеннего дождя.

Пар, заполнивший храм от дыхания людей, соприкасаясь с холодным металлом, превращался в капли, и Сайнему казалось, что маленькая богиня плачет. Он хотел бы утешить ее, но не знал как.

В храме звонко пели трубы, славя святость королевской власти. Их голоса метались под каменными сводами, создавая причудливое эхо и превращая торжественные гимны в бессмыслицу.

Короля облачали.

Кожаная куртка. Кольчуга. Серый плащ. Фибула в виде копья – на плечо. Пояс. Золотая цепь с рубином «Волчий Глаз».

Родственники короля: троюродные братья, сестры, девери, невестки и свояки – выстроились в ряд, каждый со своим предметом в руках, и подносили их сначала Верховному Жрецу – для благословения, а потом наследнику – для облачения.

Королевская Семья. Хардинги. Почти все они собрались сегодня в храме, все уцелевшие в кровавых войнах за престол прошлого Эона. Все – и женщины, и мужчины – бывалые бойцы, волки-оборотни, много лет охранявшие Королевство от Напасти с Севера. От дивов.

Король был худеньким и бледным шестнадцатилетним мальчиком. Облачаемый в доспехи своего отца, он все больше и больше походил на огородное пугало. Он покорно позволял делать с собой все, что предписывали обряды, и только испуганно поглядывал на свою родню и жрецов Пантеона из-под длинной челки. Густые волосы до плеч – знак магической власти Королевского Рода – делали его лицо еще более длинным и худым. Если бы не надвигающаяся война, его, конечно, не стали бы короновать так рано.

Но облакопрогонники предсказывали малоснежную зиму. Северные реки будут по весне скудны водой, и летом голодные дивы вновь придут на землю Королевства.

Вся столичная знать собралась, разумеется, тут же, и Сайнем чаще видел затылки своих соседей, чем короля. Впрочем, это не слишком его печалило. Главные герои сегодняшнего действия не переступали священного круга, в котором находились Королевская Семья и жрецы.

Нет, они стояли в первом ряду и сохраняли на лицах благочестивое и непроницаемое выражение, как и подобает людям, приближенным к великому таинству Королевской Власти.

Они – Кельдинги. Стакад Мудрый – бывший регент, Хильдебранд – его младший брат, главнокомандующий королевскими войсками, и Рагнар – сын Стакада.

Кельдинги сами не обладали магической силой, но умели приманивать удачу. Они были сказочно богаты. Владели землями лишь немногим меньшими, чем корона. Их зеленые одежды (родовой цвет) так и сверкали золотом. И они славились своей щедростью. Их, а не малохолдного короля-оборотня, обожала армия.

И многие из стоявших в храме спрашивали себя сейчас: не поторопится ли новый король Кольскег Хардинг, праправнук Харда Юного, расстаться со своими бывшими опекунами?

Тяжкие мысли, похоже, одолевали и учителя Сайнема – Хугина, Видящего Мыслью, Верховного Мага Солнца. Он также стоял в первом ряду чуть в стороне от Кельдингов, тяжело опирался на посох и кутался в синий плащ Сына Неба.

Но больше всех сейчас интересовал Сайнема его сосед – Армед, гость с Севера, получеловек-полудив. Как узнал Сайнем в Башне Памяти Острова, Армед был младшим сыном дивьего князя и пленницы Королевского Рода. Кельдинги и жрецы сочли, что в нем достаточно королевской крови, и пригласили его на коронацию. А он не побоялся приехать.

Сейчас молодой чужанин мирно дремал, прислонившись к цветному витражу и сложив руки на груди. Очевидно, святость происходящего в храме таинства нисколько его не трогала. Одет он был в рыжую меховую куртку (то ли лисью, то ли собачью), сверху донизу расшитую алым бисером, и казался огненным кустом рябины в сумрачном осеннем лесу. Из своей ниши Сайнем внимательно изучал лицо Армеда, отмечая про себя широкий лоб, тонкие губы, твердый подбородок и, пожалуй, демонстративно коротко остриженные темные волосы. И ясно видел, что проклятый недочеловек вовсе не прост, не туп да и, пожалуй, не слишком дик.

По знаку Верховного Жреца король преклонил колено, и Жрец возложил на его голову корону Харда – боевой шлем с оскаленной волчьей мордой на гребне.

Сайнем снова глянул на Армеда и остоленел. Он сам не заметил, когда стал смотреть магическим зрением, и сейчас ясно видел знаки будущего на каждом, находящемся в храме. Край плаща Хугина лизали языки алого и голубого пламени. Сайнем понимал, что Маг творит сейчас какое-то могучее заклятие. Корона Харда на голове юного короля светилась холодным мертвенным светом. Но ее живой двойник, сотканный из тончайших золотых лучей, сиял над головой чужанина-полудива.

Только теперь Сайнем осознал, что давно уже слышит негромкий рокот Колеса Судьбы – предвестье грядущих перемен.

Меж тем два брата и две сестры Кольскега вынесли на сером парчовом покрывале меч Хардингов. Он был не слишком велик – и все же неподъемен для рук простого человека. Лишь в руки короля он шел сам и лишь королю дарил силу снести бремя священной власти.

Кольскег поднялся с колен и бросил быстрый косой взгляд на регента. Тот ободряюще улыбнулся. Наследник взялся за рукоять. Смолкли трубы, и в храме воцарилась тишина. Слышалось только дыхание людей.

И вдруг тишину пререзал звон металла, ударившегося об камень. Король уронил меч.

Казалось, все, кто был в храме, вскрикнули в один голос. Кольскег оглянулся испуганно, сжался, словно ожидая удара, но все же снова потянулся к мечу.

И снова выронил его или, как уверяли потом те, кто стоял в первых рядах, отбросил и затряс рукой, словно от ожога.

Меч отлетел за пределы священного круга и упал под ноги отпрянувшим людям. Рагнар бросился вперед, подхватил меч и, преклонив перед наследником колена, протянул ему оружие.

– Возьмите его, господин, – произнес он и, кажется, только тут понял, что сделал.

По храму прокатился ропот. Кольсег в третий раз протянул руку к мечу, но даже не посмел его коснуться и отступил на шаг назад. Ропот превратился в настоящий вой. Лицо Кольсеге перекошилось, он с криком скинул с себя шлем и рванул плащ. Хильдебранд первым понял, что происходит, и бросился снимать с Кольсеге кольчугу. Молодой Хардинг кричал от боли. На его лице и руках вздувались пузыри ожогов.

Армед быстро взглянул на Стакада, затем на Верховного Мага и Рагнара, повернулся и стал пробираться к выходу. Сайнем последовал за ним.

– Тише! – напрасно зывал Верховный Жрец. – Пусть будет тишина!

Его перебил звонкий девичий голос. Одна из принцесс крикнула:

– Братья, спасайтесь! Здесь измена!

И Хардинги прыснули в разные стороны как стрелы Вольпана. Однако уйти не удалось никому. Оружие на коронацию приносить с собой запрещено: меч Харда не терпит соперников близ себя. А в храме как-то разом оказалось не меньше сотни солдат Стакада и Хильдебранда.

В пределе храма диву преградил дорогу стражник.

– Куда это тебя несет? – мрачно поинтересовался он, поглаживая алебарду.

Армед согнулся, приложил руку к животу и, скорчив жалостную гримасу, показал, как крутит ему кишки.

Стражник сплюнул:

– Что за жизнь такая? Знай, всякую нечисть сторожи. Скоро, верно, зад им подтирать прикажут, – грустно поведал он Сайнему. – Обожрался, видно, с непривычки. Ну пошли, дри-стун. Да не шали у меня, вперед иди.

Армед благодарно закивал головой. Правой рукой он придерживал занедуживший живот, а левой осторожно вытягивал из рукава кинжал. Сайнем быстро засунул руку за пояс, сорвал завязку с маленького кожаного мешочка, смочил пальцы и окликнул стражника.

– Эй, топтыга, подожди-ка!

Стражник, обернувшись, буркнул:

– Ты тут еще...

Сайнем брызнул ему в глаза. Стражник удивленно зевнул, кулем повалился на пол и сладко захрапел. Сайнем нагнулся, снял с пояса стражника фляжку и вылил ему на одежду больше половины содержимого.

– Ты чей такой? – спросил Армед на языке Королевства.

– Я теперь твой, – ответил Сайнем.

Но тут двери в придел наконец вывалило еще полдюжины солдат, и чужанин с волшебником дикими котами выскочили за порог и нырнули в толпу. На бегу Армед скинул куртку, под ней оказался простой темный камзол, какие носили подмастерья или писцы Королевства.

Поплутав по темным переулкам и (стараниями Сайнема) сбив погоню со следа, они остановились на маленькой треугольной площади. Армед свистнул, и из темноты бесшумно появились трое дивов. На Сайнема они даже не взглянули.

Чужанин повернулся к волшебнику.

– Зачем ты помог мне? – спросил он. – Какую плату за это хочешь?

Сайнем улыбнулся.

– Я маг, Хранитель Равновесия. Я должен следить за тем, чтоб маги не колебали своей Силой основы мироздания. Только что в храме этот закон нарушил Верховный Маг. Его Сила

перед моей – как солнце перед свечой. Я не смогу его покарать, а вот он меня уничтожит с легкостью. И я подумал: если вы сегодня не захотите выезжать из столицы через главные ворота, то я покажу вам иные выходы из города.

Армед покачал головой. Сайнем подумал было, что совершил ошибку, вновь потянулся за сонным зельем, но див неожиданно сказал:

– Хорошо. Ты быстро соображаешь, лучше будет держать тебя поблизости.

Один из воинов что-то спросил на своем языке. Армед нахмурился:

– Здесь не говорят живые слова. Говорите на языке таори-мертвых.

– Что в храме? – медленно выговорил воин.

– Кольскег не смог поднять меч. Меч взял Рагнар. Думаю, к вечеру у нас будет король из Кельдингов. Всех Серых переловили в храме. Завтра их прилюдно остригут, чтобы лишить Власти. А тех, кто будет сопротивляться, казнят. Меня стричь уже некуда, и они начнут сразу с топора. Что вы на это скажете?

– Ты кровь людей и кровь таори, – ответил спокойно воин. – Твоей земли там нет. Она здесь, под властью мертвых. Зачем спрашиваешь?

Армед снова покачал головой:

– Ладно. Я беру этот жребий. Украдите лошадь для волшебника.

* * *

К полуночи они нагнали всадника со знаками королевского гонца на одежде. Дротик дива пронзил ему горло, и всадник, не вскрикнув, свалился под копыта лошади.

В сумке он вез письмо дивьему князю, в котором Стакад просил о перемирии, сулил богатые подарки. Сайнем прочел письмо дивам.

Армед усмехнулся:

– Что ж, я сам привезу эту весть брату.

Сайнем закрыл мертвому гонцу глаза и вскочил в седло.

* * *

Черный песик тоже тихонько выскользнул из храма среди всеобщей кутерьмы. Он отбежал в сторонку, в темный двор, где прохожие частенько справляли малую нужду. Покрутился, лоя собственный хвост, и превратился в человека.

Народ у храма все не расходился, шепотком передавая друг другу жутковатые слухи. Оборотень задержался на минутку у лотка крамаря – уличного торговца. Купил медное ожерелье с талисманами Дея и Дейи – Рыжих Близнецов, Защитников Безоружных. На ожерелье рыжие лисицы Дейи гонялись за сороками Дея.

Утром оборотень вышел из города через скотопрогонные ворота. Застава, поставленная ночью Стакадом, не обратила на него внимания. Крестьянин как крестьянин. Потасил домой ворох новостей об одержимом злыми духами Кольскеге и чудесном избрании короля Рагнара.

Больше оборотень в этой истории не появится. Но вспоминать его будет частенько.

Зима. Страх

Кали долго сбивал в сених с валенок мокрый снег, потом, едва не застонав от облегчения, нырнул наконец в блаженное тепло дома.

Спасибо Шеламу, Глас, похоже, с печи не слезал, не играл с угольками и даже к вьюшке не лез. Сидел себе спокойненько на лежанке, забавлялся со старой рукавицей: засунет руку

в дыру, покажет самому себе кулак или фигу и знай хохочет да пузыри пускает от восторга. Только седые волоски на макушке трясутся.

Кали всегда боялся оставлять деда одного. Вернешься домой – а от избы одно пепелище осталось. Пожаров, правда, еще не случилось, а угару веселый старичок уже напускал. Ему-то хоть бы что, а у Кали долго потом голова гудела, пока всю дурь из дома не выветривал. И опять же – тепло терять. А дрова-то в Шеламе рубим! Но сегодня пронесло.

Он скинул полушубок, развязал котомку и вытряхнул на стол сегодняшние покупки: новые иглы, связки бус, лоскутки крашеной кожи, выклянченные по бросовой цене у сапожника, да связку восковых свечей.

И покряхтел мрачно, вспомнив, как цокнула сегодня языком рябая Дагмар, когда отдавала ему свечки: «Видать, у колдунова внука деньги водятся, и немалые, коли он так роскошествует!»

Пришлось притиснуть любопытную бабу к кадлушке с грибами и прямо тут же, в погребке, быстро обработать ее, пока болезненный супруг надрывался кашлем наверху. Теперь, небось, язык распускать не будет. Да и к слову сказать, не так уж плоха была она, Дагмар, даже и у кадлушки. А свечки, конечно, дорогие, но как без них?

Днем на старого чокнутого колдуна можно просто не обращать внимания. Кали быстро научился разговаривать сам с собой и скучал не сильно. Но по ночам Глас начинал вдруг скрипеть зубами, стучал кулаками в печную трубу и приговаривал жалобно: «На голову! На голову не лезьте только! Погодите! Да говорю ж вам, погодите ужо! Всем, всем работу дам!»

Кали на полатах лежал ни жив ни мертв и дохнуть лишний раз боялся. Он хребтом чувал, что это не сумасшедший бред, что кто-то еще, кроме них с Гласом, есть в избе.

Но и сбегать отсюда, потратив зазря столько сил, не хотелось. А ну как Гласу не сегодня завтра это мученье надоест, и он все же надумает расстаться с колдовской Силой и помереть?

И достанется все какому-нибудь дураку прохожему. А Кали так и будет всю жизнь мастерить обереги из кожи, меха да бусинок, пока городские стражники до него не доберутся. Даром что колдунов внук, а Силы-то своей совсем никакой нет.

А что до всякой нечисти, колобродившей в избе по ночам, так и на них есть управа. И Кали с наслаждением стал выкалывать иголкой на каждой свечке шипастый круг – солнечный знак. Большой силы оберег. Говорят, даже островные маги его признают. Глас, свесившись с печки, наблюдал за его работой почти осмысленным взглядом. Кали усмехнулся про себя.

– Слышь-ка, дед, что в городе говорят? – сказал он громко. – Король наш молодой, Рагнар, указ написал. Будто белая магия только та, что от Островных Магов идет. А прочая вся – черная и огненной смертью караться должна. Как бы тебе бороду-то теперь не подпалили.

Глас захихикал.

– Дурак, – внятно произнес он вдруг, – это они не за мной и не за тобой охотятся. Мы вроде мелкой мошки – не приметные. Это Островным Магам шеламцы поперек дороги встали. У шеламцев знаешь какая сила! Они душу как есть лесу продали. Я вот тоже хотел, да ошибся малость. А ты к моей силе руки не тяни. Ты, парень, вот что...

Он закашлял, закряхтел, чтобы потомить внука ожиданием, потом продолжил:

– Ты шеламца найди и ходи за ним, ровно нитка за иголкой. Солдаты шеламца схватят, но жечь не будут. Нет таких дураков, чтобы своими руками колдуна порешили. Они его на земле кольями разопнут али к дереву привяжут, чтоб его голод с жаждой да само солнце убили. А он, пока Сила при нем, умереть не сможет. А ты будь поблизости, улучи момент да и подберись к нему. Он тебе Силу-то свою и отдаст, чтоб только помереть поскорей и не мучаться.

– Как же они его схватят, если он такой могучий? – ехидно спросил Кали.

Он ничуть не удивился тому, что Глас заговорил, словно разумный. Давно подозревал, что дед – та еще шныра.

– Да уж схватят, будь уверен. У шеламцев тоже слабина есть. Островные про нее хорошо знают, а тебе ни к чему.

– Да где ж я его найду, шеламца твоего?!

– Дурак, – спокойно повторил Глас. – И с кем только твоя мать тебя нагуляла? Пойди в ведьмачью ночь на перепутье к старым дубам, сделай себе в кустах ухоронку да смотри, что случится. Не будешь пнем, может, чего и высмотришь.

– Дед! – взмолился Кали. – Отдал бы ты мне сам Силу-то! Что у тебя за жизнь такая, что ты так за нее цепляешься?!

Но Глас уже снова пускал пузыри и, бессмысленно улыбаясь, распевал: «Пока ямочку копали, поросеночки плясали!»

– Тьфу, чтоб тебя и вправду Шелам забрал поскорее! – Кали в сердцах стукнул кулаком по столу. – Ты, видать, будешь на костре гореть, а угольки к себе подгрести.

Весна. Прах

Ведьмачья Ночь всегда приходит неожиданно.

Может, в последний заморозок, может, в ростепель, а может, и вместе с молодой травой выскочит из-за горизонта Олень-Звезда, замашет белым хвостиком, и все в мире замрет на мгновенье. Остановит вечная Ткачиха свой челнок, посмотрит на землю и задумается: какой узор дальше выткать.

В такую ночь, если осталась в тебе хоть капля благоразумия, сиди тихо дома, затвори окна, двери и уста, до рассвета не ешь, не пей, не разжигай огонь в очаге, не смейся, не произноси никакого слова. И с первым лучом солнца дрова в холодной печи вдруг сами загорятся. Это значит – будет тебе на весь год удача. Увидело Солнце твое смирение и запомнило.

Но если нет покоя твоей душе, если в ней все время что-то темное возится, ноет, нашептывает: «Такая жизнь только коровам мила. Пожевал всласть жвачку – да и под нож. Должно быть что-то еще», – и если ты ради нездешней Власти готов всю жизнь под смертью ходить, – тогда иди в колдовские места. И будущее увидать сможешь, и судьбу свою поменять.

И нет на всем Острове места волшебнее, чем Шелам – огромный лес, разделяющий земли Королевства и живых мертвецов – дивов. Никто и никогда еще не проходил Шелам насквозь, никто не знает, что скрывается в его дебрях.

Но говорят, что в Ведьмачью Ночь вся нечисть Шелама выбирается из нор и ухоронки и пляшет для Олень-Звезды. А луна и звезды садятся на деревья и смотрят на эти пляски. Сможешь поймать звезду – проси у нее чего хочешь.

А еще говорят, что на старой дороге – одной из семи древнейших дорог Королевства, что проходит по самому краешку Шелама, – в Колдовскую Ночь можно увидеть Дикую Охоту.

Еще до Харда Юного чья-то исполинская рука разбросала по Острову Стражей Года – огромные черные камни, неведомо кем расколотые пополам. Есть такие и в Королевстве, и на землях дивов. В Ведьмачью Ночь из Стража Года выходит белый олень и всю ночь скачет по дорогам острова, а на рассвете снова исчезает в одном из камней. И на землях вокруг этого камня следующий год будет добрым и урожайным: ни засуха, ни ранние холода не тронут посевы, а на людей и на скотину не нападет мор.

И каждую Ведьмачью Ночь за оленем гонятся оборотни. Дивы – рыжие волки и Серые – Королевская Семья. И тот, кто побеждает, – приносит удачу своей земле. Обратней-дивов больше, но Серые – сильнее, выносливей и злее. Оттого-то из года в год Хардинги и побеждают дивов, и Королевство стоит нерушимо.

* * *

В этот раз Ведьмачья Ночь задержалась, и Кали совсем извелся. Уже и последний морозец-внучек убежал вслед за бабушкой, и паводок сошел, и травка как оглашенная поперла из земли. И отощавшая за зиму скотина, обвешанная оберегами, с протяжными стонами поплелась на пастбище.

Скотным духам в этот год жертв не приносили – боялись Островных Магов. Сами-то волшебники пока близ Шелама не показывались: зачем им лезть в такое захолустье? Но Солнце и так все видит. Да и донести на соседа – милое дело. Поэтому плошки с пивом по коровникам не ставили, под деревьями коровьи фигурки (детям лесным поиграть) не закапывали, белую лошадь для водяника в омуте не топили.

Вместо этого поставили пастуху не один раз, как прежде, а раза три. И он, осоловев от такого счастья, обещал, что все будет лучше некуда, и ежели какая нечисть к коровенкам сунется – он ее враз кнутом между глаз угостит.

Через пару дней, протрезвев окончательно, пастух кинулся к Кали и скупил у него все талисманы, не торгуясь. Сам бочонок браги прикатил, не пожалел. Кали за всю зиму столько не заработал, как в тот день. Однако и это его не радовало. Пастух ведь не на его береги надеялся, а на Гласову силу. Все помнили, какой прежде дед был колдун. Пастухов деверь его на свадьбе не уважил, так он весь свадебный поезд в собак превратил.

После того, как Кали стал жечь по ночам меченые свечки, Глас притих, не кричал больше, не метался, только вздыхал тяжело. Да еще ходить стал под себя. Как Кали за ним не следил, а вонь в избе стояла изрядная. Кали подозревал, что дед над ним потихоньку издевается. Думал уже, не поморить ли голодом лихого старичка, да что толку? Пока дед по доброй воле силу не отдаст, все равно не помрет, а начнешь его по-родственному уговаривать, так он еще какую-нибудь пакость выдумает.

Но свершилось наконец. Сидел Кали как-то вечером на крыльце и думал – не повить ли на луну, раз уж жизнь совсем собачья пошла. И вдруг увидел над лесом долгожданный хвостатый огонек. Долго размышлять не стал: все уже было передумано, и не раз. Припер понадежнее дверь, чтобы бабушка куда-нибудь не улизнул, и – в лес.

* * *

Ухоронка была за скрипучим старым кустом рябины в трех шагах от древней дороги. Кали загодя накидал на дно елового лапника, только без толку: хвоя сухая колени колола, а земля все равно обжигала каленым холодом. Не нравилось ей, видно, что сын ее не сидит смиренхонько дома, а прибежал выслуживаться перед нежитью, что приходит в наш мир из-за острой грани Меча Шелама. Сколько Кали ни бранил мысленно Прародительницу, сколько ни уговаривал ее лстивым шепотом, ноги будто ледяные крысы грызли. И покуда дышал на кулаки и стучал зубами, едва не пропустил главное.

Где-то вдаль, за поворотом дороги, затренькали вдруг копытца. Тихонечко так, будто дождь стучал по камням. А потом над самой землей поплыл волчий вой. Стая била беззлочно, уверенно: гонят зверя, не торопясь. И лишь один звонкий голосок скулил, плакал-захлебывался, будто потерявшийся щенок звал мамку. Кали в комок сжался, рот себе ладонью заткнул, но все равно подполз поближе, чтоб лучше видеть. Такое редко дважды в жизни увидеть удается.

Из-за поворота, едва касаясь копытами земли, вылетел белый олень. Над кончиками его рогов плясали язычки темного пламени. След в след неслись огромными прыжками шестеро рыжих волков. И замыкал эту кавалькаду молодой серый волк. На бегу он прихрамывал, осту-

пался и повизгивал, тогда один из рыжих, не останавливаясь, клацал зубами и глухо рычал. Дикая Охота пронеслась мимо старых дубов, мимо ухоронки молодого колдуна и исчезла за поворотом. Кали перевел дух, но чудеса в эту ночь еще не кончились.

Ожили дубы. В сплетениях ветвей зашевелились темные фигуры, и Кали, в первое мгновение оцепенев от ужаса, подумал: «Звезды! Погасшие звезды!», – но потом разглядел – люди. Просто оказались поумнее его и, чем мерзнуть на земле, забрались на дерево. Они спрыгнули на землю, и Кали смог разглядеть получше. Всего ночных бродяг было четверо, из них одна баба – Кали услышал, как хлопнула юбка, и увидел белые икры, когда она сигала с дерева. Все четверо встряхнулись и молча повернули в лес. Кали понял: шеламцы, лесные колдуны, больше некому. Выждал немного и заторопился следом, стараясь ступать без шума. Впрочем, это оказалось нетрудно: колдуны пока шли по тропке. Последней шагала баба, белый ворот ее рубашки выбился из-под кофты и служил для Кали хорошим ориентиром.

Все так же в молчании добрались до маленькой поляны, наломали сушняка, споро развели костер. Кали пристроился за молодой елочкой и весь превратился в слух. Наконец один из шеламцев заговорил:

– Мне вот что любопытно, кто же из Хардингов к Дикой Охоте присоединился, хоть их из столицы турнули?

– Я так думаю, Густ, из девок кто-нибудь, – второй голос – молодой, звонкий. – Цельный год ждала, вот и не утерпела. Бес под юбкой защекотал.

– Тьфу на тебя, Кир! Ты про другое что-нибудь думать можешь?

– Где уж мне, горемыке! Только, помяни мое слово, девка это была – некому больше.

– А я помню, Клайм говорил, что молодой король от колдовства сильно обжегся. А волк-то серый нынче хромал!

– Закатай губу! Сидит твой король сейчас у магов на острове, в темном подвале, цепями железными прикованный.

– Да нельзя ему в железных цепях! Жжет оно его, железо-то!

– А уж это его беда. Лъзя, нельзя – знай сиди!

– Хватит языками-то молоть! – прикрикнул третий – судя по голосу, самый старший. – Говорили вчера: кольцо нужно рвать. Так рвать будем или ляды тут до рассвета точить?

– Рвать, вестимо, Гис, рвать надо, – поспешно заговорил младший. – После указа королевского нам по крепостям жить нельзя, друзей опять же своих под топор подвести можно. Нельзя нам более кольцом стоять. Уходить надо. Взять каждому по куску силы да и разбежаться.

– Как осенью дивы придут, крепостям без нашего кольца не выстоять будет, – возразил Гис.

– А им так и так не выстоять, – буркнул Густ. – Сам видел небось, как дивы белого оленя у Хардинга отбили. Не будет Королевству удачи нынешней осенью. А как из войны выпутываться, это пусть у Рагнара да у пердунов с Острова голова болит. Сами нам огненной смертью грозят, а мы их от дивов спасай?!

– Так ты тоже думаешь: рвать? – уточнил Гис.

– Рвать, ясное дело.

– А ты, Десс?

Женщина молча пожала плечами.

– Ладно, начнем благословясь.

Шеламцы сели вокруг костра, вытянули перед собой раскрытые ладони и негромко запели. Кали подался вперед, чтобы уловить слова заклятия, но его ждало разочарование: это была всего лишь старая колыбельная, какую знала всякая баба в деревне:

Все лисицы спят, и кунницы спят.

*Все ласточки спят, и касаточки спят.
И соколы спят, и соболи спят.*

Песня накатывалась ровно, как морской прибой, укачивала, затягивала, и на ладонях колдунов затеплилось, а потом стало разгораться, темнеть, наливаясь силой кольцо бурого огня.

*По норочкам спят ласточки,
По гнездышкам – касаточки,
На дереве спят соколы,
Под деревом спят соболи.*

Потом песня переменялась, и языки пламени послушно вытянулись, заиграли в полную силу.

*Говорит куна куне:
Это кто там во гнезде?
Это кто там во гнезде,
Во глубоком во дупле?
Во глубоком во дупле
Сидит семеро птенцов.
Сидит семеро птенцов,
Серых семеро совят.
Уж как трех-то мы съедим,
Трех-то детям отдадим,
У седьмого, у последнего,
Только крылья объедим!
То не семеро совят –
Семеро бесенят.
Семеро бесенят,
Они тоже есть хотят.
Они кун-то подождут
Да на части разорвут!*

На последних словах шеламцы разом хлопнули в ладоши, огненное кольцо разорвалось на четыре части, зашипели, извиваясь, последние языки пламени и пропали в руках колдунов.

– Вот и поделили Силу-то, – сказал довольный Кир. – Ты где хорониться надумал, Гис, ежели не тайна?

– Да какая там тайна? Я и не думал толком. Неловко как-то. Будто на похоронах за вдовой ухлестывать. Можно к выкупным маркграфам податься. Они на своей земле хозяева, королевская воля им не указ. Опять же, не первый год с дивами воюют, знают, как шеламца приветить.

– За... Забудь ты про маркграфов! Король им не указ, но против Островных Магов и они не попрут. Мы вот с Густом надумали за Шелам уйти.

– Наскрозь? – не без ехидства поинтересовалась женщина.

– А, бодай тебя! – огрызнулся Кир. – Закрайком, как все добрые люди. В Зашеламье, небось, королевствов-то много. А колдуны везде нужны.

– Да помолчи ты, огрызок шеламский! – бросил Густ сердито. – Шуршит навроде что-то в кустах!

Кали замер, но когда два колдуна, разводя руками подлесок, стали приближаться к нему, понял, что обнаружен, и бросился в бега.

Не тут-то было! Они в момент догнали его, скрутили и потащили назад к костру.

– Пацаненок какой-то подглядывал за нами! – закричал Кир.

– Пацаненок, говоришь? – Гис усмехнулся. – Да у него, верно, у самого пацанята по двору бегают. Нет, таких гостей к нам еще не жаловало. Небось, сидел в кустах, да прикидывал, сколько за наши четыре головы солдаты дадут.

– За шеламцев? Ты что, сдурел, Гис?

– Это не я, это время сдурело. Королевский указ забыл? Что только делать с ним теперь?

Лица наши он видел.

– А то их без него мало народу видело? – спокойно возразила женщина. – Только метку ему на память о нынешней ночи я все же оставлю.

Она размахнулась и ударила Кали по лицу. Он взвыл по-звериному. На его щеке ясно отпечатались четыре точеных пальчика – будто раскаленным железом приложило.

– Отпустите его, ребята, – велел Гис, поморщившись. – Он ведь сейчас весь Шелам перебудит.

Шеламцы разжали руки, и Кали с воем, не разбирая дороги, бросился в ночную темноту.

– Зря ты так, Десс, – сказал Густ. – Теперь о нас еще хуже думать будут.

– А тебе что за разница? – возразил Гис. – Худо, хорошо ли, а нынче тебя всякий ловить будет. Ты теперь – верный доход, кусок хлеба для детишек.

– В Зашеламье уходить надо, – повторил Кир.

– Уходите, – тихо и зло сказала женщина. – Пусть будет так. У кого ничего здесь нет – уходите. А я останусь с Клаймом. И если кто-нибудь хоть горсть земли с его могилы возьмет... – Она отвернулась от людей, прижалась лицом к стволу дерева и заплакала.

– Неладно получилось, – пробормотал Густ. – Ну да всяко уходить надо, рассветет скоро. Прощай, Гис. Прощай, Десс.

– Прощай, Гис, – повторил Кир.

Они растаяли в темноте.

Гис положил руки на плечи женщины и тихо стал ее уговаривать.

– Полно, Десси, полно, не убивайся. Осень придет, горе водой унесет.

– Осень... – Женщина шмыгнула носом, высморкалась в пальцы. – Осенью, верно, у каждого тут горе будет. Не меньше, чем мое...

Часть первая. Белый замок. Лето

Ты скажешь: «Ладно, они берут числом, у них толстые стены, пушки, солидные запасы стрел, что ни говори – они сильнее. Ну, пусть. Я боюсь, порядком боюсь! Так! Ладно! А теперь, когда я отбоялся как следует, вперед!» А те так удивятся, что ты не боишься, что сами сразу начнут бояться и ты одержишь верх! Потому одержишь, что ты умнее, у тебя большие воображения, потому что ты свое уже отбоялся заранее. Вот и весь секрет.

Жанна д'Арк – Карлу VII, по свидетельству Жана Ануя

Глава 1

Радка навалилась на тугую дверь, уперлась плечом и задиком, выставила на крыльцо подойник и ведро с нагретой водой, выскользнула сама. Зажмурилась, поймав на лицо косые лучи утреннего солнца, зевнула, протерла глаза и ойкнула. Ступенькой ниже сидела и дремала, обняв колени, незнакомая женщина. Вернее, как раз от Радкиной возни и ойканья она и проснулась, протерла глаза, отбросила за спину бледно-рыжую косу.

– Что, не узнаешь? Подурнела сильно? – спросила она, усмехаясь.

И тут Радка ее узнала. Лицо гостыи было ужас как похоже на лицо Радкиной матери, разве что немного моложе, смуглее и суше.

– Тетя Дионисия... – прошептала девочка.

– Так-таки тетя? А может, кто другой? Кто я тебе, Радушка? Тетка?

– Сестрица... – протянула Радка с опаской.

Сестрица не сестрица, еще посмотреть надо, а что лесная девица – это ясно. А из Шелама мало ли что прийти может!

Но женщина уже ласково притянула Радку к себе, чмокнула в висок, обдала запахами солнца, травы и немых волос.

– Помнишь, – сказала она тихо. – Большая уже стала, а помнишь. Хорошо!

Радка помнила.

Сестрица Десси приходила к ним в гости лет шесть или семь назад, принесла матери шерстяную, в красную и черную клетку, дивно мягкую юбку, а Радке деревянного конька, который умел топтать ногами и качать головой.

Если уж совсем честно, то сильнее всего запомнился Радке этот самый конек, да еще – как мать вдруг спросила:

– А отец-то как?

И Десси ответила:

– Отец тебя забыть не может.

Радка потом много недоумевала: отец тогда и впрямь дня на три уезжал в город, только с чего ему мать-то забывать?

Вернувшись и услышав от соседей, что приходила Десси, он побелел и сказал тихо и страшно:

– Чтоб я больше имени этой твари в своем доме не слышал.

Конька Радка от греха подальше утащила за баню, построила ему конюшню из щепочек и там оставила. Мать дареную юбку тоже ни разу не надевала.

Потому-то Радка и не хотела сразу признаваться сестре, чуяла, что ввязывается в не шибко приятную историю. Она решила поскорее чмокнуть Десси и сбежать, но Десси вдруг

сама отпустила ее, насторожилась, прислушалась к чему-то, словно кошка, не ушами, а всем телом.

Радка ухватила за подойник. Не иначе, отец решил узнать, с чего это дочка устроилась мух половить на крыльце. Точно! Заскрипели в сенях половицы, растворилась дверь. Радка соскочила наземь, но отец ее даже не заметил. Он уставился на сестрицу Десси.

– Ты тут еще откуда взялась? – Голос его не предвещал ничего хорошего.

– Я на постой пришла проситься.

– Что ж, больше некуда?

– Некуда, – подтвердила Десси. – Если б было куда еще, разве стала б я тебя тревожить?

– Коли просить пришла, так не держи себя как последняя...

Радка ошарашенно вертела головой. Она чуяла, что отец боится, а сестре весело, хотя должно быть наоборот.

– Март... – из-за плеча отца выглянула мать и осторожно погладила его по руке. – Март, света ради. Не при людях.

Дверь захлопнулась, но Радка услышала, как мать в сенях торопливо говорит:

– Марти, она же все-таки дочь мне...

– Дочь, говоришь? А что она десять лет была солдатской подстилкой, про это забыть прикажешь?

– Марти, ей же вправду больше идти некуда! Что о нас люди говорить будут, если мы ее прогоним?

– А что будут люди говорить, если я начну всякую шелупонь с улицы пускать?

Десси улыбнулась.

– Вот я и дома, – сказала она. – А ты к козам пойдешь?

– Угу.

– Ну так я с тобой. Все лучше, чем эти песни слушать.

* * *

С козами они управились на удивлению быстро. Десси обнимала каждую за шею, почесывала ей лобик и промеж рогов, приговаривала что-то ласковое, и рогатые бандитки тут же вытягивались в струнку, не сводя с лесной девицы влюбленных янтарно-желтых глаз. Ни одна ногой не дернула.

На пороге дома сестер поджидал Март. Радка с полным подойником сразу шмыгнула на кухню, а Десси кивнула мужу матери, будто старому приятелю, и сказала:

– Так я в зимней избе поживу пока.

И, не дожидаясь ответа, побрела на нежилую половину.

Март не сдвинулся с места, лишь посмотрел ей вслед и выговорил с ненавистью:

– Рожачка!

Десси остановилась, обернулась, держась за дверную ручку. (Только сейчас Радка увидела, что сестра еле стоит на ногах от усталости.)

Десси ответила отчиму тихо, без угрозы, будто совет давала:

– А ты поостерегись. В спину ведь говоришь – не в лицо...

Глава 2

Десси проснулась за полночь и, не открывая еще глаз, потянулась по старой привычке проверить, тут ли еще Клайм или улизнул потихоньку. Уперлась ладонью в доски и вспомнила наконец, где она и что она.

Обругала себя дуришей несусветной, велела себе не реветь, перевернулась на спину и стала слушать незнакомые звуки. По-иному, не так, как в крепости, хлопали двери, по-иному скрипел ворот колодца. На летней половине шебуршала кочерга, и это тоже было чудно. Чудно, что не она, Десси, стоит сейчас у печного устья и выгребает золу.

Впрочем, если подумать как следует, так это ее, Дессин, единственный прибыток с самой весны. Больше не придется вскакивать ни свет ни заря, чтоб накормить дюжину, а то и больше прожорливых мужиков. Караульщики обожали завалиться поутру всей командой в десятников дом и потребовать у десятниковой дочки угощения. Знаки внимания оказывали, понимаешь ли, прорвы ненасытные! А то им невдомек, что, как насмотришься на их грязные лапы да жующие челюсти, целоваться уже вовек не захочется.

По закрытому ставню что-то снаружи застучало, заскребло. Десси выскользнула из-под одеяла (раздеться она с утра поленилась), распахнула ставни и отшатнулась. В окно нахально – будто к себе домой возвращался – влетел огромный аспидно-черный ворон. Уселся на матицу и искоса глянул на шеламку.

– Ты к добру или к худу? – спросила она.

Ворон не шелохнулся. Сердце Десси подпрыгнуло к самому горлу.

– Клайм, это ты?

Опять тишина.

«Ладно. Значит, просто ворон. Чокнутый ворон, что тут такого?»

Десси порылась в карманах юбки – думала найти монетку, но обрела лишь кусок сухаря, который положила на окошко:

– Вот, откушай, не взыщи. Чем богаты, тем и рады.

Ворон презрительно взъерошил перья и, не удостоив сухарик взглядом, мягко спланировал с матицы на подоконник, а оттуда – назад, в синее небо.

Десси выглянула в окно. Отчим с матерью, как назло, трудились на огороде. Увидев Дессиною гостя, отчим потянулся было за комом земли, но потом раздумал и просто проводил птицу взглядом. Ну все. Теперь разговоров на три дня хватит.

Десси вытряхнула из волос и одежды сено, поспешно спустилась вниз и, кивнув матери, углубилась в заросли сорняков на морковной грядке. Отчим таскал воду из дождевых бочек и, проходя мимо падчерицы, не упускал случая поворчать:

– Ворон-то на дворе – к несчастью, мне дед еще говорил... Приютили ее, гулену, будто путную, так она всю нечисть шеламскую за собой притащила... Скоро, небось, водяницы в бочках поселятся, в баньке кикимора париться будет... Ну что смотришь, рожачка бесстыжая, не терпится ночью во дворе с нежитью всякой голышом поскакать?..

«Чрево шеламское, да он тоже свихнулся! – подумала Десси, трудясь над грядкой с вдохновением дождевого червя. – Уже всех добрых хозяев помянул да половину из них в гости зазвал. Любому из наших и вдесятеро меньшее не простилось бы. А здешних Шелам, видать, и за людей не считает – оттого они и могут что угодно говорить».

Поймала предостерегающий взгляд матери и кивнула.

«Смолчу, смолчу. Меня здесь вовсе нет – видимость одна. Твой муж, твой дом, делай что хочешь. Одного не могу в толк взять – зачем тебе понадобился этот хмырь? Каково тебе с таким жить – это после отца-то?!»

* * *

Отец с матерью раньше крепко друг друга любили. Десси когда-то это казалось очень важным, и она отца допрашивала с пристрастием. Тот плевался от «бабьих разговоров», но рассказывал, что и как – куда денешься?

Они, отец с матерью, Дон и Ода, вместе росли, делили игрушки, дрались, мирились, потом подглядывали друг за дружкой: летом – у реки, зимой – на гаданьях. А потом увидели друг друга наново, и все у них пошло, как испокон веку заведено: гляделки, оклики, руки.

Одно лишь висело над ними темной тучей: Ода была единственная дочка и наследница семейного добра, а у Дона в доме подрастали еще двое братьев и сестра.

И когда Дон и Ода впервые поцеловались в выстуженных сенях, девушка зашептала горько:

– Не отдадут ведь меня, голубчик!

А он ответил спокойно:

– В примаки пойду.

И Одины щеки запылали от смущения и счастья, потому что большего доказательства любви измыслить невозможно.

Дон уломал родителей. Те посватались. Сговорились сыграть свадьбу в следующую зиму. А осенью на ярмарку в Купель, ближний городок, пришли шелапцы.

* * *

Их было двое один – кряжистый румяный здоровяк, другой – летами постарше и плечами поуже. Их узнавали сразу: по заткнутым за ленты шляп медвежьим когтям, по дорогому оружию, добротным солдатским сапогам и чуть снисходительным улыбкам. Лавочники скидывали для них цены – то ли из уважения к защитникам Королевства, погубителям чужан и лесных чудищ, то ли из боязни нарваться на колдуна. Но шелапцы пришли не торговаться.

Здоровяк расчистил круг, бросил на середину кошелек и заявил, что эти деньги достанутся тому, кто победит его, Лина Тростинку, в единоборстве. Но хотя кошелек, падая, аппетитно звякнул и причмокнул, супротивников сразу не нашлось. Тогда здоровяк добавил несколько своих соображений насчет деревенских слизняков. Слизняки мгновенно превратились в гордых орлов и ринулись в бой. Только ни один из них не продержался дольше сотни ударов сердца. Каждый вдруг обнаруживал, что земля сегодня слишком скользкая.

Дон слабаком никогда не считался, но в драку лезть не любил. Его вытолкали в круг приятели, которым хотелось, чтоб, по крайней мере, всем досталось поровну.

Вначале Дон осторожничал: не хотел показываться Оде с расквашенной физиономией. Потом рассмотрел, что противник силен, но медлителен, выждал момент, ушел от удара и свалил шелапского силача наземь простой подсечкой.

Восхищению Доновых приятелей не было предела; они наперебой зазывали победителя в кабак, но старший шелапец всех оттер, заявив, что выпивку ставят побежденные.

Вместо благодарности Дон протянул ему кошелек:

– Я, может быть, и слизняк, но не болван. Ваш парень поддался.

Шелапец рассмеялся:

– Ясное дело, поддался! Лина и медведь не враз заломает. Просто ты ему понравился. Успеваешь подумать, пока замахваешься. Хочешь служить у нас?

– Не знаю, – ответил Дон.

Дионисия, его мать, была беженкой из Зашеламья. Ее родной город сожгли чужане. Не то чтобы Дон всю жизнь мечтал отомстить им, но когда сам Шелап давал ему для этого оружие... Кроме того, если уж быть до конца честным, Дон не мог не признаться себе, что его притягивает не называемая человеческим языком сила Шелама. Это оказалось так же непобедимо и так же необъяснимо, как любовь. Чтоб не мудрить без толку, Дон счел это зовом крови.

Настал черед Оды доказывать, что ее связывает с женихом большее, чем просто весенняя любовная лихорадка. И Ода сказала:

– Да. Уходи в крепость. Только возвращайся ко мне почаще.

* * *

Так оно все и случилось. Дон постигал нелегкое ремесло лесного воина, а чуть выгадывалась свободная минутка, мчался домой к Оде, веселил молодую жену и как мог угождал тестю: чинил крышу, подновлял забор, копал грядки. Нет слов, отец Оды был не в восторге: вместо постоянного работника он вынужден привечать в доме эдакого ночного гостя. Хоть Дон и изображал изо всех сил примерного зятя, опасный душок шеламацкого колдовства ох как не нравился его новым родичам! Мир в семье держался чудом, и хрупкое это чудо вскоре разбилось вдребезги.

* * *

Была Скупая Седмица – последние дни перед осенним солнцеворотом. В такие дни благоразумный человек не радуется своей плоти ни вином, ни мясным яством, ни ночной утехой. Он посвящает все мысли Солнцу, помогая Отцу Света в его ежегодной битве. И Отец по весне сторицей воздает праведнику. И это мудро и справедливо. Ибо Бог творит, а человек жертвует. И только вместе они могут удержать мир. Так учат Солнечные Маги.

Это мудро и справедливо. Но что делать, если вдруг под вечер прибежал любимый муж? Если он рассказывает, стягивая сапоги, как заболтал десятника и отпросился на часок, обещал на рассвете уже вернуться в крепость; и – нет, есть он не хочет, а спать – на дежурстве отоспится, но не пустят ли его под бочок, не приголубят ли ради такого случая?

Можно, конечно, сказать: «Нет!» – и прочесть проповедь о борьбе Света и Тьмы. Можно... Да Ода не смогла. И, впиваясь пальцами в спину Дона, она клялась про себя, что пожертвует Солнцу петуха, и... первого новорожденного ягненка, и... все, что угодно, только пусть этой ночью будут лишь они двое и никакого мира, который нужно спасти. И верила в то, что любовь все покрывает.

Она ошибалась. Но поняла это лишь месяца четыре спустя, глядя на свой располневший стан. Конечно, лишь Прародительнице Земле известно доподлинно, в какую именно ночь зачат ребенок. Но если это случилось тогда, в Скупую Седмицу... Это все равно что задрать в храме Солнца юбку и показать голый зад. Такого оскорбления Отец Света не простит.

И самым жутким было то, что про страх и стыд нельзя никому поведать. Даже отцу с матерью. Даже Дону. Как сказать, что твой ребенок проклят уже во чреве? Слов таких в человеческом языке нет.

К родам Ода будто постарела на десять лет, а Дон понял, что в доме он – лишний. И стал появляться все реже и реже. Ода снова убедилась, что он лучше и умнее всех, но даже поблагодарить не смогла.

В храме Солнца, в Купели, она бывала теперь едва ли не каждую седмицу. Ни разу не приходила без даров, часами простаивала на коленях, молилась, хотя и в молитве не поминала о своей вине, все надеялась, что пронесет, что Отец Света не покарает новорожденного младенчика за бабью глупость.

Не пронесло. Не пощадил.

Правда, выжидал целых пять лет.

* * *

Десси-Дионисия (уважила-таки Ода напоследок мужа) поначалу никому хлопот не доставляла. Когда удавалось, играла целыми днями на улице, хозяйничала понемногу в доме и трепку зарабатывала не чаще, чем прочие ребята.

И вот как-то в самую пахоту старому Одиному отцу занемоглось. Он раньше обычного вернулся с поля, распряг лошадь, повел в конюшню, ругая на чем свет стоит непутевого зятя, и вдруг едва не споткнулся о внучку, игравшую во дворе с тремя песчано-желтыми, остро-мордыми и длиннохвостыми щенками. На затылках у щенков красовались смешные белые хохолки.

Лошадь он не удержал. Едва увернулся от копыт. Умная скотина всхрапнула, встала на дыбки, вырвав повод из рук хозяина, и дала деру.

Щенки были шеламскими лисами. Благочестивым солнцепоклонникам не пристало верить в то, что лесные звери могут быть чем-то большим, нежели безмозглыми тварями. Но каждый сопливый пацан в деревне знает, что, если убьешь шеламскую лису, лучше всего сразу жернов на шею и в омут. Можешь бежать за тридевять земель, можешь сидеть безвылазно в доме, запершись на все замки, – все едино. Не позже как через три дня тебя найдут с перегрызенным горлом.

Дед тащил Десси в дом, от ужаса колотя ее чем и куда попало, а она сквозь слезы приговаривала: «Хочу к лисичкам! Не тронь меня, хочу к лисичкам!»

Два дня она отсидела в чулане. На третий пришел Дон; дед вывел заплаканную внучку из заточения, дал ей в руки узелок с игрушками и платящими и сказал зятю:

– Дочь твоя – рожачка. Ведьма прирожденная. Забирай своего выделка и уходи.

Дон возмутился, потребовал объяснений. Дед рассказал. И закончил так:

– Забирай и уходи. Али хочешь дожидаться, когда у нее хвост вырастет и добрые люди с нее с живой кожу спустят?

Дон взмолился:

– Ода!

Но она так и не подняла глаз.

Тогда бедолага воин присел перед своим «выделком» на корточки и спросил:

– Ну что, хочешь еще к лисичкам?

Десси вытерла слезы кулачком и кивнула.

– Тогда пошли.

Десси забралась отцу на плечи, и они отправились в Шелам.

* * *

Лисички Дона беспокоили несильно. В Шеламе он жил уже шестой год и знал, когда лес сердится, а когда шутки шутит. Другое его тревожило: женщины в крепости не приживались. Оставались лишь самые ревнивые гримзы да еще задерихвостки, менявшие по три мужика за ночь. И спрашивается, что путного может вырасти из девчонки в такой компании? Только ей и останется, что у шеламских лисиц уму-разуму учиться.

Однако все как-то само собой уладилось. То ли оттого, что Десси и впрямь оказалась рожачкой, то ли оттого, что Дон с нее пылинки сдувал, но никакая грязь к ней не приставала.

А годы шли, такие же тихие и незаметные, как Донова дочка. В горах у чужан не было мира, племя воевало против племени, и в Шелам они наведывались лишь малыми отрядами. Лес гневался редко, редко давал волю своим чудушам. Белый олень из года в год оставался на землях Королевства.

Дон дослужился до десятника и решил, что выше лезть не стоит, – и здесь хорош. Десси подросла и научилась ловко уворачиваться от мужских рук. А Ода... Ода вышла замуж во второй раз, родила вторую дочку и жила чин чином...

«Только... Не верю я в ее счастье, не верю ни за что. Я же помню, какая она прежде была, а теперь все голову долу клонит. И отчим вон как ртом дергает! Поди угадай, кого он больше боится: леса ли, падчерицы ли ведьмы или своих же соседей!

И мать... Это ведь она себе казнь такую придумала за тогдашний грех. Хочет жизнь свою с этим хмырем загубить и тем за все расплатиться. Только без толку все это, донесут на меня в Купель, этим все и закончится.

А ведь донесут, как пить дать... Бежать надо, а куда побежишь? В одиночку в лесу зимовать? Не смешно даже!

Ох, чрево шеламское, забраться бы в тебя да свернуться в тепле слепым кутенком! Только дороги нет – через Меч лишь мертвые проходят, а мне боязно еще.

Клайм, радость моя, где ты хоть сейчас? Ждешь ли меня? Видишь ли, каково мне тут без тебя?»

Глава 3

В прежние годы, едва сходил паводок, на земли Королевства приходила Напасть с Севера – с полдюжины отрядов чужан. Почти не сообщаясь, а иногда даже затевая меж собой усобицы, они разбойничали в приграничных деревнях, тащили все что ни попадя: зерно, соль, полотно, сапоги, шубы, угоняли скотину, рубили деревья, крали детей и девок.

(В горах, где жили чужане, было какое-то древнее злое колдовство, а потому их женщины редко беременели, а забрюхатев, часто теряли плод.)

Итак, чужане набивали мешки, а солдаты сторожевых крепостей выслеживали и ловили нищих разбойников. Поймав, старались не убивать, чтоб не иметь потом дело с многочисленными мстителями. Просто отбирали награбленное, пороли воришек и выпроваживали их восвояси.

Особенно наглыми разбойниками занимались колдуны-шеламцы: они обливали чужан заговоренной водой, от которой кожа навек покрывалась разноцветными пятнами.

Короче, пока в столице сочиняли страшные истории про нелюдей-дивов, в Пришеламье разбирались с ними по-свойски.

* * *

И так все шло до тех пор, пока Армед, единокровный брат одного из дивых князей, не понял, что младшие братья молодых князей долго не живут, и не решил, что самым безопасным местом для него будет трон Королевства За Лесом.

Той же весной разведчики донесли молодому королю Рагнару Кельдингу, что Кьяртан, старший брат Армеда, заключил союз с соседними племенами и ведет на Королевство целую армию.

Король послал своего дядю Хильдебранда с пятью тысячами тяжелых конников к Гусиному Горлу – долине между побережьем и Шеламом, единственному проходу от северной части Острова к южной. Кельдинги не без оснований считали, что армия чужан в Шелам не сунется – никому неохота будить лихо. Хильдебранд должен был перехватить дивов в Гусином Горле и удержать до прихода Рагнара и королевского войска. Хильдебранд двигался быстрым маршем, задерживаясь лишь для того, чтоб принять в свое войско рыцарей-добровольцев со свитой и пешие отряды от королевских городов. Погода ему благоприятствовала – стояли сушь и жара.

Однако погода благоприятствовала и чужанам: реки в предгорьях давно вернулись в свои русла, и отряды спустились с гор без задержки. Пехота закрепилась в узкой долине, прикрыв свои фланги где крутыми склонами, где засеками из порубленных деревьев. Конные лучники северян обстреляли войско Хильдебранда уже на подходах к Гусиному Горлу, и тому пришлось прямо с марша, не строя никаких укреплений, принимать бой.

Конников Хильдебранда взяли на копья пехотинцы дивов. Уцелевших порезали вышедшие из долины отряды с боевыми косами. На очумевшую пехоту Королевства налетели Дети Ласточки – конные отряды дивьей знати. Пехотинцы, видя что «сила силу ломит», вмиг позабыли о присяге и разбежались. Хильдебранд с небольшим отрядом верных бойцов поспешно отступил, надеясь встретить Рагнара с подкреплением.

Чужане за ним не погнались: у них оказались, как вскоре выяснилось, планы поинтереснее.

* * *

Рагнар отошел от столицы едва ли на десяток дневных переходов, когда его войско полегло от кровавого поноса.

Если б то была вражеская территория, можно погрешить на отравленные колодцы, но – увы! – ни одного дива окрест не наблюдалось.

Если то была месть богов за свержение Кольскега Хардинга и уничтожение рода Харда, то приходится признать, что боги склонны к грязным шуткам.

Но, скорее всего, какой-то местный комтур не позаботился своевременно о чистоте колодцев, а проклятая жара довершила дело.

Королевское войско, не в силах сдвинуться с места, стояло на реке Ильг и, в глаза не видя врагов, теряло по десятку человек в день.

Впрочем, враги недолго тянули с визитом вежливости. Как-то утром насквозь провонявший лагерь навестили полсотни чужанских боевых колесниц. Тех самых, над которыми чуть ли не пять десятков лет хохотали все солдаты и полководцы Королевства. (Представить только, как дивы носятся на этих колымагах по своим горам!)

Тут наконец выяснилось, что на равнине колесницы куда как проворны, и подошедшему с севера измученному отряду Хильдебранда пришлось спасать королевское войско от полного разгрома. Возницы побоялись иметь дело с закованными в броню рыцарями и бежали прочь, навстречу чужанским коннице и пехоте.

Так бы, наверное, и пришел конец войне, войскам, королю и Королевству разом, если бы не безграничная беспечность здешнего комтура. За семь лет правления он так и не удосужился навести мосты через Ильг.

Всадники Хильдебранда закрепились на единственном в здешних местах бросе и держали его семь дней, пока остатки королевского войска бесславно брели назад в столицу.

И к летнему солнцестоянию почти полкоролевства оказалось под властью нелюдей – дивов. Правда, теперь нужно было утвердить эту власть в каждой области, в каждой городке, в каждой деревне, на каждой площади, в каждом переулке, в каждой крепости и замке, в каждом зале и галерее, за каждым поворотом коридора.

Глава 4

От зноя плавилась смола на стволах сосен. Десса и Радка брели краем лесного болотца по колено в сухой острой траве. Временами они выходили на прогалины и чувствовали, как в плечи им упираются горячие столбы из солнечного света.

Радка считала, что искать грибы в такую жару – занятие глупейшее, но Десси была твердо убеждена, что копать в огороде под взглядами родичей и соседей – занятие тошнотнейшее, и с рассветом утащила младшенькую в лес.

И, разумеется (чего еще ждать от ведьмачки?), увела гораздо дальше, чем рисковали заходить обычные деревенские ягодницы и грибницы.

Правда, грибы попадались как на подбор: ладные молоденькие подосиновики, крепкие, с кулачок, – прочими Десси брезговала. Да и две подозрительного происхождения ладанки, висевшие на шеях у сестер, разгоняли комаров на версту вокруг, но Радке все равно было страшно. От знойной неподвижности леса, от тишины, нарушаемой только шорохом травы и юбок, оттого, что все вокруг так мирно и... равнодушно, Радке казалось, будто Шелам сейчас зевнет и проглотит их, словно мошек.

Но Десси беспечно шуровала в траве, то здесь, то там извлекала из-под кочки новых красавчиков; Радка стыдилась показывать страх, и она просто тихонько ныла, жаловалась на усталость, на стертые ноги, на слипающиеся глаза.

– Погоди, – утешила ее Десси, – сейчас заберемся повыше, ляжем в тени и подремлем. А как солнце зайдет перевалит – домой повернем.

Это оказалось последней каплей.

– Да ты что, ополоумела? – взвизгнула Радка. – Статочное ли дело – в жару в лесу спать?! Счас все полуденники, вся нечисть лесная, черная соберется кровь пить! И не прос...

Тут ей пришлось замолчать. Десси с неожиданной силойхватила ее за плечо и зажала сестрице ладонью рот.

– Тихо! – велела она, не повышая голоса. – Тихонько говори. Думаешь, твоя кровь тут кому-то вправду нужна? Кого видеть не хочешь – того не зови; кого назад отправить не сможешь – тех не вызывай; откуда обратно пути не знаешь – туда носа не суй, вот с тобой ничего и не случится. Думаешь, тут твоя кровь кому-то нужна?

Радка притихла. И Десси, почуяв это, убрала руки.

– Вот и ладно, – сказала она. – Соображаешь кое-что, не весь ум отец из тебя выбил. Пошли, отдохнем, в самом деле. А то у меня от тебя в ушах звенит.

Они отвернули от болота, перевалили через невысокую грядку и увидели внизу, в ложбине, темное лесное озеро.

Радка теперь боялась слово молвить и только глазами спросила сестрицу: «Можно?» Та кивнула. Радка поставила корзинку, побежала вниз – ополоснуть лицо и ноги.

Десси присела наземь, потом откинулась назад, засмотрелась на чуть заметно качающиеся кроны сосен. Там, наверху, гулял ветер, медленно, как старуха по ступенькам, спускаясь к земле. Ослепительно синее небо уже разрезали тонкие белые перья облаков. «Не иначе как завтра дождь будет, – подумала Десси. – Славно мы нынче успели».

В закинутые за голову руки шеламки ткнулся мокрый холодный нос. Десси ойкнула, потом улыбнулась и, не оборачиваясь, прошептала: «Спасибо!»

Шеламские лисы, как добрые сюзерены, следили, чтоб их ленникам не чинилось в лесу никаких неудобств.

Когда Радка вернулась и плюхнулась рядом, Десси попросила ее:

– И слова этого «нечисть» не говори никогда, ладно? Нет такого в лесу. Это промеж людьми грязь бывает, а в лесу по-другому.

– Как это?

– Ну... другое все.

Десси поморщилась и досадливо помотала головой. Слов ей не хватало.

* * *

Когда, уже близ деревни, Десси учуяла запах дыма, она тоже промолчала. Ошиблась, конечно, нужно сразу поворачивать и под любым предлогом уводить Радку назад, в лесную глубину.

Только Десси все время забывала, что живет уже не в крепости и что люди вокруг нее – слепые и омертвевшие деревенские слизняки.

Хотя, если уж рассуждать до конца, так не пошла бы Радка безропотно назад – норов понятно от кого унаследовала.

Словом, Десси унюхала дым, попробовала его на вкус, смекнула, что это не печь топится, а горит что-то, но смолчала. Только пошла потише, соображая, стоит ли ей сейчас показываться в деревне.

И снова, как вскоре выяснилось, помедлила зря, потому что Радка, учуяв запах гари, охнула и рванула вперед со всех ног, отчаянно размахивая корзинкой и рассыпая грибы.

Десси, позабыв собственные поучения, выругалась, бросилась вдогонку, повалила сестрицу на засыпанную хвоей землю, снова зажала ей рот, придавила всем весом и зашептала:

– Не надо, не надо, подожди! Подожди меня здесь, я сама пойду, гляну что там.

Радка мычала и норовила укусить сестрицыны пальцы.

– погоди ты! Там в самом деле может опасно быть. Ну не бузи же!

– Да отцепись ты наконец!

Радка все же выкрутилась из рук Десси, побежала вперед к опушке леса – и вдруг замерла.

Это был не пожар. Это было пожарище.

В небо вздымалось не меньше дюжины черных столбов. Дурными голосами орали очумевшие кошки. Жалобно мычала и блеяла скотина. А в клубах дыма с веселым гиканьем носились, посверкивая шлемами, всадники.

* * *

Радка обернулась и снова одними глазами спросила: «Что делать?» Десси указала ей на корни поваленной ели. Радка послушно скользнула в ухоронку.

«Соображает все-таки что-то, спасибо Шеламу, соображает!»

Десси подобрала юбку и, прячась за стволами, а где и припадая к земле, стала приближаться к деревне.

Взяла чуть вправо – туда, где лес подходил к самой дороге.

Скользнула в придорожную канаву и поползла на четвереньках по сухой грязи. Знала, что рискует по-глупому, но сейчас ей позарез нужно увидеть герб на щите или вымпел – хоть что-нибудь, что сказало бы, откуда взялись поджигатели.

По счастью, им дела не было до леса и до канав, они стогнали на площадь деревенский люд.

И Десси увидела все, что ей хотелось.

На алебардах всадников развевались тонкие темно-зеленые лоскуты. Да и вооружение Десси без труда признала и закусила губу от бессильной ярости.

Родовой цвет Кельдингов.

Королевские войска.

* * *

Радка так и сидела за елкой, зажав ладонями рот, и тихонько раскачивалась из стороны в сторону. Десси плюхнулась рядом и принялась растирать затекшие ноги.

– Не бойся, – сказала она сестре. – Это наши.

– Ваши?

– Да нет, наши. Наши общие.

Получился в своем роде шедевр – уложить все грязные ругательства, которые вертелись у нее под языком в два слова: «наши общие».

Ибо Шелам не терпит ругани. Вернее, иногда принимает ее слишком близко к сердцу. И Десси вовсе не улыбалось выпустить орду ублюдков, которых она мысленно поминала, гулять по Королевству. Здесь и без того полно неприятностей.

Одна беда – Радка ничего не поняла. Пришлось объяснять в том же духе: два пристойных слова вместо двадцати двух проклятий.

– Это... королевские солдаты. Они... продули войну. Теперь эти... вояки отступают к столице и жгут все на своем пути. Чтобы чужане не могли здесь кормиться, понимаешь?

– А наши? Отец с мамой?

– Ничего с ними не случится. Сгонят в города, чего-нибудь дадут на прокормление. К осаде будут готовиться.

«Славная девочка, – похвалила себя Десси мысленно, будто норовистую кобылку. – Славная девочка и совсем не кусается, правда?»

Но Радка в мгновение ока разрушила с таким трудом обретенное спокойствие.

Она встала на ноги, отряхнула юбку и решительно сказала:

– Десс, ты pomoжешь?

– Это как?

– Что – как? Освободишь наших?

– От кого?

– От солдат. У нас вольная деревня, они права не имеют дома жечь.

– Умница! Ты что, головкой стукнулась? Солдаты в своем праве. Они вашей деревне еще благоденствие оказали – от чужан защитили.

– Все равно, – сказала Радка, глотая слезы, и Десси вдруг явственно услышала голос Оды; та тоже всю жизнь искала справедливости, а находила один пшик. – Чужане – враги, но если эти дома жгут, так они тоже – враги. А если ты из крепости, ты должна нас защищать.

– Еще чего! Знаешь, сколько те же солдаты за мою голову получают?

– Если не pomoжешь, значит, ты тоже...

– Также – кто? Договаривай, коли начала.

– Ты ж сама сказала – в лесу нельзя.

– Тьфу! Чтоб мне в другой раз грибом родиться! У грибов родичей не бывает. Ну что я сделаю, а? Как по-твоему?

– Не знаю, – сказала Радка. – Ты шеламка или я, как по-твоему? Хорошо это, когда людей ровно скотину гоняют?

– Нет, надо же! – Десси топнула ногой. – Вот пристала, как кобель к сучке! Ладно, пошли. Сделать ничего не сделаю, так хоть от обузы избавлюсь. Давай, поторапливайся.

Солнце вдруг погасло. Все вокруг подернулось серой пеленой. С севера напознала туча – неровная, темная, будто грязная нечесаная шерсть.

* * *

Прошло немало времени, прежде чем он научился удерживать в памяти хотя бы несколько мгновений, стал вспоминать, хоть и ненадолго, какие-то слова, чаще простые, ничего не значащие, вроде: дерево, трава, ветер. Другие слова жглись, просто плевались болью, и его разум тут же отскакивал в сторону, вновь прятался в спасительную холодную дымку беспомысленности. И вновь единственным, что он осознавал, были щекотная земля и хвосты под подушечками лап, разноголосый хор запахов, блаженное ощущение, с которым голодный желудок расслаблялся, встречая теплые, истекающие ароматной кровью куски мяса. И даже когда однажды темной ночью память погнала его из надежного лесного укрытия на дорогу, – и тогда он сумел спрятаться внутри своей головы и знать не знал, где был, что делал и почему. Правда, иногда хитрые воспоминания приходили без всяких слов: болью, холодом, огнем. И он плакал ночь напролет, подняв морду к искрящемуся в небе поясу звезд.

Но в первый раз он полностью осознал себя, когда его уши наполнились вдруг непривычным гвалтом. Он лежал в кустах, устроив морду на лапах, переваривал очередную беспечную тетерку. (Потом, уже спустя долгое время, он удивлялся, почему сумел так долго протянуть в лесу, он, такой беспомощный в прежней своей жизни, и понял, как неусыпно и заботливо кто-то хранил его.) Итак, он подремывал, а они гарцевали среди сосен всего в какой-нибудь дюжине шагов от него: молодые, яркие, крикливые, слепые и глухие ко всему вне них. И он вспомнил три слова: «дворяне» и «золотая молодежь». Тот, кто (где? когда? – нет, об этом нельзя думать – больно) произносил эти слова, – произносил их презрительно. Отчего? Что еще тогда было сказано? «Их руками можно делать что угодно, они все равно никогда не догадаются, что сделали». Почему-то сейчас это стало очень важно. Потом он увидел (вернее, понял, что видит) нервных чистокровных коней (они-то прекрасно чувствовали, что он близко, и вот-вот готовы были взбеситься), увидел длинные нарядные луки, крапчатые перья на торчащих из колчанов стрелах (его рассудок в сумасшедшей гонке выплевывал из себя все новые забытые слова), длинные кинжалы в дорогах ножнах у пояса. Он вспомнил: «охота» (с этим оказалась почему-то связаны обида и зависть), потом «оружие» (и тут его резануло такой ослепительной болью, что бедный разум вновь бросился наутек, но он, сам не понимая, как и зачем, сумел его удержать).

Потом, много-много дней спустя, он понял, что именно это было самым отважным, самым трудным, самым главным поступком в его жизни. Именно тогда он по-настоящему родился заново. Он, прежний, всегда думал лишь о том, как половчее убежать, спрятаться, затаиться, не выдать себя настоящего никому. Но теперь (сам ли или вновь благодаря чьей-то помощи – на этот вопрос он так и не нашел никогда ответа) дрожащий в кустах беглец сквозь самые немислимые страхи и боль заставил себя понять:

- что когда-то был человеком,
- что когда-нибудь станет им вновь,
- что ему многое нужно сделать,
- что его собственных сил на это не хватит,
- что «их руками можно делать что угодно».

И так же, как случалось уже прежде, когда он без слов, одним лишь отчаянным и безмерным, подстегнутым болью желанием достучался до неведомого заступника и вырвал себя из темницы, сейчас он снова беззвучно то ли взмолился, то ли повелел: «Отдай мне их! Пусть они будут моими!»

И стало по слову его.

Глава 5

Учитель сказал:

– Итак, Кельдинги всенародно объявили, что молодой Хардинг, наследник престола, одержим, и посадили на трон Королевства Рагнара, которому триста богов Пантеона якобы сами вручили волшебный меч. Буквальное значение ясно: в здешнем Королевстве произошел переворот и смена династии. Но давайте попытаемся найти иной смысл в этих событиях. Что думаешь ты, Ханс?

– А чего тут толковать-то? – пробасил Ханс, по обыкновению не поднимая глаз – только вместо собственных деревянных башмаков он созерцал сегодня зеленую скатерть с золотыми эльфийскими крапинками. – Что тут толковать? Надо всем в лесу, кто хоть немного магичит, собраться, Остров окружить, Магов за бороды похватать, и у них все тогда и выпросить. Я так думаю.

И, скорчив мрачную гримасу помиравшим от беззвучного смеха товарищам, плюхнулся обратно в кресло. Ханс был самым старшим из семи учеников, и Хитрая Наука давалась ему нелегко.

– Зря смеетесь, – поддержал Ханса Учитель. – Весьма основательное решение проблемы. Наверно, так поступил бы на нашем месте Александр Македонский. Только Маги, даже взятые за бороду, могут нам бесстыдно лгать. Поэтому давайте попробуем угадать их мысли. Почему они решили поддержать узурпаторов? Что скажешь, Рози?

Рози подняла светлые ресницы, все еще улыбаясь про себя.

– Мне вот что странно... – начала она и замолчала, словно прислушиваясь к ленивому перезвону поварешек в соседнем зале, где Добрые Хозяева, сонные еще после вчерашнего пира, готовились к сегодняшнему.

Отец Рози был печатником, потому она даже в разговоре всегда подолгу и осторожно подбирала слова.

– Мне странно, что Маги с Острова выступили на стороне Власти Силы и против Власти Колдовства. Это выглядит так, словно они сами не уверены в своем искусстве. А Кельдинги... Если я распорю платье, то, прежде чем надеть его, я должна сшить его заново, другими нитками. Если Стакад Кельдинг рассчитывает обойтись без магии Хардингов, значит, он надеется на Магию Острова. Получается, что Кельдинги и Островитяне попросту водят друг друга за нос.

– Разумно, – кивнул Учитель. – Звучит весьма разумно. Ты хочешь что-то добавить, Ульрих?

– Да. – Единственный темноволосый мальчишка в этой компании поднялся и пристально посмотрел на своих товарищей. – Почему вы ни слова не говорите о настоящем короле? Представьте-ка себя на его месте! Вы знаете, что говорят о нем в столице? Я упрямил Добрых Хозяев, и они многое разузнали. Кельдинги посадили его в темницу в одном из храмов Смерти! И, готов спорить, заковали в железо. Я думаю, прежде чем рассуждать тут о том о сем, мы должны...

– Освободить принца! – воскликнул Ханс. – Какой вопрос, дружище? Конечно, мы с тобой!

– Постойте! – крикнула с дальнего конца стола Хильда; две толстых косы то и дело падали ей на грудь, и она в досаде отбрасывала их за спину. – Ульрих, Ханс, вы опять? Я же говорила тебе не раз, что Власть Магии уходит в прошлое. А Стакад пытается управлять Королевством человеческими силами и разумением, не прикасаясь к Мечу Шелама. И другого пути нет! Это наше будущее, и мы не можем закрывать на него глаза!

– Ты-то не можешь, это точно, – парировал Ульрих. – А я, как закрою глаза, сразу вижу парнишку, что сидит в темнице и кричит от боли.

– Хорошо, если тебя не разрубят на кусочки в храме Смерти и ты освободишь своего наследника, чего ты этим добьешься? Смуты в Королевстве? Заставишь воевать друг против друга Магию и человеческий разум? Прошлое и будущее? Тогда чем ты лучше Островных Магов?

– «Ах, ну почему наши дела так унылы?» – пробормотал Учитель себе под нос то ли печально, то ли насмешливо.

За стеной кто-то из эльфийских поваров забарабанил половником по кастрюле, требуя тишины. С тех пор как в гости в Холм явился Учитель со своей пестрой компанией, жизнь здесь стала гораздо суматошной, чем прежде. Вот и сейчас перепуганный громкими голосами паук-фонарщик бегал по стене. Полый кристалл горного хрусталя со свечой внутри покачивался на его спине, пятно света то блуждало по потолку, оплетенному корнями, то по разгоряченным лицам ребят. Только вот лица Учителя эльфийский свет никак не мог поймать. Приходилось довольствоваться пестрой шапочкой и смуглыми ладонями. Наконец Учитель постучал пальцем по столу.

– Хватит, полководцы мои. Довольно. Я уже понял, что вы умеете судить о делах людей. Но почему никто не попытался посмотреть на эту историю глазами Шелама? Если верить Ульриху, а у нас пока нет причин сомневаться в его словах, принца Кольскега не убили. Его остригли и поместили в темницу. В подземную темницу. Не так ли, Ульрих?

Защитник свободы кивнул.

– А теперь подумаем, почему Кельдинги поступили именно так? Никаких разумных причин я не могу придумать. Свергнутых королей убивают немедленно, причем лучше истребить и всю семью. Так безопаснее. Тогда почему Кельдинги нарушают все правила? Вам не кажется, что перед нами ритуал?

– Похороны? – спросила Роза осторожно.

– Ага, мне так тоже кажется. Только хоронят живого. Что это?

– Обряд посвящения, – ответили ребята хором.

– А почему Кельдинги совершили этот обряд над Кольдскегом?

– Если бы они убили наследника, то мертвец не дал бы им покоя, – сказала задумчиво Хильда. – Но если они отправят его живым за Меч Шелама, он будет бессилён и в том, и в этом мире.

– Хорошая мысль. А еще?

– А еще они надеются, что по закону Шелама взамен Кольскега из-за Меча придет его двойник. Двойник с огромной магической силой, но беспомощный в этом мире. И Кельдинги с Островными Магами смогут им управлять, – продолжил Ульрих.

– Но ведь Кольскег – оборотень, он носит своего двойника-волка в себе, – возразила Роза. – Значит, из-за Меча придет кто-то другой? Так? – Она повернулась к Учителю.

Ответить он не успел.

Стены Холма вдруг задрожали, закрипели потревоженные деревья. В кухне разом взвыли зеленые эльфийские псы.

Потом один из склонов натужно охнув, раздался в стороны. Через все залы полетел жгучий солнечный свет, а вслед за ним в проем стали прыгать воины в звериных шкурах.

Заспанные Добрые Хозяева повыскакивали из своих комнат – кто с мечом, кто просто с длинным кнутом – и ринулись на незваных гостей.

Дети по знаку Учителя попрятались под стол. Учитель, ругаясь вполголоса, рылся в своей дорожной сумке.

Несколько эльфов, встретившись с клинками захватчиков, упали, пачкая пол и стены голубой кровью. Остальные отступали к огромному очагу посреди пиршественного зала, в котором, поджаривая оленью ногу, весело полыхало белое пламя. Звездные эльфийские мечи плавильсь и изгибались под лучами солнца.

– У них живое железо! Оно убивает! – крикнул кто-то. – Вверх! Все вверх!

Эльфы, уворачиваясь от смертоносных мечей, прыгали в очаг и вылетали по трубе из Холма. Полуденное солнце, разумеется, лишало их прежнего облика, но тени их могли уйти за Меч Шелама и вернуться потом в старом или новом обличье. Тогда как живое железо лишало их не только жизни, но и памяти о Законах Шелама, и превращало их просто в ветер, дождь или в росу на траве.

– Спасайся, Дудочник! – кричали те, кому удалось взлететь. – Убегай, Дудочник! Встретимся на той стороне!

Учитель наконец выудил со дна сумки кожаный мешочек, из мешочка – серебряную монету и бросил ее в стену, сказав:

– Возьми плату, пропусти нас!

Стена послушно разошлась, открывая темный тоннель. Ребята стали поспешно выбираться из-под стола. Учитель подхватил под мышки Розы, запутавшуюся в стульях, вытащил на середину зала и приказал:

– Ребята, быстро, без разговоров уходим! Друг друга не ждать. Встретимся на той стороне.

Ученики, привыкшие к подобным путешествиям, подчинились. Они позволили себе лишь оглянуться на пороге тоннеля, но Учитель нетерпеливо стукнул кулаком по столу, и дети безропотно исчезли во мраке.

Захватчики прорвались сквозь редящий заслон эльфов и бросились в следующий зал. Туда, где еще недавно Учитель с детьми беседовали о судьбах Королевства.

Учитель с мечом наперевес поджидал вояк у входа в тоннель. Станный это был меч – не железный, а каменный, обшитый по лезвию обсидиановыми пластинами. Но у нападавших не было ни малейшего желания, да, впрочем, и времени, чтобы его рассматривать. Фехтовал Дудочник хорошо, но и самый искусный боец на его месте смог бы только потянуть время. Он остался в Холме один против всех, а лаз за его спиной медленно смыкался.

Глава 6

Они бежали через лес, и Десси гадала: с кем наперегонки – с солдатами или с дождем? Радка, разумеется, то и дело поскальзывалась, оступалась, но ныть не смела и только тихо ойкала, когда Десси резко дергала ее за руку, удерживая от очередного падения.

Шеламка сыта была деревенской жизнью выше горла. Разогнать сейчас солдат. Сунуть Радку на руки матери и отчиму, и – поминай, как звали. Лучше, право слово, в лесу куковать.

Дождь поспел первым. Весело забарабанил по их спинам, намочил головы, рубахи и юбки; потом тучу разорвало ветром, в просвет глянуло солнце, заиграло в каждой капле, на листьях. На траве рассыпало тысячи тысяч маленьких радуг. Только бежать стало еще труднее: корни, хвоя, подлесок и даже собственные башмаки – все превратилось в ловушки. Все готово сбить с ног, хлестнуть по лицу, обдать пригоршней холодной воды.

И все же Десси была достаточно зла для того, чтоб они успели.

Дождь зарядил вновь, побежал по земле ручьями. Когда женщина и девочка выползли на пригорок, то увидели внизу змеящуюся дорогу и вынырывающий из-за поворота насквозь промокший отряд.

Десси быстро сосчитала всадников. Десяток. Все правильно. На одну деревню больше и не нужно.

Ладно, посмотрим, что они с Радкой могут сделать против десятка королевских конников. Кое-что могут, если взяться за дело со всей серьезностью.

На вершине пригорка красовалась пирамида серых камней. Ради нее-то и тащила Десси Радку через весь лес. Сложена пирамида кое-как, на живую нитку, и чтобы порушить ее, достаточно хорошего толчка.

Правда, этот подарок люди из крепости готовили для чужан – ну да что теперь!

– Радка, навались!

Они прижались спинами к холодным камням. Уперлись каблуками в мокрую скользкую землю.

– Ну, разом!

Камни с грохотом покатались вниз, на дорогу, под ноги людям и под копыта лошадям. Конные и пешие в испуге отпрянули.

Десси не стала ожидать продолжения и потащила Радку назад, в лес.

Нырнула в густой ольшаник, повалилась на землю, покрепче прижала к себе Радку.

Как она и рассчитывала, всадники выждали немного и, не услышав больше ни звука, поскакали на разведку.

Когда из засады стреляют – это страшно. Когда швыряются камнями – это оскорбительно.

Десси надеялась отвлечь четверых, а то и пятерых из отряда. А те, кто останется на дороге, ни о чем, кроме опасности из леса, думать не смогут. Да еще и дождь. Если кто-то из пленников собрался бежать – лучшего момента не придумаешь.

Стук копыт, скрип седел, ругань. Радка снова впилась от ужаса зубами в Дессину ладонь. «Если вздумает зареветь, так я ей и нос заткну», – решила шеламка. Но обошлось. Конники покрутились на пригорке, никого не увидели, а в лес сунуться побоялись.

Когда все стихло, сестры выползли из убежища, поднялись к разваленной пирамиде и глянули на дорогу. Люди так и брели сквозь дождь, а всадники погоняли их дровками алебард.

А в лесу было тихо. Не трещали предательски сучья, не чавкала земля, не хлопали по мокрой одежде листья. Никто не убежал. Не прятался. Вольная деревня вся разом решила, что чужане и Шелам страшней неволи.

– Ну что, довольна? – спросила Десси. – Я все сделала, как ты просила. Теперь слезай на дорогу и дуй до Купели. Ворота они до вечера не закроют, а если и закроют – все равно в стене лазов хоть отбавляй. Разыщешь там мать с Мартом.

– А ты что ж, не со мной?

– Я к городу близко не подойду. Очень мне охота раньше времени вокруг столба летать учиться!

– Никуда я не пойду одна, – буркнула Радка, села на мокрую траву и наконец разревелась.

Глава 7

Дождь снова утих.

Десси увела сестру дальше от дороги, забралась в ельник, наломала мертвых сухих веток, развела костер. (Без ножа и кремня она в лес не совалась.)

Скинули одежду, развесили над огнем. Сами побегали вокруг костра, согрелись. (Посулил отчим падчерице, что она будет голышом плясать – вот и сбылось.)

Радка помалкивала и покорно все исполняла. Впрочем, Десси убедилась уже, что младшая сестрица – тот еще тетерев: сидит себе тихонько, а потом как порх!

Обсушились немного и вернулись в деревню. Пожар залило, и теперь над пепелищем поднимался только светлый пар.

Десси оставила Радку горевать у обгорелого сруба родной избы, а сама пошла мародерствовать по погребам. Все, спасибо Шеламу, прогореть не успело.

Набила две корзины всякой снеди: мясо копченое, хлеб, грибы опять же, нашла целый, не треснувший даже горшок.

Радка, обнаружив, что козочек не пожгли, а также забрали в город, несколько утешилась. Десси вручила ей корзину и велела:

– Пошли.

– Куда ж мы теперь? – вяло поинтересовалась Радка.

Десси усмехнулась:

– В лес, куда же еще?! Заберемся в безопасное место, поедим, отдохнем. Подумаем, где ночевать. А потом видно будет.

Радка пожала плечами и покорно побрела вслед за шеламкой.

* * *

«Безопасным местом» Десси сочла Вью – лесную речку. Деревья ближе к реке редели, и вдоль воды тянулись пологие холмы, заросшие душистым разнотравьем.

«Молоко, верно, отсюда хорошее, жирное», – подумала Радка и снова чуть не заплакала – до того тоскливо стало. Где то молоко?!

Да и больно тихо тут было. Не по-хорошему тихо. Не трещали кузнечики, не поднимались с воды птицы. Даже ястреба кружили ближе к опушке леса, старались не подлетать к реке.

Десси, однако, ничего не опасаясь, вновь развела огонь, зачерпнула воды, соорудила похлебку. Остудила немного. Поели, прихлебывая по очереди из горшка. Мясо Десси поделила на три части, одну бросила через левое плечо в траву.

От еды Радку разморило, она стала задремывать. Десси вытерла руки листом мать-и-мачехи, села, обняв колени, и призадумалась. Ее бы воля, она прямо здесь и осталась бы ночевать. Как говорится, под шапкой. Место тут тихое, спокойное. Сделать сейчас нодью, небольшую – только чтоб от комаров защититься, – и славно! Ночи еще не холодные. Так ведь сестрица! Напугается, не захочет под звездами спать.

Можно, конечно, в охотничью избушку уйти. До темноты дойдем. Так ведь это надо у хозяев лесных на постой проситься – опять же Радку пугать!

Так ничего и не надумав, Десси досадливо тряхнула головой и встала. Радка немедленно проснулась:

– Ты куда?

– Вернись скоро.

– Когда скоро?

– Ох, будет мне нынче покой?!

– Куда ты?!

– Ну пошли вместе, горе мое.

* * *

Соседний холм венчало кольцо серых обтесанных камней. Внутри кольца земля просела, будто туда ступил великан. Чуть ниже, на склоне, еще один ряд камней окружал неглубокую, заросшую травой впадину. Радка настороженно зыркала по сторонам.

– Здесь что прежде было? – спросила она.

– Хутор какой-то... – отозвалась Десси. – Вот здесь – дома остатки, тут вроде погреб, на том холме, видишь, ступенями, – огород.

– А почему отсюда люди ушли?

– А я знаю? Только теперь тут – Дом Голосов. Место такое, откуда весь лес слышен. Вот я и хочу узнать, где что творится. Ты наверху посидишь или голоса слушать будешь?

– Буду, – храбро сказала Радка.

– Ладно, тогда спускайся вниз и ложись.

- Глаза надо закрыть?
- Рот закрой. А с глазами делай, что хочешь.

И Десси растянулась на траве, глядя в золотое закатное небо. Рядом примостилась Радка. Поначалу Радка не слышала ничего – только ветер гудел в траве. Потом различила, как, тихонько причмокивая, лижет берег река. Потом лес, потревоженный вечерним ветром: протяжный хвойный гул, разноголосая болтовня листьев, перестук сбитых наземь дождевых капель, скрип поваленной сосны – она уже не первый год все не могла умереть, падала, цеплялась за своих соседок и кричала в ужасе всякий раз, когда ветер пытался подправить дело – уложить ее на мох, в дурманную и беспамятную болотную сырость.

Потом холм обступили иные звуки: испуганный свист маленьких крыльев, шорох беличьих коготков, сосредоточенное пыхтение крота, шелест иголок под муравьиными лапами.

А потом до холма добрался, дополз хриплый сбивчивый голос флейты. Вовсе странный и неуместный в лесу, он взвизгивал, прерывался, но вновь упрямо начинал выговаривать все те же ноты, но так и не мог довести мелодию до конца.

Десси нахмурилась, потеряла лоб, потом тихонько запела:

*Любви хорош один глоток,
Не стоит пить до дна.
У песни тысячи дорог,
Мелодия – одна.*

И Радка изумилась: песня была, несомненно, та самая, но сейчас слова говорили об одном, а музыка – совсем о другом.

Десси меж тем вскочила на ноги и велела:

- Собирайся.
- А что случилось?
- Там разберемся. Похоже, один... хм-м... человек влип в очень скверную историю и зовет на помощь.
- Нас?
- Кого придется. Пошли, посмотрим, что там стряслось. Чтоб Дудочник помощи запросил... Н-да, дожили!

Глава 8

Десси торопилась – ей вовсе не хотелось бегать по лесу в темноте. Радка плелась сзади. Теперь они уходили от поймы реки, то и дело огибая болотца с торчащими из желтой травы мертвыми остовами берез, шагали по кочкам, раздвигая сухую осоку, пробирались сквозь заросли ольховника. Радка глотала слезы. Хоть им и не встретилось пока ни одно чудище, лес все равно был ужасен – безликий, безымянный, пустой. Он заманивал, заводил их все глубже, и Радка уже не верила, что когда-нибудь выберется отсюда.

Десси, как и полагается ведьме, почуяла ее страх и спросила, не оборачиваясь:

- Ну что, хочешь в город?
- Угу.
- Вот, давно бы так-то. Ладно, теперь жди до завтра. Утром выведу на дорогу. Радка не знала, верить сестре или нет.

* * *

Солнечный свет оставался лишь на вершинах деревьев, когда Десси с Радкой добрались до четырех стоящих в густом ельнике невысоких холмов. Потом ночь выплеснулась из-под корней, затопила лес, и ближний холм беззвучно прорезала широкая черная трещина, а Радка вновь услышала невнятный голос флейты. На звук они и пошли. У самого входа в холм Десси сняла с пояса нож и воткнула лезвием в землю, после чего не колеблясь нырнула в черный проем. Радка – за ней.

– Ты пауков не боишься? – спросила вдруг Десси.

– Нет, а что?

– *Сыклюк.*

– Что?

Забрезжил голубоватый свет, и Радка отчаянно взвизгнула. Пауков она действительно не боялась. Пауков, а не восьминогих тварей размером с ладонь, с синими фонариками на спине.

Впрочем, страх мгновенно прошел – слишком удивительным было все вокруг: зеленые занавеси, расшитые мерцающими золотыми крапинками; ковры с диковинными цветами, игрушечные тарелочки, кубки; медные котелки, в беспорядке разбросанные по полу; маленькие, сплошь покрытые резьбой скамейки и кресла; тонкие, как паутинка, разноцветные плащи, втоптаные в пол. И повсюду – какие-то синие лужицы, будто крошечные озера.

– Н-да, дожили, – вздохнула Десси. – Это что ж получается, кто-то на холм напал и всех Добрых Хозяев перебил? Хоть глазам своим не верь!

* * *

Во втором зале они нашли тот же разгром. Только стол и переломанные скамьи побольше – обычных человеческих размеров. От дверей к стене тянулась неровная бурая полоса. Десси опустилась на корточки, заглянула под стол. Ничего. Но тут Радка снова «порхнула»: взвизгнула, отпрыгнула назад, едва не уронив сестрицу лицом на пол.

– Сдурела? – грозно спросила Десси.

– Там...

Одна из занавесей внизу, у самого пола, едва заметно шевелилась.

Десси раскидала поломанную мебель. Отдернула зеленый шелк.

За занавесью в темной луже лежал человек. Десси перевернула его на спину. Он упал мягко, как тряпичная кукла.

– Доигрался Дудочник, – сказала Десси мрачно.

Радка подошла поближе. Сперва ей показалось, что раненый – ее однолеток. По росту, по сложению выходило так. Потом увидела, что руки у него старые, жилистые, кожа вся в складках. С левой ладони скатилась и застучала по полу маленькая черная дудка. От куртки и рубахи остались кровавые лохмотья, живот был расплосован накрест, и от раны пахло как от давно нечищеного коровника.

– Ох, задница шеламская, и давно ты тут лежишь? – проворчала Десси.

И словно в ответ на ее слова раненый сощурился и медленно открыл глаза. И тут Радке вовсе стало тошно от страха. Глаза желтые, звериные.

– Же-е-ен-щи-на, – выдохнул он с усилием, но лицо даже не перекошилось. – Тебя... только... не... хватало... Найди... мужчин... кого...нибудь... Пусть...добьют...

– Обождешь, – сердито ответила Десси. – Добить я тебя сама добью. Если надо будет. Обожди пока. Ты всерьез решил уйти, Дудочник?

– Отступи... – попросил раненый. – На... шаг... отступи... Лица... не... вижу.

– Дионисия я. Ведьма из Гертова Городка. Посмертница Клаймова. Не помнишь, небось?
– А... Рыжая... привет. Ты... то... здесь... что?
– Обожди, – повторила Десси. – Не морочь голову. Ты мне вот что скажи: ты умирать сейчас хочешь или на потом отложишь?
– Нет... если... можешь... сейчас... не... хочу. У... меня... опять... сорвалось... все.
– Ладно, лежи тихонько. – Десси обернулась к Радке: – А крови ты не боишься?
– Нет... не очень.
– Ладно. Тогда возьми у этих бегунков фонарь и посвети мне. А то они больно мельтешат. Радка с опаской шагнула к пауку, но тот покорно замер и позволил снять со спины фонарик. Радка вернулась к Десси. На живот Дудочника она по-прежнему пыталась не смотреть. Десси сжала правую руку в кулак, потом раскрыла, и на ее ладони заплясал язычок бурого пламени. Десси подула на него, покрутила между пальцев, скатала в шарик. Потом сняла пояс, протянула Дудочнику и велела:
– Закуси-ка. Сам знаешь, сейчас и тебе больно будет.
И, крепко зажав коленями его ноги, пустила шарик гулять по вспоротому животу. Сразу же запахло свежей кровью. Будто в давно нечищеном коровнике резали поросенка. Дудочник помянул недоученных костоправов и каких-то еще врачей-убийц и кровавых маньячек.
Десси и бровью не повела – так и катала шарик по животу, что-то напевая под нос. Радка сунулась послушать заклинание, – любопытно ведь! – но услышала только старую-престарую песенку про пьяного мельника:

*Он с третьего раза в ворота попал,
В ворота попал.
И долго в конюшне хомут целовал,
Хомут целовал.*

Там, где прошелся шарик, сами собой отваливались присохшие кровавые струпья, кожа розовела. Набухала, на краях ран выступала кровавая роса, а сами края тянулись друг к другу, как губы влюбленных.

Десси задула огненный шарик, вытерла краем занавеси пот со лба Дудочника, полюбовалась на дело рук своих и вздохнула:

– Ох, придется ведь на тебя нижнюю юбку изводить.

Разорвала юбку на полосы, перевязала Дудочников живот и разрешила наконец Радке опустить фонарь.

– Ночевали вы где? – спросила она у Дудочника.

Тот указал на одну из дверей. За нею обнаружилась спальня – семь грубых, на скорую руку сколоченных топчанов. За занавеской – восьмой.

– Сойдет, – кивнула Десси и велела Радке: – Сдирай со стен ковры. Грабить так грабить.

Из ковров и занавесей они соорудили на двух топчанах какое-то подобие постели. Пере-тащили туда Дудочника.

– А ты не больно худой, – заметила Десси. – Есть в чем душе держаться.

– Мы тоже тут ночевать будем? – спросила Радка.

– Может быть. Только... можно и получше место поискать. Пошли-ка!

И, не слушая возражений, Десси потащила сестру вглубь холма.

Они изрядно поплутали по темным залам и галереям, пока не остановились перед высокой дверью, покрытой серебряными узорами. Эта дверь тоже вела в спальню – но в какую! Высокий сводчатый потолок, мохнатые ковры, в которых тонули ноги, лампы, вспыхнувшие золотистым светом, едва гости переступили порог. И огромное, размером со все восемь топ-

чанов, ложе посреди спальни. На зеленом с золотыми крапинками пологе вышиты две серебряные короны.

– Ну, вот видишь! – сказала Десси удовлетворенно. – Будем спать на королевской постели. Однако у этих малюток губа была не дура. Они тут, видно, по ночам в прятки играли.

Постель оказалась мягкой как пух и теплой, как протопленная печка, атласные подушки – воздушны, одеяла – невесомы. Радка снопом повалилась во все это великолепие, прижалась к сестрицыному боку и мгновенно уснула.

Но на самом краю сна все же успела спросить:

– Десс, а Дудочник – кто?

– Он тебе сам расскажет, – пообещала сестра. – Он любит с детьми болтать, обожает просто.

* * *

Десси полежала, прислушиваясь к мирному Радкиному сопению, потом выскользнула из-под одеяла, позвала паука-фонарщика и вновь отправилась бродить по подземным коридорам. Прежде всего поднялась наверх и вытащила нож, иначе холм не закрылся бы на рассвете, затем спустилась на кухню. Эльфийский дворец она знала не слишком хорошо, но полагала, что винные погреба должны быть внизу, недалеко от кухни и пиршественного зала.

Так оно и оказалось. Десси обследовала полдюжины бочонков, выбрала самое темное пиво, нацедила ковшик, привалилась к бочке спиной и стала неторопливо и со вкусом размышлять о том, эль ли назвали в честь эльфов или эльфов – в честь эля.

Слишком о многом не хотелось думать.

Кому, например, – и, ради чрева шеламского, зачем? – стукнуло в голову напасть на Добрых Хозяев?

Кому невдомек, что эльфийские украшения тают в солнечных лучах?

Кто смог открыть холм снаружи до захода солнца?

Кто мог справиться с эльфийским волшебством?

Кто смог выпустить кишки из Дудочника?

Но это еще не самые пакостные вопросы.

Куда девать любезную сестрицу?

Куда деваться самой, когда сюда притопают чужане?

Но и это еще не самые пакостные вопросы.

Хуже всего такой: как не вспоминать о прошлом лете?

О том, как Клайм качал ее на коленях, щекотал то за ушком, то по горлышку, то еще где, так что она повизгивала от удовольствия, и мурлыкал всякую ерунду, вроде:

*Кот на печку лезет,
Шпагу вынимает.
Покажу кувшину,
Как сметану прятать!*

Вот и допелись, и досмеялись – колдуны безмозглые!

Десси заметила, что ковшик опустел, и нацедила еще один. Она надеялась, что после третьего или четвертого сможет заснуть.

Глава 9

Всю ночь Радка хоронила Дудочника. Тело его все время росло, безобразно раздувалось, взрывало изнутри могилу и бесстыдно выпирало на свет. И снова они с Десси забрасывали его землей и камнями.

Десси вернулась в королевскую спальню за полночь, а к утру ее догнало пивное похмелье (мерзкая штука, с этим многие согласятся).

Словом, к утру вся троица – мрачная и взъерошенная – собралась в бывшем пиршественном зале.

Да-да, именно вся троица. Ибо Дудочник, вопреки Радкиным сновидениям, был не только жив, но, похоже, невредим и здоров.

Когда сестры спустились вниз (немало времени проведя в королевском будуаре за разгадыванием секретов разных магических зеркал), Дудочник украшал стол веточками мяты. На столе уже красовались нарезанный крупными ломтями окорок, козий сыр («Молоко по ночам сцеживали, вьюги», – решила Радка), лепешки, патока и пиво («бр-р...»).

Заметив, как сморщилась Десси, Дудочник кивнул понимающе и подвинул ей кувшин с перебродившим березовым соком. Словом, был он необычно подвижен и услужлив для человека, которому вчера распорили живот. А потому Радка поглядывала на него недоверчиво и неодобрительно.

Какое-то время ели молча. Потом Дудочник отложил кусок лепешки, посмотрел внимательно на своих спасительниц и спросил:

– Ну что, Рыжая, карты открывать будем?

– Думаешь, тебе в них смотреть захочется? – отозвалась Десси. – Вот гляди: шелапцы вне закона, Рагнар продул войну, здесь вот-вот будут чужане, я осталась без крыши над головой и с дитем на руках. А у тебя погуще? Кстати, кто это тебя вчера?

– Знал бы, сам бы тому мерзавцу ноги выдернул! – печально отозвался Дудочник. – Под вечер налетел отряд, вспороли неизвестно как холм, ну и меня заодно, перебили дюжину здешних.

– Если по оружию смотреть – кто?

– Не чужане. Скорей, из Королевства. Разумеется, без знаков на одежде. Но с мечами из живого железа.

– Ну не знаю. Если не чужане, – тогда совсем не знаю.

– Главное – я ребят потерял. Обидно, хоть плачь. Год целый с ними возился, языку здешнему учил. Они только-только Хитрую Науку начали понимать... А теперь все прахом.

– Ты где их набрал-то, детолов?

– Далеко. Так далеко, что ты лучше даже не спрашивай. Одно утешение – отправил их вчера туда же. Причем, оцени – вслепую, второпях Дорогу открывал, но ошибся едва ли на два-три дневных перехода. Так что они там не пропадут.

– А ты что же?

– А у меня пас, как и у тебя.

– Это как?

– Пшик. Там уже наверняка время сместилось. А искать ребят – так с меня там с живого кожу снимут. Пока я команду набирал, успел наследить изрядно. Словом, два паса – в прикупе чудеса. А на прикупе как всегда – Шелап.

– Чего?

– Поговорка такая. Ладно, а ты что делать надумала, Рыжая?

– Красавицу вот эту на дорогу к Купели вывести. – Она обернулась к Радке. – Пойдешь? Или новая вожжа под хвост попала?

- Пойду, – тихо ответила Радка.
- Вот и умница. Ну а потом – я о Сломанном Клыкe думала.
- О чем? Верней, о чьем?
- Ну ты сер, братец Дудочник. Сер, как королевские штаны. Это маркграфов Луней вотчина. Сломанный Клык – почитай, самый большой замок в приграничье. В крепостях его еще Луневым Гнездом зовут.
- Ты ж говоришь, ты вне закона.
- Так Луни же – выкупные маркграфы. Они свою землю у короля откупили в полное владенье за то, что границу держат. Теперь они в своей марке и судьи, и законники, и казначеи. А шеламцу за услуги немало платят. Особенно когда война.
- Меня с собой возьмешь?
- Десси задумалась.
- Возьму. Если Рыжей звать не будешь. Я не корова и не кошка.
- Идет. Только ты меня тоже Дудочником не зови. Зачем народ пугать?
- И как же вас, Ваше Свистейшество, величать?
- Ну хоть Карлом.
- Карлом?
- Это с той земли имя. Ну, откуда я ребят привел. Значит что-то вроде: «Эй, парень!»
- Ладно, договорились.

* * *

И снова Шелам их обхитрил.

В полдень вся троица лежала в зарослях папоротника на поросшем молодыми соснами холме и шагах в двадцати от дороги на Купель. А по дороге важно пылили войска чужан. Плыли на плечах пехотинцев страшные, длиной в четыре локтя, копья – те, что здорово умели копаться в лошадиных животах. Разрезали воздух узкие боевые косы – любительницы конских и человеческих поджилок. Тряслись по обочинам дороги конные лучники. В арьергарде степенно покачивались прекрасные и благородные братья кос – боевые топоры. Десс казалось, что она видит багровое свечение от тайных знаков, нанесенных на лезвия. Таких топоров в чужанских горах набралось бы, наверное, не больше двух-трех сотен. Звались они чудно – Дети Ласточки; верно, оттого, что лезвия напоминали птичьи крылья. Детями Ласточки чужане называли и хозяев топоров, не делая большого различия между оружием и человеком. Здесь, на дороге, оказались всего двое Сыновей Ласточки – судя по яркому тиснению на куртках, из мелких родов. Но не прославленные лезвия были главным сокровищем отряда. Меж рядов конных и пеших воинов катились три длинных открытых повозки, на которых возлежали стволы огромных сосен.

Запахи смолы, заношенной кожи, конского и человеческого пота ударили в ноздри троим путникам, и Десси не понадобилось даже закрывать глаза, чтоб увидеть осажденную Купель: стайки горящих стрел в воздухе, жалобно поскрипывающие суставами старушки баллисты на городских стенах (их после почти десятилетнего заключения в подвалах вытащили погреться на солнышке), веселые, шумные, будто плясуны на ярмарке, войска чужан и вырастающие в стороне от города скелеты осадных башен. Чужане хотят ломать стены. Им нужно дерево и кожи. Эти дни станут черными для всех не поспевших спрятаться в городе буренок и башек. А Радку некуда девать. Опоздали, опоздали, опоздали.

Они отползли обратно в лес. Десси приготовилась к новым рыданиям сестрицы и шпилькам Дудочника, но почему-то пронесло. Радка только спросила, глядя куда-то мимо:

- Ну и что теперь, в Гнездо твое это пойдём?
- Угу, – ответила Десси. – Потопали.

А про себя подумала: «Коли такие дела пошли, что же нас в Гнезде-то ждет?»

Всю дорогу гадала, но, разумеется, не догадалась.

Хоть и навидалась за последние дни всего, но *такое* даже на ум прийти не могло.

И когда вечером они выбрались на берег речки Павы и увидели вдали громаду замка, не Радка, не Дудочник, а именно Десси уронила мешок на землю и застыла с разинутым ртом.

– Нет, чрево шеламское, надо же, – пробормотала она, – это надо же... У нас война в самом соку, а Луни вздумали замок красить!

В лучах заходящего солнца башни и стены Лунева Гнезда сверкали ослепительной снежной белизной.

Глава 10

Голос был тихий, убаюкивающий – ... Это все в прошлую зиму случилось. Ну как снег лег. В Гнезде тогда только старый Лунь жил с женой да брат его вдовый. Ну, прислуга, конечно, приживалы, Луниха до них больно добрая была, ну, солдаты. Эти, правда, больше по деревням квартировали – замок-то невелик, а они свои, тутошние были, можно сказать, у отца с матерью на глазах...

Десси с Радкой сидели в зыбком печном тепле и слушали Агну (по-здешнему – Гнешку), которая суетилась у чела печи с ухватом, торопилась накормить новых постояльцев. В печке поднимались пироги, важно пыхтел горшок с молоком.

В Павинку, деревню у подножья Лунева Гнезда, они пришли вчера уже в сумерках. Деревенские вначале глядели недобро, хотя видели перед собой только двух девиц (Дудочник от них отстал, сказал, что в избу не пойдет, спрячется где-нибудь на конюшне или в баньке.) Но едва Десси назвалась шеламкой, все разом заулыбались, заворковали над бедными девоньками и быстро определили их к Гнешке, здешней повитухе, на постой. Нынче с утра Гнешка тоже старалась во всю, чтоб угодить гостям.

Павинку (об этом Десси спросила еще вечером) чужане миновали. Мимо Лунева Гнезда ни одна большая дорога не шла. Только дня два назад мальчишки видели с деревьев каких-то всадников почти у самого горизонта. «Вы что ж, дозоров теперь не ставите?» – спросила на это Десси. «Какие там дозоры? – ответили ей. – Замок повымер весь».

В другое время Радка поудивлялась бы: больно непохоже было на родную деревню. Вроде рядом живут, только узкий рукав леса и лежит меж ними, но там, на родине, шеламцы – страшные нелюди, а здесь дороже братьев и сестриц родных. Но то в другое время. А сейчас она просто и бездумно радовалась всему, что видела и слышала: белому горячему телу печки, сладкому запаху сохнувших на печи яблок, знакомому дзеньканью ухвата о горшки, жилистым смуглым рукам Агнеты, ее старенькой темной юбке и фартуку с разводами сажи (верно, трубу недавно чистила). «Я уж и свидетелься не чаяла», – думала Радка. Ей казалось, она так и помрет посреди болот, буераков да мертвых немых деревьев. О родителях, о козочках, о страшных чужанах – нелюдях вспоминать просто не хотелось.

А вот Десси слушала. Так же ни слова не говоря, головой не двинув, вбирала в себя Гнешкины слова и, казалось Радке, что-то такое в своей голове с ними делала.

– Так вот, помню, как-то спозаранок ко мне Атка прибежала. Она в замке кухарила тогда. Не одна она, конечно, да речь не о том. Она, дура, квашонку с утра притворила, в курятник сунулась – а яйца ни одного нет. Она – ко мне бегом. Тетушка, выручи. Стряпухи больно боялась. Стряпуха у них, правда, крутенька была. Но баба хорошая, справная, серьезная. Ладной ей за Меч дороги... Ну вот, прибежала ко мне Атка, а морозы тогда с утра злющие стояли, у нее аж сопли все под носом замерзли. Ну, дала я ей яиц пяток, у меня тогда курочки справно неслись. Прихожу обратно в избу. А она сидит вот тут же, где вы, у печки, и качается вся, так ее кашлем разбирает. Я, понятно, ей говорить стала: что ж ты делаешь, застудилась, смотри, вся

застудилась, по морозу-то с разинутым ртом не бегай, а она только головой мотает, на крыльцо выскочила и харкать начала, ровно как ее кто-то наизнанку хочет вывернуть.

– Кровью? – спросила Десси.

Гнешка покачала головой:

– Не, не кровью. Кровью-то они потом харкали. Ну, потом отошло, отдышалась, яйки взяла да и назад побежала. Стряпухи больно боялась. А я пошла снег смести, где она харкала-то. Глянула – а там ровно паутинка белая. И будто даже шевелится. Ну я и поняла, что дело худо... Только я сперва думала, это Атку кто испортил. Она девка шустрая была – может, у кого залетку отбила. А потом слышно стало, почитай все в замке кашляют. И помирать стали люди. Атка скоренько после того представилась. А из господ первой Луниха умерла. В самый ледоход. И главное – чтоб в деревне хоть кто-нибудь заболел. Ну, кашляли, вестимо, кашляли. У Лины вон из соседней избы младенчик от горячки помер. Но это ж другое совсем! А из замка стал народ разбегаться. Стыдно было им, конечно. Опять же, у своих всех на виду. Но бежали. Жить-то хочется! А стал снег сходить, так увидели все, что замок с-под низу такая же белая паутина оплетает. Ну, тут уж до всех дошло, что на весь замок порча наведена. Колдуна тогда своего в замке не было. Он еще осенью в лесу сгинул...

Десси вздрогнула.

– Ну Лунь старый и поехал куда-то далече – колдуна добывать. Привез. Тот походил вокруг, повинохивал и говорит: «Тот, кто на вас порчу навел, сильный больно колдун. На смерть, – говорит, – его заколдовать не могу. На смех только». – «Это как?» – спрашивает старый Лунь. «Так, – говорит, – что будет его смехом колотить, пока заклятье свое не снимет». – «Ладно, – говорит Лунь, – колдуй только покрепче, а в цене не обижу». Его самого тогда уже белая паутина изнутри ела. Ну, я сама не видела, но сказывали, сделал колдун глиняную фигуру, залепил в нее клочок той паутины и стал на огне жечь.

– Болван, – пробормотала Десси себе под нос и, чуть погодя, добавила: – Бедняжка.

– Сказывали, как начал он фигуру палить, в замке ровно застонало что-то, а другие говорили, будто ребенок заплакал. Ну, колдун фигуру обжег, а что осталось, в суму к себе спрятал. «Завтра, – говорит, – искать поедем. Кого в эту ночь злые корчи схватили, тот и виноват во всем». Ну и улеглись спать. Только ночью вдруг колдун как закричит: «Ой, глаза! Ой, глаза мои!» Выбегает из комнаты – все лицо в крови. Люди глянули – а глаз то и нет, ровно вырвал кто. Ну, замок весь обыскали, только без толку, конечно... С тех пор все и кончилось. Лунь старый вскорости помер, брат его тоже. Кто еще жив был – все из замка расползлись по домам умирать. А паутина эта проклятушая в семь рядов уже замок затянула. Будто кокон какой. Говорят, из него по осени огненный змей выведется да все пожжет. Ну, врут, может...

– Ясно, – сказала Десси. – А вот если вдруг я это заклятье с замка сниму, позвольте мне с сестрой у вас на хлебниками перезимовать?

– Да зачем тебе, девонька? Нешто я так не пушу? Живите, Шелама ради, мы ж не нелюди, – заохала Гнешка.

Десс покачала головой:

– Так не пойдет. Так – только шеламским лисицам на смех. Чужане в этот раз надолго пришли. Купель возьмут, а потом и до Павинки доберутся. Без каменных стен нам совсем плохо будет.

Гнешка вздохнула:

– Не знаю, что и сказать. Тут не для моей головы дума. С людьми говорить надо.

– А я ж не спорю, – отозвалась Десси. – Дело неспешное. Поговорим, подумаем.

* * *

После завтрака Десси с Радкой, не слушая Гнешкиных протестов, принялись помогать ей по хозяйству. Повитуха поначалу ходила за ними следом то в коровник, то в курятник и приговаривала:

– Нешто ж я сама не сделаю? Люди-то что говорить будут?

Но Десси в ответ на ее жалобы лишь отмахнулась:

– А ты решила, мы и впрямь в нахлебницах жить станем?

Вечером Десси пошла к замку – побродить вокруг, присмотреться. Из сумерек появился Дудочник, и они долго сидели на берегу Павы, обсуждая во всех подробностях предстоящее волшебство.

– Топорище какое посоветуешь делать? – спрашивала Десси.

И он отвечал:

– Рябиновое.

– Ладно, – соглашалась шеламка. – Будет тебе рябиновое.

Замок высился на той стороне реки, будто спустившееся на землю облако, – б елый, безмолвный. Единственная пятигранная башня с узкими бойницами по всей высоте (внутри винтовая лестница) да двухэтажная постройка внизу с жилыми покоем. Крыша жилого дома служила боевым ходом, с которого удобно обстреливать идущую вдоль Павинки дорогу. На краю крыши также примостились бойницы в виде ласточкина хвоста. В глубине Десси угадывала маленькую галерею, соединявшую башню и боевой ход. Высунутым языком торчал над ровом оплетенный паутиной подъемный мост. (Опустить его пытались или, наоборот, поднять?) Сухое дерево на балясине внутренних ворот (из-за него замок и прозвали Сломанным Клыкком) превратилось теперь в сахарную голову. Десси, когда была маленькая, частенько видела среди облаков такие вот белоснежные дворцы и, само собой, мечтала хоть разок там побывать. Вот и домечталась.

– «Сердце, спокойно терпи, как бы ни были тяжки страданья. Вспыльчивость – это, поверь, качество низких людей», – продекламировал Дудочник.

Шеламка кивнула, хоть и не поняла до конца. Но ей всегда нравилась хорошо сложенная речь.

– Это что? – поинтересовалась Десси.

– Да так, некто Феогнид. Я к тому, чтоб ты не кусала губы. Тебя никто не заставляет в этот замок лезть.

– Война заставляет, – возразила Десси.

– «Если уж рядом война оседлала коней быстроногих, стыдно не видеть войны, слезы несущей и плач», – согласился Дудочник. – А ты как думаешь, где первый колдун ошибся?

– Дурак был, – ответила Десси, зевая. – Дураков бьют – умным уроки дают.

– А точнее?

– Есть два закона гостеприимства в Шеламе. Не зови того, кого не хочешь видеть. И не зови того, кого не сможешь выпроводить. Он умудрился нарушить оба и получил по заслугам. Это надо ж было придумать – восковую куклу жечь!

– А что? – изумился Дудочник. – Нормальная симпатическая магия, по-моему.

– Чем это она симпатичная? Представь себе: спишь ты спокойно, никого не трогаешь, вдруг кто-то схватил факел и принялся тебе пятки палить. Как ты – не знаю, а я тут ничего симпатичного не вижу. И Привиденница наша, видать, тоже.

– Привиденница?

– Конечно. Кто такие кружева плести станет? Женщина только.

– Может, ты и имя ее знаешь?

– Откуда? Для того чтоб знать заклятие, нужно вперед знать, кто его положил. А для этого нужно знать, кто на покойника зуб имел. Если б тот колдун графа догадался порасспросить, не стучал бы сейчас клюкой.

– А ты узнала?

– А мне скажут? Графья все в склепе, под замком. Чтоб туда добратся, нужно прежде Привиденьицу прогнать. А здешние вряд ли что знают. А если и знают – мне не скажут. Я тут чужая. Так что если ты со своего чердака чего услышишь... Хотя тоже вряд ли. Не думаю, что здешние дни и ночи напролет покойному Луню кости перемывают.

– Постой, если я хорошо понял, ты собираешься снимать заклятье вслепую, в точности как первый колдун?

– Угу, похоже, что так и придется.

– «Цену одну у людей имеют Надежда и Дерзость. Эти два божества нравом известны крутым», – сообщил Дудочник. – Позволь спросить, на что ты надеешься, радость моя рыжая?

Десси рассмеялась:

– Сам же говорил, на что. На два паса – в прикупе чудеса. А еще на топориче из рябины.

Глава 11

Дома у Гнешки шеламку поджидали трое гостей. Весьма дородная баба в расшитой дорогой юбке и душегрее и двое мальчишек, одетых на господский манер. (Старший, впрочем, судя по тщательно выбритой верхней губе, числил себя во вьюношах.)

– Это Луньки, молодые господа, – зашептала Гнешка Десси в сенях. – Они в столице на учење ездили, по весне вот вернулись, уже после того как замок вконец затянуло. Карстен, старший, и Рейнхард. Видеть тебя хотят.

– А третья кто?

– Мильда, кормилица ихняя.

Братья были похожи, только у младшего физиономия то и дело расплывалась в улыбке, а у старшего на переносье уже пролегла морщина и рот каким-то противоестественным образом превратился в скобочку, какую Десси видала прежде лишь у старых дев.

Она прошла в горницу, поклонилась молодым господам и тут увидела, что они не теряли в столице время даром. Левые запястья обоих братьев украшали шипастые браслеты – знак низшего посвящения храма Солнца, обязательный для младших офицеров. Десси захотелось завить от тоски.

Лунь-старший милостиво ей кивнул.

– Агна говорит, что ты хочешь расколдовать наш замок, – произнес он строго. – Но другие говорят, что ты – шеламская ведьма.

Отпираться было бессмысленно – более того, отпираться здесь, рядом с Клаймовой могилой, было попросту противно. И Десси засучила рукав, показав солнцепоклонникам ее собственный браслет – старый ожог вокруг правого запястья, напоминающий отпечаток человеческой ладони.

– Вам сказали правду, домен Клык.

Высшая вежливость в Пришеламье – назвать человека именем его земли. И Десси с удовольствием отметила, что щеки молодого князя на мгновение вспыхнули. Проняло. Достало.

– Вам сказали правду, доменос, – повторила она. – Я ведьма Шелама.

– Рейн, пойдй во двор, – велел Карстен, повернувшись к брату.

* * *

Парнишка был шкода и шныра – это Радка поняла, едва он показался на крыльце. Цепко оглядел двор, зыркнул мрачно на чистившую ножи Радку, – нишкни, мол, девчонка! – спрыгнул со ступенек и шмыгнул за угол, на задний двор. Радка, разумеется, следом. То ли присмотреть, чтоб не стащил чего, то ли пошнырить вместе.

Парнишка порылся в сваленных у стены ржавых ухватах и серпах и нацелился уже на старую собачью будку, как вдруг в воздухе ровно стеклянные колокольчики прозвенели. Он насторожился, вскинул голову и замер столбиком. Затаила дыхание и Радка.

Откуда-то из-за дома выпорхнула огромная белая птица и, описав полукружье, опустилась во двор шагах в двадцати от ребят. Вскинула длинную тонкую шею, щелкнула клювом, раскинула белоснежные пушистые крылья и закружилась, заплясала. И снова колокольчики заиграли. Радка и княжич, не сговариваясь, пригнулись, словно молодые котята, и стали тишком подбираться к этакому чуду. Птица то ли не почуяла их, то ли не испугалась. Знай пляшет, купается в солнечных лучах да колокольчиками звенит.

Краа!!! Со старой ивы за забором сорвался вдруг толстенный черный ворон и бросился на птицу. Та отшатнулась, захлопала крыльями и стрелой – в небо. Ворон за ней. Радка и княжич только глазами их проводили. Потом посмотрели друг на друга, но молча. Что тут скажешь? Чудеса да и только.

* * *

– Прежде всего я хотел бы знать, чем твоя магия отличается от обычной, – сказал старший княжич.

– Если у дальнего колдуна ничего не вышло, почему ты думаешь, что у тебя выйдет? – пояснила Мильда.

Десси улыбнулась, опустила глаза.

– Во мне страха больше, – ответила она. – Кроме того, тот колдун свой собственный был, а я Шеламу принадлежу. Лес не станет свое добро просто так разбазаривать.

Карстен изумленно вскинул брови.

– Звучит разумно, – признал он. – Только какой платы ты потребуешь? Притащишь в наш замок всю шеламскую нежить?

– А ты думаешь, ей в лесу плохо живется? – Десси начала сердиться.

Похоже, всю жизнь ей придется спорить об одном и том же. Только собеседники будут меняться.

– Говорить-то вы все мастера, – проворчала Мильда. – А кто поручится, что это правда? Что ты замок для нас, а не для себя освободишь?

– Некому поручиться, – спокойно ответила Десси. – И мне поклясться нечем. Своей жизнью – так она Шеламу принадлежит. Сестриной – так я ж шеламка, мне лес всех кровников дороже. Понимаешь, доменос, – она повернулась к Карстену, – на деле все просто. Я стою у стенки – и ты тоже. Насупротив меня. Сделай шаг вперед – и мне придется на тебя бросаться. Отступи, дай мне еще немного места, и я отступлю. Разойдемся. Мне зиму пережить надо. А без замка нам не выжить: ни тебе, ни мне, ни брату твоему – никому здесь. Потому что если не осенью, так весной непременно с чужанами воевать придется. Вот и думай теперь, верить мне или нет.

Быстро глянула на княжича и тут же отвела глаза. Поняла, что снова попала. Потому что у Карстена хватило ума понять, что ведьма говорит правду. А против правды не попрешь.

– Хорошо, – сказал княжич. – Я не должен тебя слушать, но видно, другого выхода нет. Используй свою магию. Только в замок я пойду вместе с тобой.

– Карстен, да ты что? – заохала Мильда. – Неужто мы верного человека не найдем, чтоб с ней послать?

Карстен ничего ей не ответил, только сжал губы и требовательно глянул на шеламку.

Десс и сама прикусила губу, чтобы скрыть досадливую гримасу. Уж если непременно нужен был венценосный надзиратель, она предпочла бы младшего княжича. Но не лезть же два раза на один рожон!

– Домен Клык решил, значит, так будет, – сказала она.

Глава 12

Погода испортилась. Вечером солнце глянуло на землю больным, налившимся кровью, глазом, а с утра задул ветер, погнал по небу серые облака, а по дорогам – вихорьки пыли. Вцепился в космы старым березам на берегу Павы, дотащил до Павинки и бросил людям под ноги, словно ловчий кот свою добычу, горсть пожелтевших листьев.

Один такой шершавый крапчатый листок Десси выудила из своей прически, надкусила горький черешок, запахнула поплотней шерстяную кофту и решительно зашагала к кузнице. На ее пороге Карстен с кузнецом вели неторопливую уважительную беседу.

Кузнец в Павинке был, как и полагается, черноволосый кряжистый детина. Еще бы чуть рыжины в бороду – и в точности за Громовика сошел бы. Увидев шеламку, он попер на нее разгневанным быком.

– Ты куда это наладилась, голова соломенная? Нешто ж можно бабе в кузню заходить? Не бабье это дело, нешто не знаешь? Ты ж мне тут все железо перепортишь!

Десси отступила.

– Доменос! – позвала она. – Мне нельзя сюда, подойди на два слова.

И, дождавшись Карстена, не понижая голоса, спросила:

– Тут в округе еще кузнецы есть?

– Стой, а чем тебе этот плох? – возмутился Карстен. – Шикнул на тебя? Так он в своем праве. А топор, который ты заказывала, он обещал завтра сделать.

– Не стоит. – Десси грустно покачала головой. – У меня в такое железо, которое от женского глаза портится, веры нет. Так есть еще кузнецы? А то пойду Гнешку спрошу.

– Ну есть, есть. В Забродье один да в Барсихе еще. Только знаешь, сестрица ведьма, норовиста ты больно. Не взыщи, но, если так и дальше пойдет, придется тебя окоротить.

– Доменос! – Десси тихо рассмеялась и тряхнула рыжей косой. – Доменос, господин мой названный, дай напоследок покуражиться!

Карстен хмыкнул, но перечить не стал.

Кузнец сплюнул и за спиной Десси выразительным жестом показал молодому доменосу, что шеламке ударило в голову.

* * *

Чужане осаждали столицу уже вторую неделю. Почти каждую ночь их передовые отряды, нагруженные плетеными из ивы щитами и большими лестницами, подбирались к рвам. На рассвете, когда лучники могли различить человеческие фигуры на стенах, они засыпали защитников города стрелами, заставляли их отступить вглубь. После этого пешие отряды бросались на приступ, взбирались по лестницам, обгоняя друг друга, ибо первую дюжину воинов, взобравшихся на стены, ожидала щедрая награда независимо от исхода боя. Но к тому времени

горожане возвращались и набрасывались на врагов. Часа два кипела битва, к полудню чужане чаще всего слабели и отступали. Так проходили дни.

Но, судя по вечно обеспокоенным лицам фуражиров, по их непрерывной ругани и нервным смешкам, осада должна была вскоре закончиться. Королевское войско, отступая, подгребло под себя все припасы. Словом, не сразу угадаешь, кому пришлось хуже – захватчикам или осажденным. В столице мерли от кровавого поноса, в лагере чужан зверели от голода. И лишь женщин и на той, и на другой стороне оказалось предостаточно, что, разумеется, не способствовало поддержанию воинского духа. А потому Кьяртан, предводитель военного союза чужан, торопился – и весьма.

Брат его Армед также не знал покоя. Не сомневался, что, если войско бесславно повернет назад, за провал кампании ответит именно он, Армед. Во-первых – как заваривший всю эту кашу; во-вторых – как полукровка; и в-третьих – как младший брат и прямой наследник Кьяртана. И Армед всерьез занялся спасением своей жизни.

Ночь накануне решающего штурма Сайнем, бывший Маг Солнца, провел с Аин, сестрой Армеда. Молодая чужанка была стройной и гибкой, как водоросли в речном потоке; а тело под ладонями казалось удивительно мягким, словно бы и вовсе без костей. Перед свиданием она помазала розовым маслом за ушами, под грудью и в пахах, но все же ее собственный острый дразнящий запах пробивался сквозь благовония и щекотал ноздри Сайнема. Волшебник в тот вечер сближался с нею много раз, пока не истощил полностью свои силы. Чужане (кроме тех, что собрались на военный совет) предавались тем же забавам, и Сайнему казалось, что он теряет себя, растворяется в огромном, рычащем, стонущем в судорогах страсти, обреченном на смерть существе.

Около полуночи, оставив спящую возлюбленную, он вышел из палатки и, пожевав рвотный корень, очистил свой желудок. Затем взял ковш, подошел к припасенной заранее бочке с дождевой водой и долго мылся, стуча зубами от холода. Потом вернулся в палатку, достал из кожаного мешка две щепки с начертанными на них рунами, уколоч ножом палец и окрасил руны собственной кровью. Потом разбудил Аин.

– Тебе пора уходить, – сказал он на языке чужан. – Скоро сюда придет твой брат.

– Позволь мне остаться, – попросила девушка.

Сайнем потер переносье, потом улыбнулся.

– Ладно, оставайся, – согласился он. – Может, тебе и не вредно будет кое-что про меня узнать. Только оденься быстрее.

Девушка накинула длинную рубаху из окрашенного охрой льна и подбитый мехом плащ и пересела на правую – женскую половину шатра.

Сайнем одеваться не стал.

Немного погодя полог палатки откинулся, вошли Армед, его побратим и телохранитель Гейр и пленный – один из младших офицеров королевской армии. Армед, увидев Аин, удивленно поднял брови, но не сказал ни слова.

– Ты готов? – спросил он Сайнема.

– Ты, я вижу, тоже, – ответил тот.

Армед кивнул.

– Нам надо торопиться. Тебе обязательно говорить с этим таори-мертвяком?

– Обязательно. Ты услышал что-то важное на совете?

– Пожалуй. У таори в крепости есть подземный ход к реке. – Армед заметил, как дернулось лицо офицера, и расплылся в улыбке. – Он заканчивается в этой их священной роще, почти у самого берега. Завтра, когда все будут на стенах, большой отряд пройдет по тому ходу и возьмет южную башню. Тогда мы перестреляем всех мертвяков сверху, как цыплят.

– Хорошо, похоже, это пойдет. – Сайнем повернулся к офицеру и заговорил на языке Королевства: – Если твое лицо не лжет – значит, ты нас понял. Если ты нас понял – значит, мы

должны тебя убить. Но если ты согласишься стать гонцом князя Армеда, я смогу вымолить у него пощаду для тебя. Клянусь, что послание князя принесет Королевству только благо. Что скажешь?

Офицер сплюнул.

– Ты мразь, – сказал он.

– Это все?

– Ты мразь, ты дивий пес.

– Это точно, – согласился Сайнем.

По его знаку Гейр одним движением перерубил веревку, связывавшую руки пленника, вторым – ударил его ножом в спину. Аин ахнула и закрыла лицо.

Сайнем вложил в рану одну из рун, потом перевернул убитого на спину, разжал его челюсти и положил вторую руну под язык. Кровь мгновенно перестала течь, и мертвый медленно поднялся на ноги. Сайнем хлопнул его по плечу.

– Иди домой, – сказал он. – Иди домой, служивый, ты отвоевался. Иди и доложи командиру, как тебя убили.

Мертвец покорно побрел к выходу из палатки.

Сайнем велел Гейру:

– Накинь на него плащ, чтоб не видно было раны, и проводи до городских укреплений. Ближко не подходи – просто позаботься, чтоб наши его не задевали.

Гейр дождался подтверждения приказа от Армеда и вышел из палатки. Сайнем повернулся к побледневшей, стиснувшей зубы Аин.

– Ну что, насмотрелась? – спросил он с улыбкой. – Беги-ка и ты к себе. Дальше еще хуже будет.

Девушка молча, не глядя на Сайнема, поспешно собралась и ушла. Едва за ней опустился полог, как лицо волшебника перекошилось от боли. Промычав что-то неразборчивое, он опустился на лежанку и свернулся, как побитая собака.

– Эй, ты чего это? – спросил Армед с испугом.

– Ерунда, – выдохнул Сайнем.

– Нет, постой, да ты впрямь как мертвяк стал! Что это вдруг?

– Вдруг! – Сайнем криво усмехнулся. – Ерунда, говорю тебе. Просто мы теперь с покойничком – один человек. И нож Гейров у меня тоже в спине торчит.

Армед тут же положил руку на спину приятеля – проверил.

Сайнем хрипло рассмеялся, охнул, закусил губу.

– Нож-то не человеческий! Он даже убивать сразу не убивает. Жизни кусок, может, отнимет, но это уж как повезет. Ладно, отстань, лучше подняться помоги. Посланник наш вроде до постов дошел, пароль с него требуют.

Волшебник сел, вытер пот краем Армедова парадного плаща и заговорил на языке Королевства. И где-то у самого города мертвец притворился живым, повторял его слова, рассказывал, как чудом сбежал от нелюдей – дивов, негодовал, требовал, чтоб его немедленно отвели к старшему офицеру. И обоих грызла, захлестывала при каждом шаге, подбиралась все ближе к душе нечеловеческая, нездешняя боль. И Сайнем видел, как из тумана выступают темные улицы города, рукояти мечей и блестящие щиты солдат, узкие переходы крепости, и устами мертвеца все торопил своих провожатых. Ему нужно было добраться до цели прежде, чем боль завладеет его рассудком.

Наконец, когда посланник попал в комнату старшего офицера, Сайнем велел ему скинуть плащ и, воспользовавшись тем, что защитники города на мгновение онемели, шепнул Армеду:

– Ну, говори, пора.

Армед заговорил, Сайнем переводил, мертвец в пяти милях от них повторял:

– Благородный господин, меня послали Армед, князь чужан, и Маг Солнца Вианор. Солдаты чужан устали от войны, и Армед хотел бы заключить мир с вами. В его жилах течет также кровь людей Королевства, и он не хочет причинять зло земле своих предков. Если король отдаст ему часть земли, достаточную для прокормления войска Армеда и его свойственников, Армед уведет свои отряды от столицы. А в доказательство того, что это не ловушка, Армед расскажет вам о плане завтрашнего штурма. Соболаговолите найти способ донести мои слова до короля. Люди Армеда будут ждать королевских посланников послезавтра на рассвете в священной роще.

Боль достигла такой силы, что Сайнем ее почти уже не ощущал. Просто его затягивало в темную воронку без воздуха. Торопясь, сбиваясь на каждом слове, он рассказал осажденным о найденном подземном ходе и, стоя уже на самой границе тьмы, последним усилием освободил своего напарника. Окровавленное тело офицера рухнуло на каменный пол в крепости, а Сайнем откатился к стене и долго лежал молча, гладил дубленую кожу, обтягивающую палатку, волчью шкуру на лежанке, забытую Аин бронзовую пряжку, будто заново приучал себя к этому миру.

– Ну, волшебник, ты жив еще? Тогда проси любой дар, – тихо сказал Армед.

– Погоди, – отозвался Сайнем, – ответа дождись.

– Твоя правда. Только имя я тебе с этой ночи дам новое. Хватит уже под мертвяцким именем ходить. Будешь Халден – живучий.

– Ладно.

Они помолчали, как и подобает при рождении нового имени.

– А скажи, все Маги с Острова могут мертвых оживлять? – спросил Армед.

– Это звездная магия, – ответил Сайнем. – Для сыновей Солнца она нечиста. Но я был Хранителем Равновесия, мне полагалось знать все. Правда, вряд ли кто-нибудь из моих учителей поверит, что я решился применить свои знания на деле.

– Так что насчет дара? Проси, пока меня братец не хватил.

Сайнем покачал головой.

– Нет, еще рано, сиди здесь.

Армед пожал плечами, но послушался.

Минуты две спустя они услышали шаги.

– Гейр возвращается. – Армед вскочил.

– Сиди! – велел Сайнем.

Армед помедлил, потом шагнул к выходу.

Снаружи басовито и беззлобно прогудела тяжелая стрела. Армед, услышав ее, мгновенно упал на пол. Гейр охнул удивленно и мешком свалился на пороге палатки. Армед отдернул полог. Стрела торчала из груди и спины Гейра, прошив его насквозь.

Онемевший Армед, стоя на коленях, тупо смотрел, как умирает его побратим. Хотел двинуться, но не мог. Каким-то звериным инстинктом он чуял, что смерть Гейра не случайна, не нелепа, что в нее нельзя вмешиваться.

– Откуда стрела взялась?! – крикнул он наконец. – Откуда?! Ей же неоткуда было!

Сайнем встал, начал, не торопясь, одеваться.

– Это цена, – устало пояснил он. – Так устроена магия. За смерть нужно платить другой смертью. А маг – это тот, кто всегда платит чужой.

Глава 13

В Забродье Карстен окончательно убедился, что шеламка либо свихнулась, либо морочит ему голову, надеясь вытянуть побольше денег. Забродского Громовика – рыжего огромного детину – она с ходу спросила:

– Пустишь меня твою кузню посмотреть?

Тот развел руками:

– А чего? У меня от людей секретов нет. Идите, глядите.

Ничего страшного в кузнице не случилось. Не заплясали на стенах молоты и зубила, не треснула наковальня, не расплавилась, не потекла наваленная на полу крица.

Десси пораспросила Громовика, где тот берет глину для горна, какое железо – королевское или дивье – лучше для перековки, а потом сообщила Карстену:

– Ехать надо, доменос. До темноты хорошо бы домой добраться.

Карстен от гнева даже дар речи потерял. Долго проклятая ведьма будет из него жилы тянуть? Но при кузнеце затевать ссору не хотелось. Карстен вскочил в седло. Гнедая коренастая ширококостная кобылка, лучшая лошадь Павинки, испуганно шарахнулась, так как была непривычна к шпорам и мужским коленям. Карстен от души огрел ее хлыстом и подождал, пока Десси устроится за его спиной. («Из-за этой сучки шеламской приходится еще и див знает на ком ездить!»)

Соображает она хоть, чего мне все это стоит?!»)

Когда выехали за околицу, шеламка сказала:

– Ну теперь поехали в Барсиху.

– Может сразу на ту сторону Шелама? – не без сарказма поинтересовался Карстен.

– Вернуться не успеем, – отозвалась Десси.

– Ты хоть знаешь, чего ищешь? – спросил он, хотя на языке вертелся совсем другой вопрос.

Десси не ответила, только кивнула и покрепче ухватилась за его пояс.

Карстен беззвучно выругался, хлестнул по левому боку глупую скотину, которая не понимала другого обращения, и повернул в сторону Барсихи. Грудь и живот у шеламки оказались на диво мягкие, налитые, и это также выводило Карстена из себя.

* * *

Барсихинский кузнец был уже стар, мал ростом и лысоват, глаза его уже почти потеряли цвет, но взгляд остался едкий, словно кислота. Нежданных гостей он долго продержал у калитки, выпрашивая новости из Павинки и из столицы. Десси помалкивала, но кузнец не сводил с нее глаз. Наконец Карстен взял разговор в свои руки, сказал, что ищет мастера, чтобы подновить кое-что из своего оружия, но договариваться станет не прежде, чем посмотрит кузнецову работу. Тот кивнул:

– Я, правда, по оружию-то давно уж не работал. Ну, поищу, может, что и осталось на погляд.

– А мне позволишь на кузницу взглянуть? – подала голос Десси.

– Смотри, ежели любопытно.

– А сглаза не боишься? – поинтересовалась она.

Кузнец презрительно скривился:

– Какой сглаз? Дура баба, сразу видно. Железо, небось, наземь из груди небесной девы пролилось. Какой же ему вред от женщины быть может?

Десси расхохоталась.

– Верно, дура я. Пошли, потолкуем. У нас к тебе есть дело посерьезнее, чем починка всякой ржи.

В кузнице она, не таясь, рассказала про проклятье Лунева Гнезда, про белую паутину, про ослепленного колдуна.

– Без сильного оружия в замок соваться нельзя, – закончила она. – Мечом против женщины воевать опять же нельзя, а там, похоже, женщина окопалась. Так что нам нужен топор. И не из старого железа, а из новорожденной руды. Сможешь?

– Смогу, – ответил кузнец. – Тут на болотах рудные гнезда попадаются иногда. Небогатые, правда, но на топор наберем.

– Дальше, когда закаливать будешь, бросишь в воду три головки чертополоха.

– У моей старухи еще макового семени немного припрятано. Пойдет?

– Пойдет. Ну, еще топорище из рябины надо, но это и в Павинке сделать можно.

– Да зачем? Скажу сыновьям, они все как надо вырежут. Дня через три можете за работой присылать. Платить чем будете?

Карстен стащил один из своих перстней и положил на стол перед кузнецом. Тот усмехнулся:

– Это вам в Павинке наговорили, будто я кровосос немислимый? Не возьму. На что мне тут золото?

Карстен покраснел, и Десси поспешно сказала:

– Тогда придется расплачиваться, уже когда замок освободим. А не освободим – Павинка всем миром расплатится.

Кузнец хмыкнул:

– То-то им радости будет! Вы уж там смотрите, в замке-то, со всеми подряд не обнимайтесь. А то плакали мои деньги!

* * *

Тем же вечером Десси спросила у Гнешки, отчего в Павинке не любят барсихинского кузнеца.

– Так кровосос он и есть! – отозвалась повитуха. – Данату, сноху свою младшую, совсем загубил. С работой продыху не давал да и бивал частенько – даже когда на сносях была, жать в поле выгонял. Это в наклонку-то! Заморил девку, она только родила – и на второй день померла.

– Крутенок, – согласилась Десси.

– Это еще что! Ты слушай, что дальше было. Хок Лысый, кузнец-то, Данату на кладбище хоронить запретил – нечистой, мол, смертью померла. С отцом Данатиным едва до драки не дошло, но разве ж Хока со своего своротить? А дальше еще хуже. Ребенок-то тоже слабенький был. Только примечать стали: он днем все плачет, а по ночам успокаивается, вроде как чмокает даже. Ну, поставил Хок свечку под горшок, лег на лавку, будто спит, и стал ждать. В полночь дверь растворилась, только шагов не слышно ничьих. Потом чуть погода зыбка заскрипела. Ну тут Хок горшок-то и поднял. Смотрит, а у зыбки мертвая Даната сидит, ребеночка грудью кормит да тетешкает. Другой бы прямо там на месте со страха бы и помер, а Хок схватил со стены кнут – и на невестку! Он ее, слышь-ко, и прежде тем кнутом охаживал, когда что не по нему было. Сказывают, до самой могилы он Данату кнутом гнал. А наутро после того гроб откопал да тремя железными обручами забил. С тех пор вроде тихо все стало.

– А с ребеночком что? – спросила Радка.

Она лущила горох, сидя у печки, но, разумеется, давно уже бросила работу и слушала, приоткрыв рот, Гнешкины рассказы.

– Ребенок живой остался, – ответила Гнешка. – Только не говорит до сих пор ничего да и в уме повредился. Ходит под себя. За ним сейчас Аниса смотрит – старшая Хокова сноха. У ней самой детей нет. Выкинула один раз, на следующее лето после того, как Данату схоронили, а потом два года не беременела. Правда, сейчас снова с животом ходит, но вряд ли и этого доносит. Откуда ж детям быть с таким-то свекром?

– Ладно, хватит уже. – Десси погладила Радку по голове. – Поедим давайте – да и на боковую. А то мне эта пигалица нынче ночью спать не даст.

* * *

Оставшиеся три дня Десси помогала по хозяйству Гнешке, ладони ее заново пропитались на всю глубину земель. Пахла шеламка теперь брюквой да луком. По вечерам она залезала на чердак, чтоб поболтать с Дудочником, а ночами лежала без сна, глядя в потолок и мысленно звала Клайма, умоляла услышать ее и прийти, хоть на минуточку.

Ей было страшно. Несмотря на все приготовления, она не верила в успех. Всего год назад лес отнял у нее Клайма и бросил взамен колдовскую силу, о которой она никогда не просила. А год – это слишком малый срок для того, чтоб хоть чему-то научиться толком. Настоящие шеламцы жили с лесом и со своей магией десятилетиями. Кроме того, они всегда стояли вчетвером. Дудочник, конечно, поможет ей, чем может, но в замке она будет одна. Вернее, не одна, а с этим солнцепоклонником Карстеном, который, похоже, сам себя толком не знает, а потому может при случае и в спину ударить.

Да, тут было от чего взвыть.

Глава 14

Через три дня, как и условились, Хрольв, сын Хока, привез топор.

Десси ушла за реку, в лес, пробродила там до темноты и вернулась с охапкой трав. Растопила печку, расплела косу, облила траву дождевой водой и стала бросать ее в печку, напевая при этом все, что в голову взбредет, лишь бы выходило тихо и протяжно.

Унюхав дым, вернулись с огорода Гнешка и Радка. Повитуха глянула на Дессину работу и изумилась:

– Ты что же, грозу кличешь? На что тебе?

Десси не ответила. Она и не слышала никого толком. Печной огонь заманивал, обещал неведомой красоты земли, огненные страсти, прямой легкий путь за Меч Шелама. Десси отбивалась от него всеми песнями, какие слышала от Клайма. От самых веселых – про пьяного мельника и его куму – до самой грустной, на разлуку:

*Ветерочки дуют с ночки,
Поперек дороженьки.*

Так они и мерялись с огнем – кто кого сильней заморозит.

А Гнешка не унималась:

– У людей же на огородах все побьет! На что тебе гроза-то сдалась?

– Кровь смывать! – в сердцах ответила Десси.

– Ты, девка, смотри, поосторожнее, – прогудел за ее спиной недовольный женский бас, и шеламка признала Мильду, кормилицу Луньков. – Забыла, чей хлеб ешь?

Десси, не отвечая, бросила в огонь последнюю травину, поставила на место заслонку, и только тогда повернулась к Гнешкиным гостям. Оказывается, пришли все трое: и Мильда, и Карстен, и Рейнхард. Десси подошла к Гнешке, обняла ее за плечи, шепнула:

– Ну прости, сунулась под горячую руку, так я и сказала, не подумав. Прости, чтоб Шелам не тревожить.

– Нет уж! – Мильда возвысила голос. – Коли такие дела, так рассказывай, на что тебе завтра гроза. И вообще рассказывай, как колдовать будешь. У меня тебе веры ни на столько нет!

– Да уж, сестрица ведьма, расскажи нам, что задумала, – согласился Карстен. – А то нам всем неспокойно.

Десси досадливо передернула плечами. Только этого еще не хватало! И ведь не поскандалишь. Если мы перед завтрашним делом разругаемся, лучше просто собрать манатки да искать себе на зиму другой замок.

Она снова глянула. Разве что Радка и Рейнхард хоть чуть-чуть в нее верят. Ладно, куда денешься?

– Кабы я могла все складно рассказать, я бы здесь не сидела, – сказала она. – На ваших родителей, домене, кто-то большой зуб имел. Такой большой, что вытащил из-за Меча Шелама привидение да и поселил в Сломанном Клыке. Оно всю вашу семью и поубивало. А мы с мертвецами и привиденьями по-разному живем. Нам здесь хорошо, а им мука мученическая, им за Мечом хорошо живется. Только сами они открыть туда дорогу не могут, оттого и злые такие. Вот мне и нужна гроза, чтоб дорогу за Меч открыть.

– Постой, постой! – воскликнул Карстен. – Это что же у тебя получается?! Оно тут вон сколько людей замучило, а мы его от мук избавим и восвосяи отпустим?! Это справедливо, по-твоему?!

– А на что нам справедливость? Нам замок нужен, а его по-иному не освободишь. С Шеламом нельзя иначе. Если хочешь что-то у него взять, нужно прежде отдать.

– А ты что отдашь?

– Посмертье свое. Обыкновенные мертвецы за Мечом недолго живут. Год, а то и меньше. Потом обратно к нам возвращаются, в новую жизнь. А шеламцы после смерти в Шелам навсегда уходят. Вот я свою дорогу для Привиденьицы и открою.

– А с тобой потом что будет?

– Не знаю. Доживу до смерти, а там посмотрим.

Карстен промолчал. Пока что он понял только одно: они с шеламкой все видят по-разному. И думают по-разному. Точнее сказать, в разные стороны думают. Тьфу, бред, запутался! Такие новости еще нужно переварить.

У Радки с Рейнхардом тоже рты пооткрывались от удивления. Мильда – и та не нашла, что сказать.

– Вот видишь, домен Клык, – промолвила Десси тихо. – Я же говорила тебе, что хочу эту зиму пережить. И за это могу по самой высокой цене заплатить. Так что подвоха от меня не жди – не дождешься.

– Ладно. – Карстен поднялся на ноги. – Когда в замок пойдем, сестрица ведьма?

– Считаю, что сегодня. Поди к себе, поспи, а на рассвете выйдем. Там и гроза должна вскорости поспеть.

Мысленно Десси добавила: «Если Шелам захочет». На словах все вон как славно, а как на деле будет? Ладно, до рассвета недолго осталось, там все и узнаем.

Глава 15

Вымоленная гроза неспешно напозла из-за леса, и перед рассветом лежащая без сна Десси почуяла, как отяжелели и покрылись мелкими капельками влаги ее волосы. Все жилы в теле заныли, предвкушая сегодняшнее развлечение. Десси открыла глаза, убедилась, что снова видит в темноте, слезла с полатей, натянула рубашку и юбку. К ее немалому удивлению, Радка встрепенулась и сползла следом.

– Я с тобой пойду, – заявила она, протирая глаза.

– Брысь на место!

– Не-а. Ты не думай, я мешать не буду, я на бережку постою. Я тут без тебя оставаться боюсь.

– Вот еще!

– Да пусть идет, – шепотом предложил Дудочник, возникая на пороге; из-за его плеча торчал колчан с луком и пятью стрелами. – Видишь, любопытно ей. А любопытство – вещь хорошая. Без него в мире ничего не делается.

– Чтоб вам в другой раз комарами родиться! – проворчала Десси.

– Я за ней присмотрю, – пообещал Дудочник.

Десси хотела возразить, что за ним самим присмотр требуется, но поняла вдруг, что ей плевать. Где-то там, над Вьей, клубились тучи, созревали молнии, заводили хоровод ветра, и лишь это сейчас было важно.

– Топор возьми, – велела она Радке. – Смотри только, не напорись.

Гнешка то ли не проснулась, то ли лежала молчком.

* * *

За околицей их поджидали Карстен и Рейнхард.

– Спасибо, кормилицу не притащили, – поблагодарила Десси братьев.

– Не волнуйся, всем дело найдется, – успокоил ее Дудочник.

Десси топнула ногой:

– Если ты еще за старые шутки возьмешься!

– О чем ты, сестрица ведьма? Кто с тобой? – спросил Карстен.

– Да так, в другой раз расскажу. Забирай у Радки топор. Меч свой можешь брату оставить.

– А ты?

– Мое оружие всегда при мне.

Карстен покрутил топорик в руках. Чудной какой-то. На деревенские не похож, на клевцы боевые – тоже. Сам легкий, обух узкий, а лезвие – будто половинка осинового листа. Сразу видно – ведьмачьи штуки.

* * *

Белый замок купался в розовых рассветных лучах и казался дивным пирожным с королевского стола. Только вот Десси была уверена, что это пирожное вовсе не спешит быть съеденным. Наоборот, само бы с удовольствием схрумкало пару человечков.

Рейнхард и Радка под присмотром Дудочника натаскали хворосту и развели костер. Дудочник вытащил из колчана стрелы и сунул наконечниками в огонь. Наконечники были из оббитого камня. В колчане Десси признала голенище от старого сапога.

– «На бой, бароны края! Скарб, замки, все в заклад, а там – недолго праздновать врагам!» – шепнул ей Дудочник на ухо, улучив минуту.

Десси посмеялась, и на душе у нее почему-то полегчало.

Только теперь она решилась поделиться с молодым Луньком своими планами:

– Сейчас, братец... э-э...

– Карл, – напомнил Дудочник.

– Угу, Карл. Он сейчас мост опустит, мы в замок пойдем. Там что-то есть такое, что Привиденьицу по нашу сторону Меча держит. Нужно это что-то найти и уничтожить. Тогда я для Привиденьицы дорогу открою, она и уйдет.

– А это что-то в каком роде? Ну, в смысле, на что похоже?

– Знать бы! Это только колдун знает, который заклятье наложил. Только вот еще что. Когда увидишь Привиденьицу, ни за что не давай ей коснуться тебя.

И, не позволяя Карстену времени обдумать ее слова и испугаться по-настоящему, крикнула Дудочнику:

– Начинай, проходимец, Шелам тебе в помощь!

Дудочник подхватил лук, сунул одну стрелу в зубы, другую наложил на тетиву, оттянул до уха, прицелился.

«Грм-м! Грм-м!» – прогудели стрелы и рассекли цепи, на которых висел мост. Тот заскрежетал отчаянно, потом его свободный конец плюхнулся наземь, поднимая кучи пыли. Однако мост встал почти ровно, не надломился, не перевернулся, не рухнул в ров.

«Первое везенье», – подумала Десси и махнула рукой Карстену:

– Пошли!

Во второй раз им тоже повезло. До замка они дошли без приключений. Прогнившие доски расползались под каблуками, но стояли. Белая паутина была скользкой, противно поскрипывала при каждом шаге, но вела себя смирно – за ноги не хватала, удушить не пыталась. Поднятая решетка не свалилась им на головы, двери покорно отворялись. Привиденьица будто не замечала, что в ее владеньях появились чужаки.

– Теперь иди вперед, – велела Десси Луньку. – Показывай мне все по порядку. Каждую комнату, каждый коридор.

– В подвал надо?

– Подвал напоследок.

Первый этаж. Огромная кухня, затхлый с гнильцой воздух. Белый неровный бугор в центре. Десси дернулась было, но признала под покровом паутины стол с табуретками. Неподвижный белый водопад у стены, гладкие, будто скорлупки, полушария – печь, горшки. Кладовки – здесь гнилью пахнет почти невыносимо; комнаты прислуги. Голые лавки, столы, подоконники. Отсюда уходили без поспешности, забирали все.

Скрип под ногами становился все громче и громче, но, как ни напрягала Десси слух, иных звуков ей разобрать не удавалось.

Лестница. Поворот, еще поворот. Паутина скользит, пружинит. «Может, она надеется, что мы попросту сверзимся отсюда?»

Второй этаж. Господские покои. Кровать с балдахинном – паутина свисает с него клоунами, ее колышет влетающий в разбитое окно ветер. На плоском сундучке рядом с кроватью можно различить опрокинутый кубок, тарелку.

Карстен застывает в дверях, осматривается, потом просит:

– Десси, давай не будем входить. Можно?

– Можно, доменос.

Еще комната. Здесь тоже пусто. Две голые кровати, светильник на столе. На подоконнике застыл в ожидании маленький деревянный конек. Паутина оплела его ноги и спину, но голову почему-то пощадил. И на Десси с Карстеном смотрят из полумрака печальные черные глаза. Десси думает, колеблется, потом решает:

– Нет, не то. Идем дальше.

От скрипа у обоих уже звенит в ушах.

Галерея. Причудливые сталактиты, в которые паутина превратила висевшее по стенам оружие, кажутся Десси забавными. Но Карстен шепчет под нос страшные проклятия.

Пиршественный зал. Здесь светлее. Лучи солнца падают из узких окон под самым потолком, скрещиваются в центре зала. К стропилам привязана и медленно покачивается на высоте человеческого роста белоснежная резная колыбель. Десси видит ее плавное замедленное кружение и понимает: колыбель не пустая, там что-то лежит.

Они подходят ближе. В колыбели, как и положено, лежит младенец. Веселый здоровый ребеночек месяцев четырех-пяти от роду. Увидев людей, он улыбается, теревит пальчиками край лоскутного одеяльца, бормочет что-то вроде: «Ала, ала, гла...»

– Это... – шепчет Карстен.

– Да, – говорит Десси твердо. – Это то, что мы искали. Размахнись и бей.

– Ты очумела?

– Я – нет. Это ты очумел. Откуда здесь взяться человеческому ребенку? Кто его принес?

Как он выжил?

– Не знаю.

– То-то. Ну же, не медли! Привиденьица может быть где-то поблизости.

Младенец залиvisto смеется, тянет ручку к бронзовой пряжке на плече у Карстена.

Тот отступает:

– Так нельзя. Ты не предупреждала меня.

– О чем? Я сама ничего не знала.

– Нет. Я не могу так. Считаю меня трусом. Давай сама. – Он протягивает Десси топор.

Топор внезапно изворачивается в его ладони и чуть не вывихивает Карстену запястье.

– Не отпускай! – кричит Десси.

Перепуганный Карстен хватается за топориче обеими руками. Но топор больше не подает признаков жизни.

– Ко мне он не пойдет, – говорит Десси. – Это твое дело.

– Железо же... из женской груди...

– Ты не понимаешь. Боевое оружие боится меня, боится Шелама. Думаешь, иначе я взяла бы тебя с собой? Ну же! – умоляет Десси. – Ну вспомни мать, отца, кто там еще был у тебя, о брате подумай... Вспомни, что ты видел здесь, в замке... О чужанах вспомни... Ну пропадем же все, пропадем!

Младенец ковыряет пальчиком в носу.

Карстен заносит топор, закрывает глаза.

* * *

Удар.

Глухой стук.

Карстен открыл глаза.

На полу лежит расколотая надвое березовая чурка.

Лезвие топора чисто.

– В задницу тебя! – говорит Карстен.

«Гла!» – отзывается сверху хриплый нечеловеческий голос.

В одно из окошек протискивается белый журавль и, будто ястреб, пикирует вниз, на людей.

Рейнхард узнал бы его. Радка узнала бы его.

Десси узнать не может – впрочем, это ей и не нужно.

– А теперь беги со всех ног, доменос! – кричит она.

* * *

Карстен вновь заносит топор над головой.

Птица, угадав его движение, поворачивает и плавно опускается на пол, загораживая от людей дверь.

– Она... соображает? – шепчет Карстен.

– Да какая разница? Сам соображай давай, как нам отсюда смыться!

– Вторая дверь у нас за спиной.

– Куда ведет?

– Наверх, к бойницам.

– Давай.

Птица бросается на них.
В воздухе свистит топор.

Птица отступает на шаг, кричит протяжно-тоскливо, и Десси на мгновение кажется, что она слышит собственный голос. Год назад, когда выла над Клаймом.

Карстен почти выталкивает ее за дверь.
Снова лестница. На этот раз взаправду винтовая. Круть-круть-круть.

– Ну, ведьма, ты-то что!? Всю работу на меня свалила!

– На мост выводи! На мост!

Еще одна узкая галерея, прорези в стенах – бойницы.

Узкие полосы солнца на полу, на стенах гаснут одна за другой. «Туча, туча, туча, ну скорей же! Карстен, скорей! Все, скорей!»

Хлопанье крыльев за спиной.

«Если она достанет Карстена, придется его тоже...»

Десси срывает со стены щит, бросает его в птицу.

Та уклоняется легко и не без изящества.

– На мост выводи!

Снова лестница. Десси все же оскальзывается, летит кувырком, закрыв голову руками, внизу вскакивает, не чувствуя боли.

Они опять оказались в кухне. У птицы, похоже, тоже затруднения со ступеньками.

Карстен с шеламкой мигом пролетают кухню, захлопывают за собой дверь. Карстен подхватывает с полу засов, накидывает на петли.

* * *

Вот и мост.

Запертая дверь ходит ходуном, будто все пришеламские кузнецы с подмастерьями колотят по ней молотами.

Десси отталкивает Карстена:

– Все. Жди меня на том конце моста.

«А вот теперь тихонько. Тихонечко.

Как там дверь? А ладно, мне до этого дела нет.

Я тут вообще одна. Одна-одинешенька. Никого нет. Только я и туча. И еще Клайм за спиной... на всякий случай».

Десси вскидывает руки, раскрывает ладони, тянет тучу, как огромное одеяло, на себя. Над ее головой послушно возникает черный клубящийся водоворот. Ветер туго захлестывает запястья.

«Ну же! Ну же! Иди, иди ко мне!»

Дверь разлетается в щепы.

По реке, по мосту, по спинам людей хлестнули тугие плети дождя.

Рейнхард, раскинув плащ, пытается прикрыть костер.

Птица расправляет крылья, взлетает – хрупкое белоснежное совершенство.

«Ну, скорей же, я так давно жду, я устала, скорей же, скорей!!!»

Молния!

Она разбивает воздух, стекает в ладони женщине.

Кровь закипает в жилах.

Десси кричит, но не от боли, от радости. Такого наслаждения ей не дарил даже Клайм.

Уши шеламки будто залепило мокрой глиной. Глаза... С глазами тоже творится что-то странное. Все вокруг: люди, дождь, согнутые ветром деревья, смертоносная птица в вышине –

вдруг замерли, и Десси приходится изо всех сил напрягать зрение, чтобы различить малейшее, едва уловимое движение.

Миллиарды крошечных шариков падают с неба, и каждый отражает весь мир.

Птица висит в воздухе, бесконечно медленно опуская крылья, и также бесконечно медленно сама Десси шагает ей навстречу.

«Ну, лети же сюда, бедолага! Сейчас я отпущу тебя».

С ладоней Десси срывается бурый огненный шар. Он летит прямо в грудь птице. Но птица с легкостью уклоняется. Шар попадает в донжон; белая паутина вспыхивает, как солома.

Птица бросается на шеламку.

Десси встречает ее новым шаром.

Птица планирует чуть ниже, и шар вновь уходит в пустоту. Он трещит, разом взрывается, искры падают на мост, белая паутина начинает потихоньку тлеть. Дождь бурому огню не помеха. Замок потихоньку заволакивает белым дымком.

«Гла!»

Клюв щелкает перед самым лицом шеламки. Она отскакивает, поскользывается, катится по настилу. Приподнявшись на локте, выпускает в птицу третий шар.

С тем же успехом.

Над головой шеламки проплывает топор. Она отползает, утыкается спиной в сапоги Карстена.

Птица набирает высоту, заходит на новый круг.

«Грм-м!»

Дудочник выпускает стрелу, но птица уклоняется от нее.

«Клайм, она не уходит! Клайм, я не понимаю! Клайм, что это!?»

«Все просто, солнышко. Чтоб выгнать привидение из нашего мира, нужно ему что-то отдать. Ты забыла одну мелочь. Не то, что не нужно тебе. То, что нужно ему».

«Но я думала...»

«Ты ошиблась. С кем не бывает. Иди ко мне, обсудим твои промахи».

«К тебе?»

«Сюда. За Меч».

У Карстена на носу, на бровях повисли дождевые капли, дым ест глаза, и Дессин защитник сердито трясет головой.

Птица заходит Карстену за спину и бросается в атаку.

Тот оборачивается, едва не спотыкается о Десси и все же в последний момент успевает взмахнуть топором, метя птице в шею.

Птица резко берет вверх.

Рейнхард вынимает из костра новую стрелу, протягивает Дудочнику.

Замок запылал от крыши до основания, но жар от бурого огня несильный. Не сильнее, чем от летнего солнца. Хоть на этом спасибо.

Дудочник оттягивает тетиву.

Вода Павы побурела от отраженных в ней языков пламени, огонь лижет дальний конец моста.

«Грм-м!»

Стрела падает в реку.

Карстен пинает Десси:

– Ведьма, в задницу тебя, ты что, уснула? Сделай что-нибудь!

Десси кажется, что он кричит в огромный глиняный горшок: «Сдыелыай чтыю-ныбыудь!»

Десси отчаянно трет глаза, хлюпает носом.

«Клайм, я не понимаю, не хочу, не могу так!»

«Ты все знаешь. Ты знаешь все, что нужно».

«Клайм, я не соображаю ничего!»

– Ведьма, мы спать тут останемся?! Я не железный!

(«Выедымыа! Мыы спыаты туут остыаныемысыя?..»)

«Гла!»

Десси сжалась в комок, зажмурилась, зажала уши ладонями. Собственные движения кажутся ей медленными, тягучими. Как лягушка в патоке.

«Ой, вляпалась, ой, ну и вляпалась же, все коту под хвост, дура, не соображаю ничего, нужно было дура соваться, делать что будешь? Делать-то нечего. Ой, глаза-то как дерет! Век не проплачусь. То, что ей нужно. А я знаю, что? Тоже мне, привели собаку для драки, спрашивать надо было, ходить и спрашивать, кто, как, что, колдуна искать, а ты полезла, не терпелось, да? Молнию хотелось, так и получай.

Клайм, ну почему ты мне не помогаешь?

Клайм, ну почему ты тоже умер, если такой умный?!

Клайм!!!

Она плачет, как я тогда.

«А в замке ровно кто-то застонал, или ребенок заплакал!»

«Есть что-то, что не дает ей уйти».

Ребенок в люльке.

«До самой могилы кнутом гнал!»

«Ты знаешь все, что нужно».

«Дать то, что ему нужно».

Даната!

Колдун подсунул ей эту деревяшку, а она поверила, что это ее сын.

Умно.

Без ребенка она не уйдет.

Чрево шеламское, да что ж я сделаю?!»

– Ведьма! Сейчас мост рухнет!

(«Выедымыа!..»)

* * *

Десси поворачивает голову и видит, как Дудочник протягивает Радке руку – требует пядю, последнюю, стрелу.

Десси хватается за штаны Карстена, с трудом поднимается на колени, кричит:

– Себя, Радка! Сначала себя!

(«Сыбья, Рыдыкыа!..» – отдается у нее в ушах.)

Она так никогда и не узнает, как умудрилась девчонка понять ее слова, да и Радка никогда не узнает, что она поняла, но младшая сестрица ведьмы делает все так, будто сам Шелам нашептывает ей на ухо.

Радка берет стрелу, с усилием проводит острым краем наконечника по предплечью, макает кончик в выступившую кровь, передает стрелу Дудочнику.

Тот оттягивает тетиву, прицеливается, отпускает.

Птица бросается навстречу стреле.

Гортанный крик, последний всплеск белых крыльев, и птица (для всех – стремительно, для Десси – бесконечно медленно) падает в гигантский темный костер.

Карстен хватается Десси за плечо, рывком поднимает на ноги.

Они бегут по мосту. Спрыгивают на берег.

Десси падает на землю, прижимается к ней, отдает оставшийся огонь.

И снова чувствует пинок под ребра.

Она переворачивается на спину. Над ней на фоне разметанных ветром грозовых облаков возвышается Карстен.

– Что ты сделала с моим замком, ведьма? – спрашивает он сурово.

Десси улыбается. Ей приятно вернуться в мир обычных голосов.

– Не тревожься, доменос. Огонь потухнет, когда выгорит все белое колдовство. К человеческим вещам он не притронется.

Карстен недоверчиво хмыкает, отворачивается.

Десси встает с земли, отряхивает юбку.

На земле остаются два обугленных отпечатка ее ладоней.

Глава 16

Замок все еще полыхает, огонь гудит, но дым и жар остановились над рекой, будто кто-то поставил им невидимую границу.

Победители собираются восвояси.

Десси отводит Радку в сторону.

– Я тебе еще кое-что сказать должна, – говорит она тихо и виновато. – Та Привиденница была Даната, кузнецова сноха. Ну помнишь, мертвая женщина, которую с ребеночком разлучили? Помнишь, Гнешка рассказывала. Так вот, надо, чтоб ты знала. Она ушла оттого, что ты ей своего ребенка отдала.

– Как это? – ахает Радка.

– Когда стрелу в свою кровь обмакнула. Это магия и есть.

– И что со мной теперь будет?

– Родишь на одного ребенка меньше, чем должна была.

– А если он у меня всего один был?!

– Значит, никого не будет. Поверь, я бы все отдала, чтоб вместо тебя там быть. Но только ничего не воротишь уже. Но только знай, ты Данату от такой боли избавила, какую и вообразить нельзя. А мне, наверное, и отдавать некого... – Последнюю фразу Десси бормочет себе под нос.

Радка кусает губы, уклоняется от руки Десси.

Карстен стоит достаточно близко и слышит все.

Ему хочется схватить шеламку за плечи, потрясти как следует и крикнуть ей в лицо: «Как ты смеешь?! Что ты делаешь с нами?!»

Но он сдерживается. Впереди еще осень, зима, весна, и им с шеламкой никуда друг от друга не деться.

По крайней мере, пока.

* * *

Кали снова сбежал в город, и старый Глас в одиночестве бродит по избе, беседует с тараканами, иногда хватается два горшка и колотит одним о другой, пока оба не разлетаются вдребезги.

Даже сейчас, когда ни ума, ни памяти в нем почти не осталось, старая обида не дает ему покоя. Увели, огонь бурый, Силу шеламскую из самых рук вытащили! Разве ж он за нее по-

честному не заплатил?! Заплатил же. Самого Хозяина Лесного не испугался, это вам как?! В самую темную ночь осеннюю в лес ходил и, когда Хозяин его нашел, не забоялся, чураться не стал, как вам это?! И договор свой выполнил час в час. На Лунев замок порчу наслал. Зачем-то замок этот Хозяину понадобился, это один Шелам ведает зачем. А Хозяин, как обещал, шеламца до смерти довел. Глас видал, как тогда от шеламца все шарахнулись. Как же! Тронешь его, он тебе силу свою и сбросит. А ты потом душу лесу продавай, после смерти не к добрым людям, а к зверью да нечисти лесной уходи. Шарахнулись! Ровно мыши побежали. И Глас уже выйти был готов благодетелем. Силу забрать. Надо ж тебе, мол, помереть хоть спокойно, бедняге, – с копьём в горле разве жизнь? А тут эта дерьмовка рыжая возьми и сунься! Звали ее! Шуры-муры у нее, понимаешь! Так и пришлось благодетелю в кустах сидеть да ее вытье слушать. Хорош Хозяин, хорошо договор держал!

А потом пришлый этот колдун к Луням приперся. Глас и понять ничего не смог. Просто хватило его, шарахнуло по башке, да и понесло куда-то. И вот бродит он теперь скотиной бессмысленной, а Сила, что своя, что шеламская, вся сквозь пальцы утекла. А знаете, каково это – Силы лишиться! Да все равно, что причинные места откромсать! И за что ему такое? За что?!

Хлопает ставень окна.

Глас вскидывает голову.

У окна стоит молодая женщина в длинной белой рубашке.

Она простоволоса, на руках у нее – завернутый в белый платок ребенок.

Ребенок смеется, тянет женщину за волосы, та осторожно гладит его ручку.

Глас кидается к печке, начинает шарить за нею, бормочет обрывки заклинаний.

Женщина сажает ребенка на лавку, подходит к колдуну, и ее белые прохладные ладони смыкаются на его шее.

Глас хрипит, безуспешно отбивается, потом затихает.

* * *

Кали возвращается вечером и закрывает остекленевшие глаза деда. Зажигает восковую свечу, садится за стол, подпирает голову руками.

Вот и прошляпил, пропала дедова Сила, утекла невесть куда! И даже выругаться как следует нельзя. Ночью, да еще при мертвецке – беды потом не оберешься.

Кали размышляет, как бы положить старика в гроб, чтобы никто не увидел его свернутой шеи. Увидят, так на кого подумают? Ясно на кого.

И еще о многом нужно подумать.

Кали смотрит на огонь свечи, поглаживает уродливый шрам на левой щеке, а за стенами дома разгулявшийся ветер выдирает полными горстями листья из крон деревьев.

Наступает осень.

Часть вторая. Белый рыцарь. Осень

Побеждаешь потому, что позднее неприятеля устрашаешься, в этом вся тайна. Нет полководца, который не страшился бы за исход сражения; надо только припрятывать в себе этот страх как можно дольше. Лишь этим приемом пугаешь противника, и успех становится несомненным.

Наполеон – Александру I, по свидетельству фрейлины двора Роксаны Эдлинг

Глава 17

Карстен был встревожен:

– Ведьма! Я брата потерял!

– Жаль.

– Ведьма! Я не шутки шучу! Мы в столице Рейна один раз чуть не у самых ворот из повозки вытащили. Он к чужанам удрать собирался!

– Ладно, а сейчас-то чего орать?

– Как это чего? Ищи давай!

– Я?

– А кто ж еще? На воду посмотри или в шар хрустальный. Есть у тебя хрустальный шар?

– Да откуда ж?

Разговор получался весьма примечательный. И не столько из-за слов, сколько из-за того, как стояли собеседники. А именно: Десси замерла, коленопреклоненная и с тряпкой в руках, посередине огромной замковой лестницы, а Карстен стоял внизу этой лестницы. Вот и получилось, он – маркграф и доменос – на ногах, но смотрит снизу вверх; она – на коленях, но стоит выше. Словом, картинка эта прекрасно отражала двоевластие, сложившееся по осени в Луневом Гнезде. Вернее, многовластие, поскольку Мильда также заявляла свои права на главенство, а Радка с Рейнхардом и вовсе отбились от рук.

– Ведьма! Ты уснула?

Десси бросила тряпку, вытерла руки о подол. Все равно юбка старая, Гнешкина, давно на лоскутки изрезать пора. Думаете, трудно замок расколдовать? Трудно конечно, но это все ерунда. Вы попробуйте его после этого отмыть! Причем не от колдовства, а от обыкновенной человеческой грязи и гнили. Вот когда руки-то по-настоящему отваливаться начнут! Радка, конечно, трудится как сумасшедший дятел, но на много ли ее силенок хватит? Мильда считает, что графской кормилице зазорно работой руки портить. Гнешка и прочие деревенские бабы приходят иногда помочь, но у них свои дела, огородные. Сейчас не поспеешь, зимой придется зубы на полку класть. Вот и приходится Десси быть одной за всех. А тут еще доменосу новая вожжа под хвост попала.

– Ведьма!

– Ладно, пойду поищу.

Чтобы не вступать в дальнейшие разговоры, Десси поднимается по лестнице и сворачивает в библиотеку.

* * *

Библиотека прежде была, наверное, просто клетью. Немногочисленные книги, большую часть которых составляют родословные рода ди Луна, маркграфы попросту покидали в сундуки. В два маленьких окошка под самым потолком пробиваются косые солнечные лучи.

В библиотеке сейчас хозяйничает Дудочник. Роемся в сундуках, вытягивает на свет очередную книгу, рассматривает и, чаще всего, раздирает на две части, бросая переплет в одну сторону, страницы – в другую.

– Ну что, есть что-нибудь? – спрашивает Десси.

– Да нет, бред один. Гадание почему-то на вспоротом овечьем брюхе. А что было путевого – отсырело и сгнило давно.

– Ты росписи здешние ищи. Какая деревня сколько замку платила, откуда хлеб, откуда мясо и прочее везли, сколько латников выставляли.

– За дурака держишь?

– Ну и что, нашел чего-нибудь?

– Милая моя! Ты думаешь, пока тут народ мер, как мухи, никому в голову не пришло эти самые росписи уничтожить?

– Так они ж читать не умели!

– Думаешь, так-таки все и не умели?

– Ладно, ищи, не умничай. Да, вот еще, ты младшего княжича не видел?

– Здесь?

– И то верно. Ладно, пойду дальше искать.

– Десс, стой!

– Что? – Она оборачивается.

– Ты чего дерганая такая стала? Чего из шкурки вылезает?

Десси разводит руками, притворяет дверь, садится на пол.

– Я не знаю, как мне дальше быть, братец Карл. И как всем нам дальше... Привиденьицу только чудом прогнали. Понимаешь? Не магией шеламской – а чудом, случайностью. Я столько напорол, что если бы не Радка – харкать бы нам всем сейчас белой паутиной. А так только Радке жизнь поломали. А я ее теперь даже родителям вернуть не могу. Боюсь в Купель сунуться. И зимы боюсь, Дудочник. Как мы прокормимся? В замке макового зернышка не осталось. Я уже в муку молотые тростниковые корни подмешиваю – ты только не проболтайся. Ты вот росписи найти не можешь, а даже если найдешь, что тогда?.. Карстена в маркграфях король не утверждал, да и не в этом дело. Люди замку за работу платили, за защиту. А какая от нас теперь защита? Мильду, что ли, на чужан натравить? Надо заново гарнизон собирать, а как я могу? Я со своим-то делом, колдовским, не справилась, мне ли в чужое лезть? Как я людей от своей земли, от своих домов оторву и заставлю мальчишке беззусому служить? Посмеются, и правы будут. А как мы зимой обогреемся? На такой замок разве дров напасешься? Или ты с княжичами те дрова рубить будешь? Я вот хотела наверху все двери заколотить, а самим внизу, в кухне, да в комнатах солдатских перезимовать. Все тепла больше. Так Карстен с Мильдой грудью встали. Не бывало, мол, такого в замке и впредь не будет. Вот мы и корячимся теперь. Только чую, все без толку, надоест Карстену со мной пререкаться и сдаст он меня в Купель. Деньги на дороге не валяются. Я ж знаю, про что он молчит пока. Про то, что так и не знает, где его отца с матерью кости. А спросит, так что я ему отвечу? Уходить мне отсюда надо... За Меч уходить. Места мне тут нет больше.

– Ты чего от меня ждешь? – спрашивает вдруг Дудочник.

Десси, пораженная, замолкает.

– Ты чего ждешь? – повторяет маленький человечек. – Чтоб я тебе пообещал, что все в порядке будет? Или чтоб помог отсюда убраться? Так знаешь же прекрасно, что я не могу ни того ни другого. Уйти ты сама не уйдешь – на кого Радку бросишь?

– Много ей от меня пользы! – ворчит Десси.

– Много или нет, не знаю, а деваться ей без тебя точно некуда. Ты думаешь, в Купель сейчас кого-нибудь пропустят, когда уже чужане на носу? А что до того, как перезимовать, – сам пока не знаю. Знаю только, что из жизни кусок не вырежешь, всю зиму, как медведь, не проспшишь. А еще знаю, что лучше быть поденщиком на земле, чем царем над мертвецами. Так что живи, думай, на брюхе ползи, если придется. Деваться тебе некуда. Мы с тобой все повязаны – кто любовью, кто ненавистью, и захочешь уйти – не уйдешь. Живи. Как-нибудь да проживется. Что-нибудь да получится. Дорога у тебя одна – и вовсе не за Меч Шеламский. Поняла?

– Что с чужанами будем делать? – устало спрашивает Десси. – Они уже вот-вот назад покатятся.

Дудочник трет переносицу.

– Как говорил один узкоглазый человек: «Не считай войск противника, идущих в атаку, но сделай так, чтобы у тебя было нечто, что невозможно атаковать». Что в нашем случае может означать...

Дослушать Десси не успевают.

Снизу, из подвала, доносится громкий отчаянный вопль.

Глава 18

В Королевстве говорили, что лошадью, женщиной и замком владеет тот, кто держит их за сердце. Ни лошади, ни женщины у Рейнхарда пока не было, но вот замок был, что бы по этому поводу ни думали кормилица с братцем.

А коль скоро замок был, нужно срочно отыскать его сердце. Вот за этим Рейнхард и полез в подвал. Прочие этажи и башни он еще до отъезда в столицу облазил.

Поднял крышку люка на полу в кладовой, оттащил подальше, чтобы ее кто умный ненароком не задвинул, спустил вниз деревянную лестницу – она как раз у стены стояла – и полез. Сначала сплошное мученье со свечкой: она, гадюка, все норовила на пальцы горячим воском капнуть, потом Рейнхард догадался ее наискось держать. Слез, глаза закрыл, приучил к темноте, потом открыл, свечу подальше отставил, вокруг поводит – осмотрелся. Галерея как галерея: широкая. Свеча вниз – под ногами сухо, свеча вверх – свод тоже хороший, сухой, надежный, мышей летучих нигде не висит – хорошо. Осторожненько пошел вдоль стены, держа свечку впереди себя. Насчитал по стенам четыре двери: две с одной стороны, две – с другой. Шагов через тридцать коридор колено сделал, пошире стал, еще одну дверь на двух засовах да на двух замках миновал, а потом вверх пошел и вовсе кончился – у шестой двери, самой большой и тяжелой. Рейнхард в нее плечом ткнулся: она не шелохнулась даже, видать, снаружи была закрыта.

Рейнхард хоть и не бывал здесь раньше, сразу догадался, где он: под самым пиршественным залом. А пятая дверь, та, что на замках и на запорах, не иначе как в винный погреб ведет. Ну так нам туда и не надо вовсе. Грамерси, благородные рыцари, союзники и родичи, но вином нас не удивишь. А вот не найдется ли тут чего посущественнее? Сундука со старинным оружием, например («Его спрятали сюда, потому, что оно убило слишком многих и стало недоброго нрава»)? Или пары скелетов в цепях («Солнце, сохрани!»)? Или подземного хода («Подземный ход разумному хозяину замка о-очень даже не помешает»)?

И Рейнхард, хотя сердце его колотилось где-то под самым подбородком (но вовсе не ушло в пятки, союзники и родичи, не подумайте, отнюдь нет), повернул назад и толкнул четвертую,

если считать от деревянной лестницы, дверь. Толкнул – и тут же закрыл. Потому что там в прежние времена хранились в холодке овощи, но лето, благородные рыцари, лето и злое волшебство... Словом, гм-м... Туда нам тоже не надо...

Третья дверь также оказалась заперта, а вот вторая распахнулась легко, и в лицо Рейнхарду дунул теплый ветер. Пламя свечи забилося, но устояло. «Вправду подземный ход, не иначе!» – решил молодой рыцарь и шагнул вперед.

И тут его что-то мягко, но настойчиво ударило сзади под коленки. Рейнхард плюхнулся на спину, подлючая свечка тут же выкатилась из рук и погасла. А затем кто-то мягкий и шерстистый навалился на молодого хозяина замка, придавил к полу, закрыл ему лицо, лишив тем самым воздуха.

Рейнхард забился, как рыба в сетях, вцепился обеими руками в шерсть, рассадил пальцы в кровь о грубую шкуру, потом все же, уже теряя сознание, захватил складку, отодрал шкуру от лица, втянул воздуха и что было сил заорал.

* * *

Первым в подвале оказался Карстен. Услышав глухой вопль прямо под своими ногами, он, слава Солнцу, сообразил, куда подался братец, бросился в кладовку, спрыгнул вниз, отбив обе пятки, протопал в полной тьме по галерее, нащупал распахнутую дверь. Но и его тут ждали. Что-то холодное и скользкое коснулось его лица, потом ласково обвил шею и чуть-чуть, играючи, сдавило. И тут же еще несколько таких же холодных гибких существ обвили Карстеновы руки и ноги, вцепились маленькими то ли зубками, то ли коготками в его бока. Тому осталось лишь лягать противника коленом или кусаться, но укусить подвальной тварь он не решился.

– Рейн, кто это?! – крикнул Карстен, благо его рот оставался свободным.

– У-у-у! – ответил Рейн.

Потом обоих хлестнул по глазам ослепительный красный свет.

На пороге стояли Десси с Дудочником. Ладони шеламки светились знакомым уже бурым огнем.

Картина, открывшаяся им, оказалась столь невероятной, что оба спасителя потеряли дар речи. Маленькая комната была вся заставлена огромными распахнутыми сундуками. На полу лежал Рейнхард, придавленный медвежьей шубой. Обеими руками он вцепился в воротник и удерживал шубу на весу, не давая ей коснуться лица. При этом он бился в судорогах, подвывал и хихикал, потому что шуба обеими рукавами ожесточенно щекотала его под мышками. Еще хуже пришлось Карстену – его деловито душили пять шелковых женских платьев: два бирюзовых с вышивкой, одно красное с парчовыми вставками, одно лиловое и одно синее, отделанное жемчугом, как невольно отметила Десси. Еще несколько робких колетов, коротких охотничьих плащей, разноцветных блио и парчовых шлейфов жались у стен.

Десси махнула руками:

– Ну-ка брысь все по местам!

Колеты и блио затрепетали, шуба и платья ослабили хватку, но с места не двинулись.

Десси подняла бровь:

– Вот так, да? Ладно. А мы вот этак.

И медленно нараспев проговорила:

*Еще сон пошел по зыбке,
Дрема-то по лучкам,
Еще сон-от лег в ногах,
А дрема-то в голове.
Еще сон-от говорит:*

«Усыплю я, усыплю!»
А дрема-то говорит:
«Удремлю я, удремлю!»

Шуба обессиленно плюхнулась Рейнхарду на грудь, платья поникли. Молодые хозяева ужами выкрутились из ворохов одежды, но, едва Десси замолчала, как синее платье снова оживилось и вцепилось обеими рукавами в Карстенов сапог. Красное схватило сзади Рейнхарда. К ведьме и прячущемуся за ее спиной Дудочнику одичавшая одежда приблизиться не решалась.

– Не молчи, дальше говори, – шепотом потребовал Дудочник.

– Дальше я не знаю, – так же шепотом ответила Десси. – Дальше ты давай.

– Что?

– Что помнишь.

– Ну, знаешь... – Дудочник прокашлялся. – Только я ни за что не ручаюсь!

– Говори давай, у меня огонь не вечный. – И Десси еще разок устрашающе махнула руками.

– Ну смотри! Гм... Да что ж я помню-то? Так, вроде...

– Говори, продувная душа!

– «Пришел сон, из семи сел, – начал Дудочник, – пришла лень из семи деревень...» Э-э... А дальше, как дальше-то?

Десси топнула ногой.

– Сейчас повернусь, – сказала она тихо, – и тебе в рожу огнем. Сразу вспомнишь!

И Дудочник снова заговорил:

*Пришел сон из семи сел.
Пришла лень из семи деревень.
Собирались лечь, да простыла печь.
Окна смотрят на север.
Сторожит у ручья скирда ничья,
И большак развезло, хоть бери весло.
Уронил подсолнух бабку на стебель.
То ли дождь идет, то ли дева ждет.
Запрягай коней, да поедем к ней.
Невелик труд бросить камень в пруд.
Подопьем, на шелку постелим.
Отчего молчишь и как сыч глядишь?
Иль зубчат забор, как еловый бор,
За которым стоит терем?*

*Запрягай коня, да вези меня.
Там не терем стоит, а сосновый скит.
И цветет вокруг монастырский луг.
Ни амбаров, ни изб, ни гумен.
Не раздумал пока, запрягай гнедка.
Всем хорош монастырь, да с лица – пустырь,
И отец игумен, как есть, безумен¹.*

¹ Иосиф Бродский. Песня. (Примеч. автора.)

Платья замерли. Только их подола чуть-чуть трепетали, словно поглаживали пленников. Дессино сияние тоже погасло.

– Говори еще, – тихо попросила ведьма. – Все хорошо. Тут сильное колдовство. Говори. Дудочник потерял лоб.

– Я ж сто лет назад читал, – проговорил он виновато. – Что же там еще-то было? Разве, вот что:

*Уснуло все. Бутыль, стакан, тазы,
хлеб, хлебный нож, фарфор, хрусталь, посуда,
ночник, белье, шкафы, стекло, часы,
ступеньки лестниц, двери. Ночь повсюду.
Повсюду ночь: в углах, в глазах, в белье,
среди бумаг, в столе, в готовой речи,
в ее словах, в дровах, в щипцах, в угле
остывшего камина, в каждой вещи.
В камзоле, башмаках, в чулках, в тенях,
за зеркалом, в кровати, в спинке стула,
опять в тазу, в распятыях, в простынях,
в метле у входа, в туфлях. Все уснуло².*

Платья с легким шелестом опустились на пол. Лишь чуть заметный трепет юбок выдавал присутствие в них жизни. Шуба, тихонько хрюкнув, свернулась клубочком. Колеты, блио, плащи попадали вповалку друг на друга.

– Говори еще, – потребовала Десси.

*Уснуло все. Окно. И снег в окне.
Соседней крыши белый скат. Как скатерть
ее конек. И весь квартал во сне,
разрезанный оконной рамой насмерть.
Уснули арки, стены, окна, всё.
Бульжники, торцы, решетки, клумбы.
Не вспыхнет свет, не скрипнет колесо...
Ограды, украшенья, цепи, тумбы.
Уснули двери, кольца, ручки, крюк,
замки, засовы, их ключи, запоры.
Нигде не слышен шепот, шорох, стук.
Лишь снег скрипит. Все спит. Рассвет не скоро.
Уснули тюрьмы, замки. Спят весы
среди рыбной лавки. Спят свиные туши.
Дома, задворки. Спят цепные псы.
В подвалах кошки спят. Торчат их уши.
Спят мыши, люди. Лондон крепко спит.
Спит парусник в порту. Вода со снегом
под кузовом его во сне сипит,
сливаясь вдалеке с уснувшим небом³.*

² Иосиф Бродский. Большая элегия Джону Донну. (Примеч. автора.)

³ Иосиф Бродский. Большая элегия Джону Донну. (Примеч. автора.)

Дудочник замолчал. Теперь не слышно было даже шелкового шелеста.

– Рейн, мерзавец, ты что тут натворил? – спросил Карстен сонно.

Рейнхард недоуменно заморгал, но не ответил, глаза его сами собой закрылись, потом голова упала на грудь.

– Он тут ни при чем, – пояснил Дудочник. – Просто одежда тут отлежала полсотни лет, ну и озверела малость от одиночества. Ты бы, наверное, тоже озверел.

– Мгм, – согласился Карстен, прислоняясь к стене.

* * *

Десси с Дудочником вывели из подвала двух сонных княжат, повстречали на кухне не менее сонных (чтобы не сказать *спулых*) Радку с Мильдой и дружно выгнали всю четверку во двор на свежий воздух.

Потом снова спустились вниз, заперли дверь в опасную кладовую, сунули на место засова кочергу.

Когда они вышли во двор, все заколдованные уже проснулись. И немудрено. С неба крупными хлопьями сыпался снег. Прямо на зеленую траву, на чуть пожелтевшие листья, на сухое замковое дерево. Но люди в замке, слава Шеламу, собрались уже привычные, никаких вопросов не задавали, просто молча приняли к сведению новое чудо.

Десси хлопнула Дудочника по плечу:

– Силен ты, братец.

Тот улыбнулся:

– Не я.

– Да, к слову, кто такой игумен?

Дудочник задумался.

– Хозяин Леса, – сказал он наконец.

Десси кивнула.

Глава 19

Снег под солнечными лучами сошел уже к вечеру, но Гнешку он все равно встревожил. По ее приметам выходило, что это к тяжелой зиме. Кроме того, голова у Гнешки была не пустая, и повитуха разом сообразила, что неожиданный этот снегопад сильно похож на такую же ниоткуда взявшуюся грозу. А сообразив, выложила все это Десси и прибавила, что людям в деревне боязно становится.

Однако шеламка ничего путного ей не ответила – знай, загребала ложкой овсяную кашу из горшка и, казалось, беспокоилась только о том, чтобы не зачерпнуть больше, чем Гнешка с Радкой.

На другой день все пошло и того хлеще. Отмывать пропахший гнилью замок пришлось одной Радке. Десси все утро просидела на завалинке, глядя куда-то в пустоту и сосредоточенно мочалая стебель ревеня, потом забралась в книжную клеть к Дудочнику и проболтала с ним еще полдня. Вечером она наведлась в гости к Карстену и Рейнхарду.

Княжата жили, как и полагается, в доме у деревенского старосты – мужика, как заметила Десси издали, весьма степенного и медлительного. И осторожного, поскольку сам он шеламку предпочел не заметить и выслал ей навстречу свою жену. У нее Десси между делом поинтересовалась, куда подевалась уцелевшая замковая дружина, и услышала в ответ: «А, забодай их... – быстрый взгляд через плечо, – ...Солнце, разбежались кто куда. И то хорошо – шума и баловства меньше стало». Потом Десси провели в горницу.

Карстена шеламка попросила об одолжении. Объехать завтра деревни домена, разыскать десятников и позвать их назад в замок. Для начала – просто потолковать.

Карстен возмутился:

– Мне к моим же людям на поклон идти?!

– Здесь приграничье, доменос, – отозвалась Десси. – Они за тебя потом умирать будут.

Карстен уже успел возненавидеть шеламкину манеру говорить голую правду, но взглянуть на собственное воинство и в самом деле стоило.

* * *

Подданные восприняли приезд Карстена как небольшой поход за данью, но отнеслись к этому весьма благосклонно: год уже ничего не собирали, пора и честь знать. В результате княжич вернулся домой с седельными сумками, полными всякой снеди: окорока, колбасы, связки грибов, соленая рыба. Кроме того, удалось разыскать без малого три десятка воинов из бывших пяти десятков, так что Карстен не без оснований собой гордился. Мильда умилилась, а потом со слезами на глазах поведала своему воспитаннику о новых выходках шеламки. Оказалось та, едва Карстен уехал, стащила из замка всю медную утварь – светильники, посуду, украшения, унесла к кузнецу, и тот порубил все на мелкие осколки. После этого чумовая баба забралась в подвал, заперлась в винном погребе и до сей поры оттуда не показывалась. Карстен, ругаясь на чем свет стоит, побежал в замок – спасти семейное достояние.

Ведьма и в самом деле была в погребе, и несло от нее вином – хоть нос затыкай. Как раз сжегивала себе из бочки новый ковшик. Карстен почувствовал, что еще немного – и он сможет убить женщину.

– А, доменос, свет глаз моих! – приветствовала его ведьма. – Помочь пришел? Вот славно!

– Ты что еще придумала? – поинтересовался Карстен.

– Ты помоги, помоги, – ответствовала Десси. – Как следует помоги. Вон с того ряда бочек можешь начинать. А то даже это дело свалили на бедную одинокую женщину. Братец Карл у нас, понимаешь, не ест, не пьет, а братец Рейнхард разве что в вине понимает? Или вот что, доменос, скажи-ка мне, у вас тут какой-никакой подпорченной бочки нет? В смысле, чтоб вино прокисшее было. Ну, для тещи там или для каких соседей...

– Ведьма!

Карстен наконец схватил ее за локоть и хорошенько тряхнул. Самому понравилось.

Ведьма мотнула головой и неожиданно ткнулась Карстену в плечо.

– Глупый ты, – пробормотала она. – Глупый и молодой. Я ж для дела начала, а остановиться не смогла. Разве ж можно остановиться, когда темно и страшно? У меня и имя есть, между прочим. Выпей, доменос, может, добрее станешь. Выпей, право слово, я ж добра тебе хочу. Тебе ж тоже тошно, я-то вижу.

– Что ты задумала?

– Выпей, тогда расскажу. А то мы друг друга понять не сможем.

* * *

Час спустя Карстен, хохотал и хлопал ведьму по плечу.

– Хитра ты, сестрица Десси! – восклицал он. – Хитра, как шеламская лиса! погоди, доберется до тебя Солнце! Оно, знаешь ли, таких темнил не любит.

– Доберется, – бормотала шеламка. – Ох, доберется, твоя правда. Я тут сосну чуток, пока можно еще.

И, свернувшись клубочком, устроила голову у Карстена на коленях.

* * *

Следующие три дня Мильда со старшим княжичем не разговаривала.

* * *

И снова он лишь охотился, ел и спал. Только теперь у него было надежное, скрытое ото всех убежище. Правда, из пещер никак не мог выветриться запах старого колдовства, но это его не тревожило.

И еще он все время помнил, что не один, что где-то его воины преданно исполняют его волю. И он мог, ни о чем не тревожась, дожидаться, когда его разум достаточно окрепнет, сумеет справиться со страхом и подскажет ему, как расквитаться с врагами...

Глава 20

Сайнем спрашивал себя в который раз:

– Ну я-то со всеми моими преступлениями вполне достоин того, чтобы застрять в этой гнилой Купели, но король-то чем провинился?

Они сидели в городке уже вторую неделю. Они – Сайнем с Армедом и Аин. И с королем. И с королевским двором. И с королевской армией: две тысячи конных, три тысячи пеших. И чуть меньше тысячи Армедовых людей. И десять тысяч горожан, слегка озверевших от такого нашествия защитников.

После предательства Армеда Кьяртан, чужанский князь, быстро увел войска от столицы. Король Рагнар за ним не спешил. Недели две-три он устраивал пиры да балы в честь столь неожиданно обретенного союзника. И лишь когда цены на продовольствие в столице весьма выразительно полезли вверх, он приказал трубить сбор. Уже одно то, что армию повел сам король, а не его дядя Хильдебранд, ясно говорило, что на поход никаких особых задач не возложено. Скорее всего, Кельдинги хотели просто увести двор и часть армии из столицы, чтобы дать горожанам хоть немного роздыху. Если Кьяртан будет достаточно умен и уведет своих людей в горы, освободительный поход плавно превратится в очередную поездку за данью.

Оттого они и сидели сейчас в Купели, скрашивая время пирами и охотой. Солнечному Магу с каждым днем становилось все тоскливее. Привычки, усвоенные в храме, не позволяли ему напиться как следует, а что может быть хуже, чем оказаться самым трезвым человеком за столом?!

Бедным горожанам Сайнем от души сочувствовал. Когда король со свитой примчался в город в полном блеске с развернутыми боевыми знаменами и развязанными «завязками мира» на ножнах мечей, выяснилось, что спасать, в общем-то, некого. В начале лета, когда чужане заняли земли вокруг Купели, горожане, немного поотбивавшись, быстро сдали город на милость победителя, выплатили причитающуюся долю зерна, соли и девок, а потом вернулись к своим делам. А осенью чужане тихо снялись с мест и исчезли за рекой Вьей.

Сайнем как раз и глядел из окна своей комнатухи со скошенным потолком в маленьком безмянном замке Купели на реку да на зеленые острые верхушки елей за ней. Как же тут не поглядеть! Вья, на одном из притоков которой и примостился городок, как известно, разделяла Королевство и Шелам.

Отсюда, из замка, лес представлялся просто темной зубчатой полосой, вплавленной в синеву неба. Он был неподвижен, молчалив и более всего напоминал Солнечному Магу надежно запертый сундук. Полный чудовищ? Возможно. Полный вооруженных до зубов чужан? Тоже вполне вероятно. За год, проведенный в горах, Сайнем убедился, что чужане не

испытывают такого всепоглощающего страха перед Шеламом, как люди из столицы. Армед и Аин вспоминали о том, как охотились на окраинах леса, и Сайнем в который раз молча спрашивал себя: почему, собственно, горцы так уверенно чувствуют себя на равнине?

Между тем под самым окном замка тоже творилось нечто интересное. Шестеро королевских солдат седлали коней. Все были одеты в походные плащи; у двоих из-за спин торчали рожки луков. Следовательно, собирались они в серьезную экспедицию, и Сайнем спустился вниз – узнать подробности.

Сержант, разумеется, вовсе не обрадовался интересу к собственной особе со стороны предателя-волшебника. Но рассказы об ожившем мертвце давно уже бродили среди солдат, так что спорить сержант не рискнул и рассказал, что к чему.

Выяснилось, что второй раз за кампанию этого года перед королевской армией встала проблема моста. Чужане как разумные люди, отступая, сожгли все мосты через Вью. Королю Рагнару, как предположил Солнечный Маг, до сих пор не давала спать спокойно славная битва его дяди у брода через Ильг. Да и горожанам за их деньги и продовольствие следовало продемонстрировать что-нибудь героическое. Поэтому Рагнар решил перейти Вью и погонять чужан в Пришеламье.

Наводить переправу на месте прежних мостов он не решился: извилистые лесные дороги, ведущие к ним, – идеальное место для засады. Однако был еще один – старый и почти совсем уже разрушенный мост выше по течению. О нем чужане могли и не знать. Шестерке солдат как раз и приказали переправиться через реку вблизи от старого моста и разведать лес на том берегу. Сайнем, не раздумывая ни минуты, увязался с ними. Отказать ему снова не посмели.

* * *

Старая, с трудом различимая тропа, на которую указал отряду один из здешних мальчишек, вела к реке через залитый солнцем сосновый лес. У самой кромки леса пришлось продраться через молоденький ельник. Сайнему вся эта зелень была в диковинку, он крутил головой, как охотничья собака, и потому, наверное, заметил среди елочек что-то вроде небольшого укрепления, сложенного из земли и замшелых камней. Укрепление явно очень старо – покосившееся, с обваленными краями. Сайнема все это занимало до чрезвычайности. В этих местах явно шла своя жизнь – тихая, тайная, не зависящая ни от короля, ни от его воинов, ни от самих Магов храма. И знакомая тревога зашевелилась у волшебника под ложечкой. Ох до чего не любил он всякие тихие тайны! С достопамятной коронации не любил. Или нет, пожалуй, еще до того...

Тропинка вывела на отлогий берег реки, покрытый желтой осенней травой. Вья – темный поток шириной наверно шагов в двадцать – тридцать – бурлила, плескалась белой пеной, сдержанно рокотала, облизывая останки опор моста.

Всадники спешили. Лучники наладили свое оружие и застыли, наложив стрелы на тетиву, напряженно вглядываясь в просветы между стволами деревьев на том берегу. Сержант погнал остальную команду к реке. Один из солдат разделся до пояса, скинул сапоги, обвязался веревкой и, поминая всю родню своего командира, полез в воду. Двое остались на берегу со вторым концом веревки. Сайнем слезать с седла не стал и держался у кромки леса. Потому-то он и увидел то, чего не видел никто другой.

Первый из солдат добрался уже до того берега, второй вошел в воду, когда за спинами всего отряда из ухоронки вдруг возник третий лучник и легко, благо цель была шагах в десяти от него, двумя выстрелами уложил охранников. И в то же мгновение с другого берега тоже полетели стрелы. Первый солдат ткнулся лицом в мокрый прибрежный песок, второй на середине реки схватился за грудь, изогнулся, опрокинулся навзничь и поплыл вниз по течению. Третий завертелся волчком и свалился на землю – стрела прошила ему бедро.

Сайнем стукнул своего коня пятками, развернул его, увидел спину лучника, ныряющего в заросли, хотел уже броситься в погоню, но вдруг потянул на себя поводья с такой силой, что конь присел на задние ноги, а сам Солнечный Маг чуть не вылетел из седла. Он ожидал увидеть меховой чужанский плащ, думал даже, что надо будет обязательно срезать завязки (Армед по их цвету определит, к какому роду принадлежал нападавший), но вместо этого...

Вместо этого перед ним возник короткий, зеленый, собранный складками на левом плече плащ – как раз позапрошлогодня мода. У Сайнема некогда (еще до его близкого знакомства с храмом Солнца) был такой же. Кроме того, волшебник увидел светлый затылок с совсем не чужански длинными волосами и даже успел заметить прорезной рукав камзола и мелькнувшее в просвете белое блио. Убийца не был чужанином. Убийца был, как сказал бы Армед, *мертвяк-таори*.

Сайнем вновь развернул коня, пригнулся, поскакал к реке, ухватил раненого за рубаху и потянул в седло, и тот немедленно заехал своему спасителю локтем в печень. Сайнем с грехом пополам втащил солдата на конскую спину, снова пнул как следует несчастную животину и поскакал в лес. За его спиной сержант, истошно ругаясь, ловил свою лошадь. Впрочем, никого, похоже, не интересовали уцелевшие всадники. Лучник в зеленом плаще исчез в ельнике, на том берегу тоже было тихо. Нападавшие уже сказали все, что хотели.

Глава 21

Итак, из семерых вернулось трое. Стрелу извлекли из бедра раненого, осмотрена и признана чужанской. После чего по замку Купели поползли недобрые слухи. Нет ничего удивительного в том, что враг, воспользовавшись случаем, нападает на малочисленный отряд. Удивительно, если враг в точности знает, где этот отряд будет перебираться через реку. Сразу возникает вопрос, не сосет ли кто-нибудь тут, как ласковый телок, сразу двух маток.

Сайнем понимал, что он один из первых подозреваемых (хотя всего их оказалось не меньше тысячи – ровно столько, сколько чужан жило сейчас в Купели) и лишний раз из своей комнаты не выходил. Про зеленый плащ и прорезные рукава он не рассказывал даже Армеду, потому что сам не знал, что об этом думать. Впрочем, Армед безотлучно находился при короле: ему было ни до чего.

А к вечеру еще и снег пошел.

* * *

Солнечный маг, сидя на подоконнике, с интересом наблюдал за снегом и горожанами. Едва холодный ветер раскрутил на улицах Купели свою тугую спираль и принялся горстями бросать то ли снежинки, то ли градины в окна, как улицы мгновенно опустели. Но свистопляска продолжалась недолго, ветер утих, а снег повалил крупными хлопьями тяжело и размеренно, и люди снова стали высовывать носы за порог. То здесь, то там выскакивали на улицу женщины, мчались к веревкам, срывали с них пострадавшее белье и тащили под крышу. Кое-где полюбоваться на чудо вылезали дети и тут же начинали скатывать первый ком для будущего снеговика. И все повторялось: вылетала испуганная и разгневанная мамаша, хватала чадо за шиворот, шлепала как следует и волочила в дом. Мужчины благоразумно на улице не показывались: снег в начале осени, мало ли что!

Зато бедняжки придворные дамы, кочевавшие вместе с королем и армией, так обрадовались нежданному развлечению, что высыпали во двор и устроили игру в снежки. Навстречу прелестницам из-под тучки выглянуло солнышко, и засверкали на белом снегу алые, лазоревые, пурпурные и бирюзовые платья, заискрились сапфиры, изумруды и жемчуга на прическах и одежде, зазвенели юные голоса. Сайнем любовался на этот зимний цветничок, потом

решил, что надо и делом заняться. Закрыл ставни, рухнул на пол, отжался на каждой руке по дюжине раз, затем достал кинжал и принялся украшать отметинами оконную раму. Времена теперь тяжелые, и забывать старую выучку совсем не след.

Но долго поиграться ему не удалось. Спустя короткое время слепленный чьей-то рукой снежок стукнул в тонкую слюдяную пластинку, закрывающую оконный проем. Сайнем снова глянул вниз, помрачнел, но во двор все же спустился.

* * *

У чужан оказалось немало суеверий. В частности, они рассказывали Солнечному Магу о *Пастухах*.

Пастух у каждого свой. Внешне это обыкновенный человек, ничем от прочих не отличающийся и чаще всего ведать не ведающий о своем предназначении, но тем не менее неуклонно его исполняющий. А предназначение у Пастуха такое: он несколько раз в жизни меняет своему подопечному судьбу. Бросает на землю огрызок яблока, на котором подопечный поскальзывается и ломает ногу. Или срезает кошелек, который вышила подопечному его суженая. Или в последний момент уговаривает капитана не брать подопечного на борт. Поэтому разумный человек по меньшей мере трижды в году устраивает угощения для духа своего Пастуха, хотя мало кто знает своего Пастуха в лицо.

Все это, конечно, бредни, противные Солнцу, но сейчас Сайнем почти не сомневался в том, что видит своего Пастуха. А видел он перед собой молодую женщину с прекрасным лицом и соразмерной фигурой, одетую в белое блио, платье из алой парчи, расшитое узорами из зеленых листьев и разноцветных птиц, и в зеленый же плащ с серебряной бахромой. Ее платье скрепляли на обоих плечах золотые пряжки с диковинными ликами зверей. Ее волосы цвета летнего ириса или красного золота покрывала ажурная золотая сетка, снежинки таяли на них, и капли воды искрились в солнечных лучах, словно бриллианты. Белее снега были ее шея и волосы. Нежным румянцем светились ее щеки. Словно пурпурная наперстянка были ее губы и словно колокольчики – глаза. Гордым был изгиб ее тонких бровей. От ее волос и кожи веяло ароматом фиалок. Высоки были ее нежные плечи и длинны белоснежные пальцы. О прочих ее достоинствах, а именно о длинных стройных, мягких и белых, будто пена волны, боках, теплых и нежных бедрах, маленьких и стройных голенях и гладких прекрасных пятках Сайнем неоднократно слышал от придворных певцов. Это вовсе не означало, что придворные певцы сами, на опыте, убедились в истинности всех своих слов. Совсем напротив. Им оставалось лишь вздыхать: «Каждая хороша, пока не сравнишь с Искерд. Каждая мила, пока не сравнишь с Искерд». Но то все вздохи были. У прелестей Искерд был лишь один и довольно суровый хозяин.

Сайнем преклонил перед красавицей колени и поцеловал ее подол, совсем как в те славные времена, когда первые дамы столицы звали его не иначе как «обаяшкой».

– Грамерси, что навестили меня, матушка, – сказал он. – Со времени нашей последней встречи вы замечательно помолодели.

Глава 22

Почему-то почти у каждого человека с матерью связана какая-то история. Не было исключением и Сайнем. Более того, его история – всем историям история.

А дело обстояло так.

Тогда тоже выдался снежный вечер, прозрачный, самую чуточку морозный, и над крыльчками домов покачивались разноцветные фонарики, а снежинки бесшумно и деликатно ложились на мостовые столицы, чтобы заскрипеть потом под сапогами трех молодых и легка

хмельных столичных щеголей. Шуршали три парчовых, подбитых мехом плаща – ярко-зеленый, синий с серебром и желтовато-бурий. И Глан (Глан или Глен?) говорил, что снег пахнет совсем как его подружка белошвейка.

– Будем смотреть правде в глаза – прачка она, прачка, – фыркнул Сайнем.

(Синий плащ был его и придавал глазам хозяина слабое подобие той самой колокольчиковости, которой впоследствии с таким совершенством овладела Сайнемова матушка.)

– Будем смотреть правде в глаза, у вас сегодня гости, – парировал Глан (Глен?).

– Разве? – у дивился Сайнем. – Мы сегодня не принимаем.

– Да? А ты сам посмотри. – И Глан указал на возвышающийся в конце улицы дом Сайнемова отца. – Да не туда, выше, выше гляди, чье там окошко светится?

Сайнем глянул. И мостовая под ним тихонько качнулась и начала уплывать из-под ног. Молодой человек понял, что не просто хватил сегодня лишнего, а допился до зеленых ящериц. Вернее, до золотых змеев.

Окно в самом деле светилось. На третьем, самом верхнем, этаже, у основания маленькой нарядной башенки – матушкины покои. И не просто светилось (кармин и лазурь витражей до сих пор словно отпечатаны у Сайнема на рогице, стоит закрыть глаза – и вот они), а было распахнуто, и к нему прямо из мутно-серых туч спускался золотой сверкающий змей. У Сайнема от этой красоты скрутило желудок. Да, болтали об этом во дворце, острили, за спиной шушукались, но чтобы своими глазами... Чтобы вот так тебя, как латной рукавицей в нос...

– Чудеса да и только, – протянул Глан с усмешечкой. – Только, значит, законный муж за порог, как вокруг такие чудеса начинаются...

– Ничего, – пообещал Сайнем, проверяя, легко ли ходит в ножнах меч, – сейчас одним чудом станет меньше.

Дальше пошло все как по-писаному. Он бежал, задыхаясь, по лестнице, врезался в дверь плечом, почти что выбил, но потом сообразил, что дверь открывается в другую сторону, распахнул, влетел с криком: «Защищайся, скотина!» (Сдохнуть со смеху можно, как вспомнишь на трезвую голову.) И даже успел пару раз рубануть по упругому золотому телу (от каждого удара – искры фонтаном), а потом увидел нечто такое, чего не забудет никогда. Как его матушка, прикрывая наготу покрывалом да прядями тогда еще бледно-пепельных волос, поднимается со своего ложа и задувает горящий в изголовье кровати светильник. Сайнем, разумеется, тут же теряет, опускает меч и получает такой удар по шее, что голова едва не вылетает окошко. Занавес. Конец «Песни о Сайнеме, защитившем честь семьи от золотого змия».

А дальше пошло еще смешнее.

Назавтра, за полночь, как только юный герой пробудился, его потребовал к себе батюшка. И с печалью в голосе поведал, что милорд сын вчера с пьяных глаз напал на одного из Духов Хранителей столицы. (Где напал и почему – о том речи не было.) О происшедшем стало известно Солнечным Магам. И теперь они, опасаясь мести Духа, хотят забрать нарушителя к себе на Остров. Так сказать, умертвить его в одном обличье (юного героя передернуло) и возродить в другом (юного героя передернуло еще раз). Лодка с Острова придет за милордом сыном завтра поутру.

Юный герой от таких новостей, мягко говоря, обалдел. Придворная служба – псу под хвост, беззаботная жизнь – псу под хвост, вообще все будущее – туда же. Вместо этого извольте умирать и возрождаться. За что?!!

Полным идиотом он себя тогда еще не считал, а потому использовал оставшуюся у него ночь по назначению – то есть сбежал.

Почти что полную седмицу юный герой мотался по столице от друзей к подружкам. Наверное, мог и совсем убежать, в то же Пришеламье, – здесь о происхождении не спрашивали, но на такое он пока решиться не мог. А главное, он еще и болтал без умолку, рассказывал всем свою печальную историю и допытывался – как, отчего, почему. Друзья от расспросов мрачнели

и осторожно выставляли юного героя за дверь. Разумеется, в конце концов Солнечные Маги его выследили.

Дальше – Остров. Бараки, дощатые лежаки, туники из грубой шерсти, постный суп. Подъем до рассвета, отбой за полночь. Ученики в два раза его моложе, а что касается происхождения... гм-гм! Обо всем остальном рассказывать не полагается, но слухи, что ходят по столице, недалеко от истины.

Сайнем наверняка бы свихнулся, но, по счастью, попал на самую светлую мысль в своей жизни. Все, что происходило с ним, было смешно. И сам он смешон. Как осознаешь себя – бывшего придворного красавца – этаким нестриженным и немытым козопасом в окружении дюжины недорослей, которые для развлечения наколдovывают друг другу по горсти блох за шиворот, – расплачешься от смеха.

А когда, года этак два спустя, добрались и до оборотней и узнали, что подобного рода магия позволена лишь Хугину Верховному, Сайнем вообще чуть со смеху не лопнул. Понял наконец, кто его и за что. Вернее, кого он тогда треснул мечом по спине. Дух Хранитель Города, значит? Ну-ну!

Но между тем дела его на Острове Магов шли не так уж плохо. Да ладно, что там скромничать, блестяще они шли. Давно уже жил он в отдельной комнате, спал на тюфяке и укрывался отдельным одеялом. А все это для всех, кто понимает, означало одно: у молодого человека большие задатки, и учителя им весьма довольны.

Словом, к концу второго года Сайнем вполне примирился с положением дел: может, ему и вправду на роду написано стать волшебником – что же с судьбой спорить?

А судьба явно решила вознаградить несчастного героя за все мытарства. К концу третьего года он стал Магом, был наречен Вианором, и почти тут же его избрали Хранителем Равновесия Эона. Повод для гордости – Сайнем первым достиг столь почетного поста в столь юном возрасте.

А потом – коронация. И не только короля на ней стукнули под коленки. У Сайнема, слава Солнцу, глаза уже малость прорезались, и он сумел в последний момент разглядеть, где для него приготовлена яма. Если ты Хранитель Равновесия, изволь покарать применившего недозволенное колдовство. Но если нарушитель, защищаясь, тебя прихлопнет – тогда извини. Значит, Солнце посчитало тебя неправым. А нарушитель – сам Хугин, Видящий Мыслью. На защиту Солнца Сайнем не рискнул положиться. Солнце, как известно, шельму метит, да не скоро кажет. В итоге над этой шуткой Верховного он смеялся уже в чужанских горах.

* * *

Вот так и получилось, что матушку Сайнем не видел уже ровных четыре года, и, судя по тому, как она похорошела, друг у нее был все тот же и все так же преданно о ней заботился.

А если прекрасная Искерд, вместо того чтобы наслаждаться прелестями столичной жизни, мотается в здешней глуши вместе с королевским обозом, значит, ее другу нынешняя кампания чем-то интересна. Это и будем иметь в виду.

– Как ты возмужал, – сказала златокудрая красавица. – Совсем большой стал.

– Благодарю вас, – ответил Сайнем. – Я старался.

Глава 23

Десятники собрались в Луневом Гнезде, и Карстен рассказал им Дессин план уже от своего имени.

Те из солдат, кто поумнее, сразу сообразили, что без шеламки тут не обошлось, но это – к лучшему. На лесных колдунов в приграничье крепко полагались.

После совета два десятка человек отправились в сторожевые разъезды, как оно и было испокон века. Еще дюжина вояк засела в замке и принялась крутить факелы из просмоленной пеньки. Обломки медных сосудов бросили в котлы с прокисшим вином, туда же опустили две сотни факелов.

– Теперь остается надеяться на любезность дивов, – подытожил Карстен. – Пусть погуляют в Королевстве еще пару седмиц.

– Если чужане придут раньше, твои солдаты их помотают, – ответила Десси. – Но ты помолись своему Солнцу, чтобы такого не случилось.

Однако пока чужане не показывались, и Мильда погнала безработных солдат расчищать замок. Десси была ей так благодарна, что старалась не попадаться на глаза.

Теперь шеламка целые дни торчала на кухне, паря репу с брюквой и жаря мясо на всю ораву, а по ночам бродила по галерее или по внешней террасе у бойниц и бормотала: «Дырка! Во всей затее дырка! Ох, пропадем!» – пока Дудочник не вылезал из своей клетки и не гаркал:

– А ну спи! Хватит выть, собака баскервильская! Десси, испугавшись незнакомого ей божка, утихомиривалась.

* * *

– Мне нужно серьезно поговорить с тобой, сынок. Речь идет о безопасности всего Королевства. И о твоей судьбе тоже.

– Я весь внимание, матушка.

«Сделай морду проще, волшебник! Она считает тебя идиотом, так не порти хорошего впечатления о себе!»

Он подал Игерд руку, и они стали прогуливаться по двору. Из туч выглянуло солнышко и принялось, как кошка, слизывать выпавший снег.

– Скажи, ты не хотел бы вернуться в столицу?

– О чем вы толкуете, матушка? Мне что-то невдомек.

– Правда? Но ведь все просто. Годы прошли, Дух Хранитель уже не гневается на тебя. Я... принесла ему богатые жертвы и умоляла простить моего сыночка. Мне невыносимо думать о том, что ты скитаешься невесть где, голодный, полуодетый, и тебе не с кем даже поговорить по душам.

– Матушка, о чем вы говорите?! Я боюсь верить вам. Вернуться в столицу! Быть прощенным! Если б вы знали, как я корю себя за то, что заставил вас столько страдать...

– Ну что ты, не надо. Сыновья всегда причиняют горе своим матерям, а матери всегда их прощают, так уж повелось испокон веку.

Сайнем вновь поцеловал подол ее платья. Она ласково потрепала его по голове и подняла с колен.

– Так вот, поговорим о твоём возвращении. Говорят, ты дружен с тем дивом-отступником.

– Вроде бы так, матушка.

– И еще говорят, что он просит в награду за службу земли в Пришеламье.

Сайнем призадумался: как быть, изображать идиота дальше? Ничего не видел, ничего не слышал? Нет, если она решит, что, пообщавшись с чужанами, я превратился в слепоглухонемого сержанта, то и разговаривать со мной не захочет. Надо проявить небольшую смекалку.

– Должно быть так, матушка.

– А теперь слушай. Необходимо, чтобы Армед остался при королевском дворе. Мы уже обсуждали брак его сестры и милорда Хильдебранда. Для самого Армеда тоже найдется достойная невеста. Главное, чтобы он сам понял: ему гораздо выгоднее жить в столице, чем сидеть здесь, под самым боком у проклятого леса.

– А для чего это вам, матушка?

Исгерд вновь окинула сына оценивающим взглядом и, вероятно, разгадала его нехитрую игру, потому что следующие ее слова были обращены отнюдь не к «идиоту».

– Здесь Армед останется опасным союзником, которого придется все время улаживать и богато одаривать. А если вся армия, все силы, все деньги Королевства будут этой зимой собраны в единый кулак, то следующей весной мы сможем, не дожидаясь очередного нашествия, первыми явиться в горы. И тогда король Рагнар будет одаривать своих верных слуг уделами из дивных земель. Ты понимаешь?

– Я понимаю, матушка. Я постараюсь сделать все, что в моих силах.

– Я верю тебе, сынок, и буду с нетерпением ждать следующей встречи.

Она поцеловала Сайнема в щеку, овеяв на мгновение запахами фиалки и медоцветы, подобрала юбки и пошла к королевским покоям. Сайнем показал ей вслед язык.

– Таори-мертвые, – пробормотал он.

Глава 24

Наверху волшебника поджидал Армед.

– Слышал, Халдон? Его Величество приказывает моим людям расчистить подходы к реке, – начал чужанин без предисловий. – Я не хочу, чтобы они глотали стрелы. Сделаешь что-нибудь?

Сайнем задумался, потом хихикнул. Встреча с матушкой окрылила его, и удачные мысли так и скакали в голове, словно дрессированные блохи.

– Сделаем. Только что дальше?

– Дальше?

Сайнем пересказал свой разговор с Исгерд.

– Я тебе, конечно, не советчик, – закончил он, – но я сам от этой компании побегу за Шелам и дальше.

– Советчиков и без тебя хватает, – согласился Армед. – Ты дороги расчисти.

И, помолчав, добавил:

– Конечно, землю я не отдам, поищите другого дурака. А вот Аин отдать придется, как ни крути.

– Хильдебранд ей подойдет, – утешил его Сайнем. – А не подойдет, так она его быстро обстреляет.

Армед глянул на волшебника изумленно, подумал было, не начистить ли морду дерзкому таори за такое небрежное обращение с его, Армеда, сестрицей, но потом махнул рукой – пусть сами разбираются, как хотят.

– Так вот, о колдовстве, – продолжал Сайнем. – Прежде всего мне нужно будет примерно полкотелка коровьего навоза.

– Навоза?

– Причем свежего. Лучше даже горячего. Ты уж, дружище, постарайся, достань. Дальше. Твой брат дарил тебе что-нибудь?

Армед указал на тяжелое золотое запястье.

– Отлично, отдашь мне. Дальше. Аин носит под одеждой поясик из змеиной кожи. Попрошишь у нее и тоже принесешь. И последнее. Добудь кусок стрелы, что вытащили из ноги того парня. Ну которого подстрелили у переправы. Вот и все, пожалуй. Если завтра все соберешь, послезавтра перейдешь речку как по-писаному. Идет?

– Идет. Справишься – за мной подарок.

– Не надо, обойдусь. Хочешь одарить, расскажи, почему вы с гор сошли, а леса не боитесь. Армед рассмеялся:

– А чего нам бояться, Халдон? Это же наша земля. Мы тут жили до таори и после таори жить будем.

Сайнем придержал рукой челюсть.

«Все-таки я и правда идиот, – подумал он. – Кругом идиот, и нечего прикидываться».

* * *

Армед уговорил короля Рагнара отложить разведку на два дня, пояснив, что эти дни – священные праздники для чужан. Сайнем сутки постился и не выходил на солнце. Под вечер он отправился на задний двор, вычертил на земле кончиком Армедова копья магическую звезду, развел внутри нее костер из свеженарубленных березовых полешек, бросил туда несколько сухих стеблей чертополоха. Когда нагорело достаточно углей, он поставил в середину кострища горшок со змеиным пояском, обломком стрелы, золотым запястьем и навозом.

Вонь от горшка быстро разогнала всех пришедших полюбопытствовать, один Армед остался и часа три развлекал волшебника преданиями о прежней беззаботной жизни людей (то есть, по-сайнемову, чужан) и о нашествии злобных мертвецов (по-сайнемову, людей Королевства).

Князь, как всегда, оказался прав, когда решился три часа нюхать навозный дым. Зрелище того стоило. Едва солнце село за лесом, горшок забурлил, запыхтел отчаянно, завертелся, как оглашенный, на углях и треснул. Из него вырвались две черные в золотую крапинку змеи и, злобно шипя и плюясь огнем, понеслись по воздуху к Шеламу.

Сайнем мечтательно улыбнулся, представляя, как чуть погодя одна из этих тварей вопьется в запястье Армедова брата. А вторая... Вот этого Сайнем не знал, и улыбка сползла с его лица. В самом деле, он был уверен, что не чужане потрепали королевский отряд на переправе. Но кто? Если их с Армедом путь лежит в Шелам, то с этими незнакомцами, возможно, еще предстоит встретиться.

Огонь полыхнул в последний раз, и две дюжины змеенышей помельче выпорхнули из пламени и устремились навстречу врагам. Туда, куда звали золотое запястье и обломок стрелы.

– Ну, теперь дай тем, кто в лесу, ночь и день на то, чтобы убежать подальше, а потом наступай спокойно, – сказал Сайнем чужанскому князю.

Армед снова пообещал в случае удачи засыпать волшебника подарками.

* * *

Ночь спустя отряды чужан, наведя веревочные переправы, беспрепятственно перебрались на тот берег, поднялись вверх по течению, обшарили лес вокруг моста, но не нашли ни одной живой души.

Наутро король уже гарцевал по мосту и во весь голос нахваливал союзников. Сияющий Армед вернулся в Купель и, не сходя с коня, объявил верному Халдону, что придумал для него достойную награду. Халдон получит во владение ни больше ни меньше как один из замков Пришеламья, а также сотню воинов для его защиты. Сайнем едва не взвыл от досады, но, к сожалению, от подобных подарков не отказываются, если жизнь еще дорога. Поэтому он отправился в гости к чужанам-победителям. (Ради их доблести король приказал вскрыть винный погреб купельской ратуши, и это, доложу вам, – кое-что.) Волшебник долго надоедал охмелевшим солдатам расспросами, не видали ли они в лесу кострищ, порубок или каких-то иных следов лагеря, и, узнав, что кроме синиц и белок они ничего не видели, помрачнел еще сильнее.

Глава 25

Наконец посланные Карстеном дозорные обнаружили ночевку чужан в полудне пути от Павинки. На глаз там оказалось около пятидесяти сотен воинов. На закате маленький отряд из Лунева Гнезда подобрался как можно ближе к лагерю и забросал его горящими головнями да горшками с конским добром (стрелы решили беречь до самой крайности). После этого нападавшие улизнули.

Погони за ними не было. Изумившись такому дивьему добросердечию, двое солдат рискнули вернуться и выяснить, не полегли ли враги разом от одной только вони. И увидели нечто вовсе невероятное: «атакованные» чужане спешно снимались с ночевки. Все пятьдесят сотен.

Десси (а план, разумеется, придумала она) рассчитывала попросту устроить врагам беспокойную ночь, с тем чтобы с утра они помедлили с маршем, выслали разведчиков и добрались до Павинки только к следующему вечеру, а если Шелам позволит, то и вовсе ночью. Однако чужане проявили небывалую прыть, и теперь в ее распоряжении вместо суток было всего несколько часов. И замок тут же превратился в потревоженный улей.

Всех мужчин Десси отправила в деревню – гнать в замок скотину и тащить весь скарб, какой смогут унести. Женщины, разумеется, побежали присмотреть за кормильцами. Поэтому готовить Лунево Гнездо к обороне довелось шеламке да ребяташкам.

Когда загорелись на небе первые звезды, все люди из Павинки сгрудились у зубцов внешней стены. Дудочник с кузнецом сумели вновь приподнять мост, и он криво висел надо рвом, совсем как в прежние времена. Десси прохаживалась взад-вперед по боевому ходу – открытому пространству между бойницами и донжоном замка. За спиной она слышала всхлипывания и недовольное бурчание. Шеламка и сама ясно понимала, до чего подло оставлять деревню на поживу проклятым дивам, но предпочла рисковать домами, а не людьми. Перезимовать, по крайности, и в замке всем миром можно. Хотя оборони Шелам от такого...

Длинная и пестрая змея чужанского войска неторопливо всползала в долину Павы. Шли они боевым порядком, всадники прикрывали фланги. Увидев замок, дивы поневоле замедлили шаг. В ночи Лунево Гнездо светилось тысячей зеленых колдовских огней. Вымоченные в кислом вине с медью факелы кого угодно могли привести в замешательство.

Десси по привычке посчитала Детей Ласточки – четырнадцать – и прониклась уважением. Уже то, что она и ее куцый отрядишко решились принять этот бой, стоило где-то записать. Хотя бы в отхожем месте храма Аэты, где, говорят, выбиты имена самых самонадеянных глупцов.

Десси положила ладонь на крышку стоящего перед ней сундука, прислушалась к беспокойным толчкам и шороху внутри, кивнула Карстену. Он махнул рукой, крикнул: «Вперед, именем Солнца!», и две дюжины таких же сундуков полетели со стены к подножию замка.

В полете они раскрылись, злобно щелкая челюстями окованных крышек, и из столетней тюрьмы на свободу вырывались парадные наряды бывших хозяев Лунева Гнезда. В глазах на мгновение зарябило от блеска парчи, шелков и драгоценных камней. Истосковавшаяся, почувшая наконец людей одежда одним махом одолела ров и кинулась, раскрывая объятия, к чужанам. Изысканные женские платья льнули к мужественным кожаным доспехам, легкие шарфы обвивали шлемы и сапоги, бесстыдные белоснежные блио приникали к дивьим штанам и вцеплялись в них со страстью соломенной вдовушки. Мужские же плащи, камзолы, колеты не остались равнодушны перед ослепительной красотой чужанских мечей и секир. Они заключали непокорных девственниц в объятия, вырывали их из рук опешивших хозяев и тащили в ближайшие рощицы, чтобы там, под сенью дерев, познать всю сладость мира.

Враг был разбит без единого выстрела, враг в панике бежал.

Впрочем, и сами мужественные защитники замка до утра не решились опустить мост, ночью все окрестности находились в полной власти ликующей одежды.

Под утро большинство гуляк без сил валялись в пыли на дороге. Десси с Радкой почистили и подлатали их, а Карстен раздарил своим верным в награду за службу. Хозяйки, опасаясь норова графской одежды, поотпарывали галуны и украшения, а из прочего понашили чепчиков и праздничных передников. Шеламка радовалась. После такой основательной смерти тряпочные души совсем освободились и отправились всеобщим путем за Меч Шелама. Пара одичавших нижних юбок еще какое-то время бродила по лесам, потом выловили и их.

И, наконец, Десси перестала по ночам тревожить Дудочника своими стенаниями.

Глава 26

За ночь подморозило, и на рассвете в воздухе повисло облачко мельчайших колючих кристалликов. Затянутые изморозью палые листья (бурые прошлогодние и яркие лаковые, первые с нынешнего года) похрустывали под копытами лошадей, как малосольные огурчики.

Солнце искоса поглядывало из-за горизонта, и в белесых его лучах четверо богато одетых всадников казались по меньшей мере сказочными принцами.

Но если и следили за утренними гостями Шелама какие-то глаза, то светилось в них отнюдь не восхищение, а скорей ненависть и алчность.

Не задерживаясь на лицах («Что на дивью морду долго пялиться?!»), взгляды так и прикипали к теплым плащам, к крепким, ладно стачанным сапогам, к ухоженному оружию.

Всадники меж тем, беспечно перекликаясь и посмеиваясь, миновали плавный поворот лесной дороги и натянули поводья. Путь им преградила старая поваленная береза. И тут же за непрозрачной еще стеной придорожного кустарника шесть стрел прильнули к лукам, двенадцать потрескавшихся, потемневших от многолетнего копания в земле пальцев потащили тетивы к ушам, шесть обутых в опорки ног уперлись в мерзлую землю, готовые распрямиться.

Луки были по большей части переделаны из охотничьих самострелов и черканов (да и откуда взяться иным у честных землепашцев, изгнанных дивами из родных деревень и не сумевших прижиться в городе?), но шагов на двадцать и эти самоделки били неплохо.

Всадники сразу заметили ровно обрубленный комель березы, сгрудились посреди дороги, выставили маленькие нарядные щиты. Незащищенные лошадки обреченно всхрапывали. Но тут, растолкав приятелей, выехал вперед на всеобщее обозрение один – златокудрый красавчик в белом с синим исподом плаще. Вскинул левую руку, и сразу стало видно, что никакого доспеха на нем нет, стреляй куда хочешь – хоть в грудь, хоть в спину, хоть подмышку. Но пальцы вдруг судорожно сжали древки стрел, отведенные локти задрожали и опустились, а условленный крик сойки провалился обратно в горло жоака и превратился в осиплое крикание. И было отчего.

Натужно кряхтя и взмахивая узловатыми сучьями, береза поднималась с земли. Гнулась, дрожала мелко, но рывок за рывком тянула вершину в зенит. И поднялась. Постояла мгновение-другое на комле, взбрыкнула напоследок сухими листьями и повалилась на обочину, ломая кусты.

Перепуганные до смерти разбойники прыснули в лес, а дивьи всадники с улюлюканьем помчались за ними.

Светловолосый волшебник остался на дороге. По счастью, некому было сейчас глянуть в его глаза, потому что случись тут какой человек, он не увидел бы в лице волшебника ни мудрости, ни властного спокойствия, но лишь облегчение, как у ученика, которого миновал перст наставника.

Халдон Змей, бывший Вианор, Хранитель Равновесия, бывший Сайнем Обаяшка, нынешний сотник князя Армеда, вступал во владенье дарованными землями и намеревался и впредь не скупиться на дешевые фокусы, потому что крепко трусил.

* * *

В небесах было холодно и ветрено. Перистые облака, словно рыба чешуя в неводе, почти сплошь покрывали небо, неяркое солнце скользило по низкой отлогой дуге, а земля внизу уже ощутимо наливалась желтизной и багрецом.

У ног Десси чирикали, прощаясь с гнездами, ласточки. Шеламка сидела на крыше донжона, на высоте в двадцать без малого человеческих ростов над землей, куталась в три теплых кофты, но, несмотря на покрасневшие руки и нос, слезать не желала. Иногда бывает полезно хорошенько проветрить голову.

После блистательной победы над дивами в Луневом Гнезде, кажется, наступили покой и благодать. Руками благодарных защитников замок наконец довели до ума. Теперь, если домен Клык пожелал бы собрать своих воинов в замке, к их услугам был весьма просторный зал для пиров и советов на первом этаже и даже казармы – для желающих остаться на ночь. А если бы вдруг (невероятно, но все же вдруг!) пожаловали бы гости познатнее, то Карстен и тут не ударил бы в грязь лицом. Зал для приемов и зал для пиршеств в основании башни, а также полдюжины жилых комнат вокруг обрели все необходимое: столы, лавки, светильни, постели, сундуки, поставцы. Правда, вместо парчовых покрывал на постелях лежали все больше перины в пестротканых чехлах, а низкая добротная мебель обладала поистине крестьянским норовом и то здесь, то там выставляла совершенно неуместные острые углы, но и в прежнем Луневом Гнезде обстановка не отличалась изысканностью, а единственные гости – Десси с Радкой – вообще подобных вещей не замечали.

Когда же разбирали кладовые в подземелье, так своевременно обнаруженном Рейнхардом, натолкнулись на еще один сюрприз. В одном из закрытых помещений хранились запасы горного угля – редкого и дорогого дара земли, который способен гореть в очаге едва ли не всю ночь и легко давал жар, достаточный для ковки. Горный уголь покупали у тех же чужан за немалые стада скота, и некоторый его запас в замке был чистейшим везением. Десси не только успокоилась на счет того, как обогреться зимой, но и смогла расплатиться с кузнецом Хоком и за топор, и за все прочие его работы для замка.

Итак, замок Сломанного Клыка выглядел теперь уютным, обжитым и... совершенно беззащитным, ибо из всего должного вооружения по сусекам наскреблись две дюжины поясных мечей и кинжалов, да еще некоторый запас копий и рогатин. Разумеется, Карстенова дружина, случись что, пришла бы защищать замок не с печными ухватами и не со скалками (каждый держал свое личное оружие в порядке), но парочка камнеметательных машин на стенах была заветной мечтой Десси.

Она мечтала о них по утрам, когда собирала грибы в березняке на излучине Павинки или клюкву на болоте; мечтала днем, когда помогала Гнешке резать репу; мечтала вечером, когда рубила вместе с Радкой капусту на кухне замка. Мечтала так сосредоточенно и упоенно, что кончик ногтя на большом пальце левой руки уже крошился от случайных ударов ножа.

Об этих машинах она и пыталась толковать сегодня со здешними плотниками. И убедилась, что все, кто хоть сколько-то понимал в военных машинах, давно уже подались на поиски работы в Купель, а то и в столицу. А сама Десси, хоть и выросла в крепости, далеко от печки не отлучалась. Словом, опять нужно было что-то придумывать – и желательно побыстрее.

Десси прекрасно знала, что стоит ей переступить порог кухни, как братья Луни, Радка, Мильда и Дудочник тут же примутся что-то у нее выпрашивать, советовать, упрекать, подбадривать. А ей все это изрядно надоело. Ей хотелось забраться куда-нибудь подальше и немного отдохнуть от людей.

Сначала она думала отсидеться на чердаке. Но по чердаку носились, свирепо мяукая, недогулявшие весной коты. (Как они в замок пробрались?! Не иначе Мильда прикармливает...) И Десси полезла выше – на башню.

Но все-таки до чего хорошо тут! Пусто, одиноко, светло.

Десси усмехнулась и наперекор всем холодам запела под нос задорную весеннюю песню про молодого короля-солнце, уводящего жену у старика-зимы:

*Все цветет! Вокруг весна!
Королева влюблена.
И, лишив ревнивица сна,
К нам сюда пришла она,*

*Вся радостью сияя.
А ревницам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы весенний затеяли пляс.*

*Сам король тут, вот те на!
Поступь старца неверна,
Грудь тревогою полна,
Что другому суждена
Красавица такая.*

*Старца ревность ей смешна,
Ей любовь его скучна,
В этом юноши вина,
У красавца так стройна
Осанка молодая.*

*А ревницам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы весенний затеяли пляс⁴.*

И солнышко в ответ на ласку и привет разогнало на мгновение облака и просияло, как встарь, залив башню, рощи и поле золотым потоком.

Десси встала, закинула руки за голову, позволила ветру и солнцу себя обнять.

* * *

Сайнем с дороги увидел на донжоне своего замка какой-то странный знак: то ли светлый крест, то ли колесо на палке. Ну ясное дело, поганой лесной магии тут не чураются. Ладно, добро, доедем, а там уж разберемся.

За его спиной переговаривались чужане.

– Нет, ты глянь, ты смотри, девка бедовая какая! Смотри, куда забралась! Вот, помяни мое слово, нынче же вечером ее прижму.

– Ты и рожу отсюда углядел, глазастый? Может, как рожу увидишь, сам от нее бегать будешь.

⁴ Из песен трубадуров. (Примеч. автора.)

– Тю! На кой мне рожа! Ночью-то, да еще в чуланчике. Мне норов нужен. Я шустрых люблю. А за что подержаться тут будет – это уж я и отсюда вижу.

* * *

Десси глянула вниз и увидела на дороге четырех незваных гостей. Верней, толком увидела одного – светловолосого, в белом сверкающем плаще. Остальные трое рядом с ним как-то потерялись. Чужане как чужане – эка невидаль. А вот таких светлых рыцарей шеламке прежде не приходилось видеть. И впрямь, словно в песне, – король-солнце с неба спустился. Только лучше бы он в песне и оставался. Напела на свою голову. Четверо тут, на виду, а за деревьями сколько?! А мост-то у нас как назло опущен!

Десси поспешно нырнула в башню, захлопнула за собой тяжелую дверь и побежала по винтовой лестнице вниз.

Глава 27

Уже на последнем пролете лестницы шеламка услышала, как Карстен внизу сказал:

– Думаю, будет лучше, если я сам к вам выйду.

И вслед за этим хлопнула тяжелая, обитая старыми щитами дверь.

Внизу у засовов замер на часах Рейнхард. Десси молча оттерла его плечом и глянула в потайной глазок. Веселая кавалькада была уже на мосту. Штурмовать замок они, похоже, не собирались.

Говорил Белый Рыцарь. Ветер относил слова, и шеламке оставалось лишь любоваться безупречными чертами и золотыми кудрями незнакомца, а также темным затылком Карстена. Пришелец и хозяин замка о чем-то спорили, но пока довольно мирно.

На мгновение ветер стих, и Десси разобрала ответ молодого маркграфа:

– Думаю, через три дня мы сможем это обсудить.

Десси отпрыгнула к стене, и дверь снова хлопнула, впуская доменоса в замок.

– Чего им нужно? – тут же спросила шеламка.

Карстен досадливо дернул ртом:

– Не поверишь – хотят нас защищать! Кельдинг уступил Пришеламье под руку Армеду Чужанину, а Армед посадил к нам в замок своего воеводу. Вот, извольте, грамоты! – Карстен помахал перед Десси и Рейнхардом свитком. – Я, конечно, сегодня же pošлю человека в Купель, разузнать, не блеф ли это, но для блефа получится слишком сложно и глупо.

– И что ж дальше? – спросила Десси.

– А куда мы денемся? Обещали явиться через три дня с сотней рыцарей и защищать нас верой и правдой. Мне удалось сторговаться на пяти десятках. Но ты ж понимаешь! Если я и дальше буду капризничать, сюда явятся пять сотен. Придется дружить.

– Ты не горюй, сестрица ведьма. – Рейнхард заговорщицки подмигнул опешившей шеламке. – Мы тебя спрячем.

– Вот как... – вымолвила Десси, удивляясь еще больше. – И где же?

– Разумеется, на самом видном месте!

* * *

Вечером все сидели на кухне. Княжата с урчанием обгладывали свиные ребрышки. (Несмотря на все панибратство с вилланами, от привилегии благороднорожденных есть каждый день мясо молодые Луни отказываться не желали.) Шеламка сладострастно точила ножи,

воображая на месте точильного камня горло Белого Рыцаря. Наконец Карстен аккуратно облизал пальцы, вытер их о штанину и сказал задумчиво:

– Прятать тебя надо так, чтоб в случае чего под рукой была.

– За открытой дверью прятать, – отозвался Рейнхард.

– Чего?

– Ну... – Младший Лунек покраснел, припоминая, видимо, свои подвиги в подземелье, но продолжал: – Когда ищут чего-то или кого-то, если дверь на засов закрыта, ее обязательно с петель снесут. А если распахнута – глянут один раз, вроде нет никого, и все дела.

– Ну и где нам такую дверь взять? – поинтересовался Карстен.

Рейнхард сощурился:

– А пусть она нам и правда сестрой будет. Не родной, конечно, – всякий знает, что у нас такой нет, а дальней какой-нибудь. Из нашего же рода, одним словом. А в нашем роду ведьмовства быть не может – это всякий скажет. А если кто на нее донесет, то получится, что мы ее защищать должны. Не станет же дивий наместник с нами разом ссориться! Побоится, небось!

– А если станет? – возразила Десси. – А если ему только этого и надо?

– Да нет. – Рейнхард пренебрежительно отмахнулся. – Не дурак же он конченный. Если он нас хоть пальцем тронет – так и дня на нашем месте не просидит: тут против него не то что каждый человек – каждый камень встанет.

– Да не о том спорим, пустое все, – мрачно отозвалась Десси. – Вы хоть на руки мои взгляните. Кто поверит, что у высокородной такие руки?

– Так сделай с ними что-нибудь, ты же женщина! – бросил ей Карстен.

– Мильду попросим, – тут нашелся Рейнхард. – Она еще нашей матушке прислуживала.

– Ну просите, просите... – скептически улыбнулась Десси.

* * *

– Три части тела у женщины должны быть длинными, три – короткими, три – большими, три – маленькими, три – мягкими, три – белоснежными, три – алыми и три – черными как смоль.

Обнаженная Десси стояла в лохани с горячей водой. Мильда крутила шламку туда-сюда, терла огромной колючей мочалкой и поучала Радку.

– Три длинных – коса и бедра. – Она подергала Дессины волосы и натянула их едва-едва до нижних углов лопаток. – Ну, длиньше косу за три дня не отрастить, да и на солнце не высветлить, как положено, – солнце теперь не то. Ладно, помоем с крапивой, лопухом да ромашкой, даже эта пакля немного посветлеет. А бедра вроде и так сойдут. Три коротких – нос и ладони. Волосы на затылок заберем, лоб откроем, глядишь, и на нос меньше смотреть будут. А на руки, – Мильда вздохнула, – на руки придется запястья повесить, тогда и ладони меньше покажутся. Дай-ка водицы!

Радка зачерпнула ковшом из бочки, подала Мильде. Та окатила Десси холодной водой и вновь взялась за мочалку. Радка нависла над бочкой, ожидая, когда вода успокоится и можно будет оценить размеры собственного носа.

– Три большие – глаза и лоб. Под глаза немного тени положим, а надо лбом волосы взобьем, а лучше еще шапочку какую-нибудь приспособим, и вуальку, чтобы на плечи падала. Тогда придется ей голову назад отгибать, вот и лоб будет большим казаться.

«И глаза туда же вылезут», – подумала Десси.

– Три маленькие – подбородок и стопы. Вот тут, у щек, кудряшки пустим, скулы прикроем, а к туфлям подошвы подвяжем. Она, правда, и без того высокая, но это и хорошо – к дылде лишний раз соваться не будут. Три мягких – груди и живот. Грудь придется лифом

поднимать да белить. А на живот под платье подушечку положим, хотя... И под груди тоже придется! Свинцовый бы компресс на ночь приложить, да где его возьмешь? В старое время за свинцом к дивам посылали... Три белых – шея и руки. Ну, постараемся, кожу выбелим хоть немного, а где не получится, вуалькой прикроем. Три алых – щеки и рот. Это просто. Румяна я тебя быстро делать научу, а губы пусть сама кусает... как сейчас. Я уж вижу, любит она это. И три черных, наконец. Брови засурьмим, это тоже просто. А что до третьей черной... До нее, дай-то Солнце, никто не доберется.

Она снова окатила Десси из ковша и велела вытираться.

– Пока довольно, а с вечера кожу белить начнем.

Шеламка ухватила Мильду за рукав.

– Постой, каблук, вуальки – это все ладно. Ты скажи, держаться-то мне как?

– Да как хочешь! Смотри на молодых господ и за ними повторяй, только по-женски; откуда дивам знать, как себя благородные девицы держат! А если ошибешься где, подумают, что к тебе низкая кровь примешалась. А ты что стоишь? – Нянька обернулась к Радке. – Беги, воду выплескивай.

И когда Радка скрылась за дверь, Мильда бросила шеламке через плечо:

– Держи себя так, будто тебе до смерти хочется, но дашь только, если посватается.

* * *

– Выхухоль! – сказал Карстен, когда ему представили отмытую и принаряженную шеламку. – Женщины моего рода были подобны первым весенним цветам на солнечном склоне холма, а ты... выхухоль.

И рявкнул:

– А ну встань ровно, ведьма, не кособочься!

Десси в парадном платье и вправду смотрелась «не так чтобы очень». Жесткая расшитая золотом ткань отставала от ее спины на добрых пол-ладони, в плечах платье было беспощадно узко и трещало, несмотря на шнуровку у рукавов, шлейф вздернулся вверх, образовав подобие горба на поясице, а потайная подушечка, придававшая многообещающую округлость животу, сползла на самые бедра. Кроме того, даже мильдины притирания не смогли смягчить кожу шеламки и свести многолетний загар.

Они беседовали в «Зале арфистки» – шестиугольной комнате с возвышением, где обычно принимала гостей маркграфиня. Сейчас на возвышении жалкой пародией на прежнее величие стояли Десси с сестрой и князя нянька. Карстен в раздражении мерял комнату шагами, отпихивая подсыхающий тростник, которым был усыпан пол. Рейнхард сидел в оконном проеме и покусывал кулак, переживая за судьбу собственной затеи. Росписи на стенах – изящные большеглазые музыкантши и легконогие плясуньи в охряных и темно-красных струящихся одеждах – окончательно убеждали Десси в том, что по сравнению с благородно-рожденными дамами она – именно выхухоль, и ничто иное. С тем, что затея потерпела полный крах, вынуждены были согласиться все.

– Нарядили корову в боевое седло, – проворчала разочарованно Мильда.

Радка сказать ничего не осмелилась, лишь взохнула и поджала губы.

И лишь Рейнхард не сдавался.

– Ну ладно, платья носить ты не умеешь, – обратился он к шеламке. – Но колдовать-то еще не разучилась? Глаза-то гостям отвести сможешь? Будто ты этот самый весенний цветок и есть?

– Колдовать опасно, – отозвалась Десси и, увидев изумленно взлетевшие Рейнхардовы брови, пояснила: – Ты же помнишь, что с этим замком получилось. На каждого колдуна потом

другой колдун находится. А про наш замок уже слухов пошло – в подол не соберешь. Ясно, что чужане без своего колдуна сюда не сунутся, а уж он рано или поздно обман почует.

– И что же тогда? – быстро переспросил Рейнхард.

Он догадывался, что шеламка никогда не решилась бы выставить себя на посмешище перед Карстеном, если бы не держала что-то в уме.

– Значит, надо, чтобы все было без обмана. Вспомнила я тут один фокус... Скажи, дэмон, в вашем роду женщины молодыми умирали?..

Глава 28

Склеп, как и заведено, располагался в подземелье замка, рядом с винным погребом, угольным подвалом и старой гардеробной.

– Неплохо покойнички устроились! – решил Дудочник, когда они с Десси обследовали подземелье. – Погреться, одежду сменить, винца хлебнуть...

Во времена Большой Уборки до склепа ни у кого руки не дошли, да, впрочем, и грязи особой не было: если какая пыль туда и попадала, ее смывала вода, по капле оседавшая на так и не отогревшихся с прошлой зимы стенах. Холод, сырость и запах нежилого дома.

Склеп оказался невысок – посередине потолок лишь чуть выше роста среднего человека, а в боковые крипты можно заглянуть, только присев на корточки. И не велик – в нем помещалось не более двух дюжин каменных гробниц, напоминавших Десси гусятницы. На крышках гробниц лежали, уставив невидящие глаза в потолок, каменные изваяния их владельцев – кто с оружием, кто с лютней, кто с беркутом на плече, кто с любимой собачкой у ног. Когда приходило время потесниться и принять в это молчаливое общество нового собрата, старейший прах замуровывали в стену, а в освободившуюся гробницу ложился новый граф ди Луна. Погребальную нишу в стене закрывали барельефом, и сейчас со всех сторон на вошедших смотрели мужские, женские и детские лица, исполненные не слишком искусно, но от этого не менее выразительные.

Карстен долго бродил по склепу и инспектировал родственников при свете чадающего факела. Наконец он нашел желанную могилу и подозвал Десси и остальных.

– Вот, – представил он покойницу, – Энвер ди Луна, моя тетка по отцу. Умерла семнадцати лет от роду или около того.

– А от чего померла? – Радка прониклась к покойнице таким сочувствием, что посмела задать вопрос господину маркграфу, перед которым в обычной жизни она отчаянно трусила.

– Не знаю, – рассеянно отвечал Карстен. – Это же лет тридцать назад было, если не больше. Кажется, матушка говорила, «от тоски».

– От скуки, – буркнул Рейнхард и тут же заработал от брата подзатыльник.

– А что?! – тут же принялся оправдываться юный неслук. – Вон отец тоже всегда говорил: «Девке любая блажь прийти может, хоть Энвер нашу вспомни», – и ловко увернулся от второй затрещины.

Десси, не слушая перепалку братьев, рассматривала каменную графиню. Действительно молодая и, вероятно, миловидная – резчик даже не стал надевать ей на голову покрывало, а на пальцы колец, но любовно выточил каждую прядь пышных кос, каждый точеный пальчик и чуть удлиненные запястья. Лицо же изваяния основательно разъела вода, и догадаться, каким оно было прежде, оказалось невозможным. Ну да ладно, нам с лица воды не пить!

Десси положила ладони на грудь каменной девушки и прислушалась. И едва не отпрянула от неожиданности. В этой гробнице не ощущалось ни покоя, ни пустоты нежилого дома. Нет! Напротив, сквозь руки шеламки хлынули такая тоска и такой гнев, каких живой человек и впрямь мог не выдержать. Энвер не ушла за Меч Шелама, она осталась здесь – это Десси чуяла

так же ясно, как чуешь запах человека, лежащего с тобой в одной постели. Энвер была здесь, и ей это очень не нравилось.

– Ну-ка, сходите за ломом, откроем крышку! Тут что-то не так! – распорядилась Десси. Карстен удивился, но повиновался.

Двоем с Рейнхардом они сдвинули, а потом и вовсе отвалили тяжелую каменную крышку. И тут Мильда в ужасе прикрыла рот ладонью и схватилась за шипастый солнечный талисман Рейнхарда. Карстен негромко выругался. А Радка спрятала лицо в Дессиной юбке.

Они ожидали увидеть в гробу кучку костей да скалящийся череп. Вместо этого там лежала юная дева в голубом парчовом платье и белой мантии. Ее светлые, перевитые серебряными нитями и алыми лентами косы больше всего испугали Радку. Они казались совсем живыми.

Десси однако осталась невозмутимой, и Радка рискнула оторваться от ее юбки и еще раз взглянула на покойницу.

Нет, девушка не казалась спящей – она выглядела именно мертвой. Ее закрытые глаза ввалились, нос и скулы заострились, кожа на руках – сморщенная и сухая, как у старухи. Но невозможно было поверить, что ее похоронили не сегодня поутру, а тридцать лет назад.

– Что это, ведьма? – спросил Карстен. – Чудо? Колдовство?

Десси покачала головой:

– Она умерла не по своей воле. И умерла не спокойной. Ее держит здесь какая-то нужда, и она не хочет уходить.

– Похоже, мой замок – гостиница для мертвых неуспокоившихся девиц. Со следующей я возьму плату, – мрачно сострил Карстен.

Десси между тем дотронулась пальцами до лба покойницы (как будто касаешься воска), потом скользнула рукой по ее груди, ощупала пояс, надеясь отыскать какой-нибудь знак (лучше всего записку), который помог бы ей разрешить загадку. И нащупала...

– Ну-ка, выйдите все! – велела она. – Мильда только пусть останется.

– Радка, Рейн, выйдите! – распорядился Карстен. – Я остаюсь.

Ребята взглянули на Десси, но спорить не стали.

Десси отстегнула дорогую пряжку, скрепляющую пояс, и без стеснения задрала юбку Энвер. Мильда и молодой граф увидели, что живот девушки разрезан от пупка до самого лона.

Мильда вновь ухватилась за браслет, на сей раз на запястье Карстена, и он не стал отнимать руку.

– В задницу всех! – пробормотал он себе под нос. – В задницу всех!

Десси взяла у Карстена из рук факел и склонилась над гробом.

– Резали уже после смерти, – сказала она. – Подтеков вокруг раны нет, и все жилы пустые. Похоже, ее вспороли мертвую, чтобы узнать, нет ли в ней чьего-то семени. И еще похоже, что она перед смертью голодала. То ли болела, то ли попросту не ела ничего. Ладно, хватит уже.

Шеламка вернула ткань на место, застегнула пояс, осторожно расправила складки.

– Помогите навалить крышку, доменос, и идите отсюда, а я колдовать буду...

– Ты можешь узнать, что с ней было? – спросил Карстен.

– Если смогу, тебе скажу, – пообещала шеламка.

* * *

Когда дверь склепа захлопнулась за графом и его кормилицей, Десси вновь положила руки на холодный камень изваяния, вновь ощутила исходящий оттуда ток печали и гнева и зашептала:

– Милая Энвер, милая сестра, прости, что тревожу. Я, Дионисия, сестра твоя в естестве, сестра твоя в горе, прошу твоей помощи. Дай мне свое покровительство, а я в благодарность помогу тебе доверить то, что ты не довершила.

Молчание. Потом Десси медленно разогнулась, чувствуя, как входит в нее чужая осанка, чужая манера. Теперь она может грациозно склонить голову, увенчанную диадемой, приподнять тяжелую юбку, переступая порог, вовремя откинуть в танце ногой длинный шлейф.

Кстати, почему бы нет?..

– Спьем, доменос? – предложила Десси Карстену, выйдя из склепа.

И в ответ на его «Ты чего, ведьма?!» пояснила:

– Мы же должны увериться, что сработает. Проверь меня, доменос!

– Точно, Карс! – Рейнхард тут же оценил идею по достоинству. – Давай, а я подыграю!

Покажи ей, братец!

И он, радуясь любой возможности покончить со всеобщим мрачным настроением, принялся отбивать ладонью на колене ритм простенького бранля. Радка тут же к нему присоединилась. Мильда уже ушла на кухню, и Карстен оказался в меньшинстве перед лицом банды юных заговорщиков.

Скептически улыбаясь, он поклонился Десси «малым поклоном» и подал ей руку. К концу бранля скептическая улыбка на лице молодого маркграфа превратилась в глупо-удивленную.

Глава 29

День, когда Сайнем со своим (принесла нелегкая!) войском отправился в свой (принесла нелегкая!) замок, получился каким-то невнятным.

Сквозь побуревшие уже клены, сквозь покрасневшие, звенящие на ветру кроны осин падали солнечные лучи, и парило совсем по-летнему, так, что даже Сайнем, по старой привычке обходившийся без доспехов, немилосердно потел. А уж каково приходилось остальным!

Из-за горизонта то и дело стартовали смутно-серые облака самого осеннего вида, но так и не проливались дождем, уползали стороной, лишь иногда краем задевая зенит и даруя маленькому отряду долгожданную прохладу.

– Душно очень, наверное, попадем-таки под дождь, – посетовал Сайнем.

Скар Бритва, племянник Армеда по матери и вдобавок княжеский виночерпий и брадобрей (большое доверие, если вдуматься), глянул на небо и уверенно ответил:

– Сейчас нет. Вот на обратном пути, может, ливанет. Но мы успеем, так?

Он обернулся за подтверждением к двум своим спутникам – Эргану Со Склона и Бресу, сыну Нора, – молодым воеводам Армеда, которых князь Пришеламья, как и в первый раз, послал вместе с Сайнемом для солидности. И те радостно закивали, предвкушая лихую и бездумную гонку на обратном пути, после того как они избавятся и от отряда, и от волшебника, и от миссии.

Говоря по правде, путешествовать по лесу с полусотней человек за спиной было приятнее, чем с полдюжиной. Никто не приставал, не заваливал дорогу деревьями, не шастал по кустам. Словом, добрались без приключений, если не считать маленького происшествия на мосту.

Отряд уже вдоволь попетлял по лесной дороге, а Сайнем потерял малейшее представление о том, где они находятся, и полагался лишь на саму дорогу: вывела однажды – выведет и на этот раз. И вот, когда волшебник в полной мере ощутил себя одинокой лодкой в безбрежном желто-зеленом море, из-за очередного поворота всплыл деревянный мост через неширокую речку.

«Было! – молча возликовал Сайнем. – Проезжали давеча! Было!»

Темная неглубокая речка выпрыгивала из леса, пробегала под мостом, задерживалась на мгновение на другой стороне в маленькой заводи среди притопленных бурых листьев кувшинок и снова убегала под своды ольхи и ивы.

Сайнем глянул вниз и невольно дернул поводья.

На песчаном дне заводи спала молодая женщина. «Утопленница?» – подумал Сайнем, но тут она шевельнулась, устраиваясь поудобнее, подтянула белое круглое колено к животу, подложила ладонь под щеку. Женщина была одета в темное, похожее на крестьянское, платье, но украшения на голове и на поясе, вероятно, серебряные. Распущенные темные волосы полоскались в речной струе и не давали увидеть лицо.

В первый момент Сайнем решил, что ему напекло голову, но нет, дивы тоже заметили девушку: загомонили, принялись отпускать соответствующие шуточки, однако лезть в воду за разомлевшей красоткой никто не решился. Десятники без труда восстановили порядок, и маленький караван продолжил свое погружение в лес.

Воеводы не выказали ни малейшего интереса к этому буднично-безумному происшествию. Сайнем давно понял, что дивы предпочитают относиться ко всякой лесной дряни с уважительным безразличием.

* * *

Добрались. Мост замка, как и в прошлый раз, был опущен.

«Забавно, хозяин хоть и смотрит букой, в душе не прочь слегка побравировать», – подумал Сайнем.

Ворота подняли еще при их приближении. Во дворе толпился народ. Не иначе, здешние смерды. Они тут же окружили прибывших. Держались без всякого страха, по-хозяйски, но дружелюбно. Лошадей повели на конюшню, солдат – вниз, в большую трапезную, Сайнема и его знатную свиту – наверх, в господские покои.

В зале Сайнему прежде всего бросилась в глаза фреска на песчаного цвета стене – девушка в чужанском платье, перебирающая струны маленькой старинной арфы. Только эта фреска, маленькие медальоны с танцовщицами на прочих стенах да еще расписной фриз из листьев плюща и цветков мака под потолком и составляли все украшение зала.

Для гостей заранее поставили три высоких резных кресла да столик с вином и кубками. То ли слугам здесь не доверяли, то ли их попросту не хватало.

В глубине на возвышении сидели трое хозяев. Кроме знакомого уже Сайнему мрачного молодого маркграфа здесь были совсем маленький графенок с горящими от любопытства глазами и сухопарая немолодая графинечка с унылым лицом и темно-бурыми, как куриные перья, волосами («Пыталась покрасить в рыжий, но неудачно», – догадался всезнайка Сайнем.) Весь этот прием казался бывшей столичной штучке верхом вульгарности и неуклюжести, но дивы то ли не подавали виду, то ли действительно не замечали дурного воспитания хозяев. Они разом подняли руки в салюте, при ветствуя владельца здешних земель, и после этого маркграфская семья наконец соизволила встать и поклониться.

Поскольку старший из них не спешил с приветственной речью, заговорил Скар.

– Доменос ди Луна, я должен представить вам могучего щитоносца Халдона, доверенного человека моего князя... – Никакого щита Сайнем, разумеется, не носил и носить не собирался. Это просто ритуальная формула. – Могучий Халдон, перед вами доменос Карстен, маркграф ди Луна.

Только теперь маркграф ди Луна соизволил наконец подать голос, однако его ответ также трудно было назвать верхом куртуазности.

– Прекрасные господа, – сказал он все с тем же мрачно-отчужденным выражением лица, – прежде всего мы должны договориться о неких основополагающих вещах. Я давал клятву вер-

ности королю Кельдингу еще прошлой осенью в столице. Полагаю, что этого достаточно и мне нет нужды клясться еще и перед князем Армедом. Мои предки всегда были связаны клятвой только с королем и никогда с комтурами провинций. Так будет и на этот раз?

Сайнем посмотрел на Скара. Тот кивнул. Так же молча кивнули Эрган и Брес.

– Да, – сказал Сайнем.

– Теперь второе, – изрек доменос Карстен. – Мои люди присягали мне и не будут присягать вам. Однако при необходимости они будут подчиняться нам обоим. Ваши люди не будут присягать мне и также будут подчиняться нам обоим. Это вас устроит?

Последовал тот же обмен взглядами и кивками.

– Да, – сказал Сайнем.

– Третье и последнее. Сегодня ваши люди переночуют в замке. Я распорядился нарезать двух быков и выкатить бочку вина, чтобы отпраздновать ваш приезд. Но с завтрашнего дня я попросил бы вас оставить в замке только малую часть, остальных же расселить на постой по нашим деревням. Мы всегда обороняли не только каменные стены, но и селения. Иначе зимой мы с вами умрем с голоду.

На этот раз Сайнем не стал играть в гляделки.

– Это я решу завтра, – сказал он, – после того как взгляну на замок и на ваших солдат.

Карстен поднял брови, но кивнул:

– Хорошо. Теперь, господа, когда мы все обсудили, предлагаю вам умыться с дороги.

После чего, я полагаю, мы вместе спустимся к нашим людям и разделим их трапезу.

* * *

В бане им по старинному обычаю прислуживала сама марк графиня со своей девушкой. Девчонка краснела и конфузилась, но ее сухопарая госпожа невозмутимо скользила со стопкой полотенец в руках между медными ваннами в клубах пара. На лице ее, казалось, написано: «Жалкое и прискорбное зрелище!» Чужане в своих ваннах булькали от смеха.

Она же после бани вручила гостям подарки. (Сайнем начал уже подозревать, что здешние невежи и об этом забыли!)

Дары были скромными: всего лишь по паре рукавиц и по плащу. Для Сайнема и Скара – на кунице, для прочих – на белке.

Скар в свою очередь подарил хозяйке чужанские платья с пуговицами из драгоценных камней, серебряную диадему и запястье, а немного позже передал Карстену и его младшему брату с полдюжины камзолов с теми же драгоценными пуговицами и около дюжины мечей секир и кинжалов с клеймами горных мастеров.

Еще один подарок для всего замка они привезли с собой на подводе – полный сундук чистой соли. В Королевстве соль выпаривали из морской воды, а потому ценили ее очень дорого.

* * *

Зато в трапезной маркграфиня не появилась, а потому пирушка удалась. Доменос Карстен не жалел вина, и холодок недоверия между местными и чужанами начал понемногу таять. Скар, Брес и Эрган отбыли уже на закате, донельзя довольные. Брес напоследок сказал Сайнему на ухо:

– Мой тебе совет: при случае завали девку. Как сыр в масле кататься будешь. Она же с мужиком прежде не лежала, сразу видно. Ноги тебе мыть будет и воду пить. Сыновья твой графами будут.

– Не пристало нам мешать свою кровь с кровью таори, – сурово ответил Сайнем.

Брес фыркнул:

– Ты что, очумел? Тут же столько земли!

Глава 30

Утро следующего дня также начиналось ничего себе. За завтраком старший графенок изображал из себя важную птицу, младший расспрашивал Сайнема о чужанских обычаях. Графинечка появилась в самом конце – поднесла гостю чашу с пахучей водой для мытья рук. Сайнем попытался даже измыслить какой-нибудь невинный комплимент, но тут как раз началось.

Графинечка вдруг выпрямилась, застыла, словно суслик у норы, а потом крутанулась на каблуке, выплеснув при этом добрую половину воды на ноги бедному магу. Тот сквозь сжатые зубы пробормотал «Ну что вы, не стоит!», будто бы в ответ на извинения. Но никаких извинений не последовало – графинечка уже подбежала к двери, с размаху врезалась в нее плечом (от сырости все двери в замке открывались туго).

В проеме появился какой-то здешний смерд с круглыми от ужаса глазами, графинечка поманила рукой старшего марк графа, они долго шептались втроем, и наконец Карстен повернулся к Сайнему и сказал, запинаясь:

– Мой человек говорит, что ваши спутники вчера были убиты. Он собирал рябину в лесу и наткнулся на них. Я распоряджусь, чтобы тела доставили в замок.

* * *

Пока Сайнемовы солдаты с азартом, но без особых жестокостей вытаскивали обывателей Павинки из домов и сгоняли их на площадь к колодцу, сам командир старательно выпячивал вперед нижнюю челюсть и воображал себя свирепым дивом, который, еще лежа в колыбельке, посасывал кровавый кусок мяса, насаженный на конец отцовского копья. Наконец войдя в образ, он грозно глянул поверх голов вверенных ему смердов, померялся взглядами с двумя-тремя самыми задиристыми, принудил их отвести глаза и, удовлетворенный, пророкотал:

– Слушайте, таори! Кто-то из вас попытался напасть на меня, когда я впервые приезжал в ваши края. Вы знаете, что я попросту разогнал эту шайку, как стадо овец, и не стал ни преследовать, ни мстить. Но сегодня вы убили троих людей моего князя, и я уже не буду так любезен. Слушайте, таори! Или вы выдадите мне убийц, или мои люди устроят вам знатную порку. А если и это не освежит вашу память, то старших из вас я допрошу своими методами.

«Методы» Сайнема были куда мягче обещанной «знатной порки», он просто собирался напоить стариков кой-чем с Острова – и пусть болтают! Но об этом пока никто не ведал, а потому его угроза звучала весьма внушительно.

– Думайте, таори, и думайте быстрее!

Однако голос, нарушивший тишину, донесся не из толпы, а прямо-таки из-за спины Сайнема:

– Погоди, сержант! Погоди, не горячись.

Волшебник обернулся.

Надо же! На площадь заявились учтивая графинечка и ее младший брат собственными персонами! Видок у обоих – еще тот. Их одежда была до пояса измазана об траву и землю и вдобавок увешана репьями. На юбке графинечки виднелись отчетливые следы песка, будто она молилась на коленях где-то в лесу. Но при этом выглядели оба весьма самоуверенными. Пришли настоять на своих правах? Ну хорошо, попробуйте!

– Домэнэ! Что привело вас сюда? – Сайнем мгновенно избавился от чужанского акцента и заговорил на чистейшем языке столицы с его мягким «чьоканьем» и «эканьем». – Домэнэ, я расследую убийство своих соплеменников. Вам есть что рассказать об этом?

– Мне – нет, – отрезала графиня. – Да и к чему? Пусть говорят сами мертвые.

– Домэнэ, вы уверены, что они смогут? – вежливо поинтересовался Сайнем.

– Я распорядилась оставить телеги с телами у околицы, – отвечала как ни в чем не бывало его противница. – Прикажите, чтобы мертвецов доставили сюда, и они многое смогут рассказать.

– Что ж, пожалуй.

Сайнем пожал плечами (пусть все – и свои, и чужие – видят, что он вежлив с дамой и соправительницей) и отдал приказ одному из своих солдат.

Три телеги, поскрипывая среди полного молчания, въехали на площадку перед колодцем. Графинечка без малейших колебаний откинула прикрывавшую трупы дерюгу. Сайнем поморщился: слишком хладнокровные женщины всегда были ему отвратительны. «Хладнокровная – этим все сказано!»

– Посмотри сюда, сержант! – распорядилась маркграфиня. – Смотрите все! Эти двое погибли от стрел. Вот у этого рана на шее, а здесь – на груди, над сердцем.

«Скар и Эрган», – отметил про себя Сайнем.

У этой демонстрации оказалась, по крайней мере, одна хорошая сторона: нынешней ночью ему предстояло писать подробнейшее донесение Армеду, чтобы тот мог послать весть в горы, родичам убитых. А чужанам важны детали: каким оружием да при каких обстоятельствах был убит их незабвенный. И тут хладнокровная графиня хорошо за него потрудились.

– Но третьего убила не стрела! – вещала меж тем Энвер. – Он лежал в стороне от дороги, в подлеске.

Маркграфиня требовательно взглянула на братца, и тот важно кивнул, подтверждая ее слова.

– Похоже, он поскакал навстречу убийце, – продолжала маркграфиня, – и тот встретил его ударом в живот. Вот, смотри на рану, сержант! Это чужанское копье с топориком, другое лезвие так не бьет. Не Сын Ласточки, нет, рангом пониже, но пары баранов будет стоять.

Сайнем глянул на своих десятников, и те кивнули, подтверждая графинечкины слова.

– Твой человек упал с коня, и тот, кто сидел в засаде, добил его. Смотри, он раскрыл ему топором череп. Смотри, сержант!

Изуродованным оказался Брес. Тот самый весельчак, которому даже на донжоне замка мерещились шустрые девицы. Чернявая меж тем гнула свое:

– Твои люди позатоптали все следы, но раны говорят сами за себя: такое могло случиться, только если в засаде сидел один человек. Он убил двоих двумя выстрелами, но в третий раз промахнулся, и ему пришлось драться врукопашную. Будь там банда, твой человек никогда не поскакал бы с дороги в лес. Они набросились бы на него прямо на дороге или еще раз обстреляли бы. Или дали бы уйти, а сами ограбили трупы. А этот никого не грабил. Только вынул свои стрелы и увел лошадей. Но третью стрелу мы нашли! Ту, которая прошла мимо цели. Смотри!

И графинечка, царственным жестом вытащив из рукава стрелу, протянула ее Сайнему. Тот (что поделать!) поднял стрелу повыше и показал дружине. Да, возразить было нечего. Почти нечего. Кленовая, наконечник хорошейковки, оперенье выкрашено в зеленый цвет. Таковую не сделаешь на коленке, сидя на завалинке. Королевская.

Смерды по-прежнему безмолвствовали (хорошо их вышколил старый маркграф!), но чужане загалдели. Как любые воины, они любили рассказы о драках, а графинечка только что угостила их хорошей историей. Однако если истинных людей убивают королевскими стрелами...

Начавший вызреть погром пресекла все та же графинечка следующей фразой:

– Королевские стрелы и чужанский топорик. Здесь не обошлось без грабежа, но в деревнях такого оружия не бывало отродясь.

– Почему же? – ядовито осведомился Сайнем. – Если вы считаете, что не обошлось без грабежа, то почему бы здешней шайке не ограбить сперва королевского гонца, а потом кого-нибудь из истинных людей? Или купить все это на ярмарке в Купели?

– Хорошо. – Графинечка не моргнула глазом. – Обыщите каждый дом, и, если вы найдете такую стрелу и такой топор, я сама передам хозяев в ваши руки.

– А если не найдем, это докажет, что хозяева сообразили вовремя спрятать оружие в лесу, – парировал Сайнем.

– Может быть, но вот это вы никогда не купите на рынке в Купели, – подал вдруг голос молчаливый братец.

С этими словами он извлек из-за пазухи короткий витой шнур: красная нить вперебой с золотой, а на кончиках – два резных костяных шарика, внутри которых перекатывались, звенели и сверкали сквозь резьбу стеклянные бусины. Завязка на кошелек, дорогая изысканная вещица, от которой за версту веяло столицей.

– Зацепилась за куст и повисла, – пояснил братец. – В этих краях таких прежде в глаза не видали.

Сайнем отдал стрелу одному из своих и взял в руки шнурок. Десси и Рейнхард приготовились к новому туру препирательств по поводу грабежа, обысков и схронов в лесу, но внезапно случилось то, что всерьез напугало шеламку.

С лица Белого Рыцаря разом пропали напускная важность и высокомерие – он вдруг поскучнел и посерьезнел, и Десси некстати вспомнила, что на языке чужан есть слово «забота», которое обозначает заботу матери о ребенке, дочери о родителях или мужчины об оружии, а есть слово «забота», которым обозначают гнойник на пальце или воспалившийся зуб.

«Что-то он знает, чего я не знаю, – подумала лже-графиня. – Непорядок».

– Хорошо, – сказал Сайнем. – Сейчас мы похороним мертвых, а потом будем искать убийцу.

Глава 31

Следующим вечером тела трех чужан вместе с бывшими при них вещами сгорели на трех кострах на берегу Павы.

Живые чужане остались не слишком-то довольны: их братьям пришлось отправляться на тот свет пешим ходом, но каждый понимал, что резать сейчас лошадей – безумное расточительство. Поэтому отобрали у павинских ребятишек деревянных коньков и бросили их в огонь.

«Заодно и плакальщики бесплатные объявились», – злорадно подумал Сайнем.

Его дружина утешилась, залив горе вином из графских подвалов.

Прошла половина луны... И еще несколько дней. Чужане не то чтобы прижились в замке, но, по крайней мере, осели здесь. Как и было уговорено с Карстеном, в самом замке осталось лишь десять человек, остальных определили на постой по деревьям. Доменос Карстен уверял, что в случае необходимости Сайнемовы солдаты вместе с местными вояками мигом соберутся у стен замка, а так и дозоры нести легче, и люди быстрее сработаются. Сайнем счел это разумным. Поначалу он боялся возможных ссор и потасовок, но местные смерды и впрямь оказались народом вышколенным и выдержанным: приграничье все же, как ни крути. Многие из них сносно объяснялись по-дивьи, да и истинные люди не гнушались учить язык таори.

Только лошадей оставили в замке. Чернявая заявила, что конюх у нее отличный и всех обиходит и накормит за милую душу. Конюх, торжественно представленный Сайнему, оказался щуплым вертлявым старичком с совершенно проходимскими глазами, но дело свое он и впрямь знал: лошадки отъедались и прямо на глазах наливались красой и статью. Гривы всегда расчесаны, копыта расчищены. Больше того, стоило Сайнему зайти с ревизией на конюшню,

как они разом начинали с умильными мордами кланяться и бить копытами, выпрашивая корочку или морковку.

* * *

Расследование смерти юной маркграфини Энвер Десси свалила на Дудочника. В конце концов, не зря же он копается в фамильных архивах, и вообще прославлен как существо грамотное и въедливое. О результатах он доложил вскоре после чужанских похорон:

– На кухне подслушал. Мильда со здешними кости бывшим хозяевам перемывала, а я как раз за стенкой случился.

– Ну и?

– Ну, в общем, все как мы думали. Девица завела себе полюбовника, братья узнали и под замок ее. Она от горя исчахла. Провинция, строгие нравы, то-се...

– Кого?

– В смысле с кем? Не знают.

– Мильда не знает?

– Мильда не знает.

– Погоди, они его убили?

– Нет. Утек. Исчез. Как – тоже неизвестно. Не иначе, Дэвид Копперфильд.

– Кто?

– Я шучу.

– Сколько лет прожил, а шутить не научился, – подвела итог Десси.

* * *

Враги внешние (то есть братец Армеда) и внутренние (то есть таинственный убийца, потерявший шнурок от кошелька) пока не давали о себе знать. И это было очень мило с их стороны, так как дел у чужанских гостей оказалось невпроворот. Погода стремительно портилась, солнце уже во все глаза глядело на наступающую из-за кромки леса зиму, и приходилось везде поспевать.

Переложить крышу на тех же конюшнях, утеплить денники, подновить казармы на первом этаже замка, переложить печи. Заложить на зиму сено, напилить дров. В общем, ссориться и сводить счета некогда.

У Сайнема и прочих чужан оказался лишь один повод для дурного настроения – кормежка. Кормили тут и правда из рук вон. Это несмотря на то, что Сайнем приказал десятникам каждый день отправлять двух-трех человек на охоту, чтобы господа могли есть мясо, а солдаты – познакомиться с местностью, где им, возможно, придется воевать. Однако вся добытая дичина попадала на стол неизменно пережаренной и жесткой, как голенища сапог, утки воняли рыбой, на зайцах оставались клочья шкуры; компанию им составляла недосоленная овсяная или ячневая каша. Добытчикам из казарм доставалась все та же каша, но уже разогретая, а следовательно – подгоревшая.

Сделать тут ничего было нельзя. Бывшая кормилица хозяев замка ныне безраздельно властвовала на кухне, и две девицы, взятые ей в помощь, допускались только до чистки котлов, мытья блюд и горшков да разведения огня в печи.

Но вот что примечательно! Стоило Сайнему отлучиться с инспекцией и заночевать где-нибудь в деревне, как по возвращению в замок его ожидали остатки нежнейшего жаркого с пряной подливкой или последний кусок мясного пирога с душистыми кореньями, или холодная жареная рыба с неповторимой хрустящей корочкой. Все эти деликатесы просто молча кричали о том, что обитатели замка, стоит им остаться одним, предаются чревоугодию, а над ним

просто издеваются. В иное время Сайнем обиделся бы и отомстил. Но сейчас ему было не до этого. Завязка кошелька – вот что по-настоящему волновало бывшего волшебника. Столичная штучка, вышедшая из моды года два назад. Как раз ровесница зеленому плащу, мелькнувшему в кустах у переправы. Ровесница, но не пара. Уж в этом-то Сайнем, бывший Обаяшка, разбирался, будьте уверены!

Вот и выходило, что в здешних лесах бродят по меньшей мере двое, а вернее – неизвестно сколько одичавших и чрезвычайно опасных убийц-аристократов. Кому такое понравится? И убедившись, что дела в замке и в деревнях идут своим чередом и без его неусыпного пригляда, Сайнем решил заняться расследованием всерьез.

Но не в одиночку. Здешним лесам он не доверял и взял проводника. Посвящать того в истинную цель прогулки нужды не было. В конце концов, почему бы благородному щитоносцу Халдону не поохотиться? Дело увлекательное, особенно в хорошей компании.

Кроме лука и колчана он прихватил с собой то самое «чужанское копье с топориком». Для конспирации. Если придется с кем-то столкнуться, Сайнем рассчитывал управиться, как обычно, с помощью магии, но, чтобы не раскрывать свое инкогнито, стоило сначала хоть немного помахать алебардой.

Глава 32

Белого Рыцаря и Рейнхарда хватились за ужином. Карстен тут же завел старую песенку: «Ведьма, я брата потерял!» Радка тянула свое: «Сестрица, раз уж его дома нет, может, пирожков испечешь?»

Десси уже начала прикидывать, успеет ли подойти до ночи тесто да не надо ли свистнуть лисиц, спросить, не заплутал ли в лесу Рейнхард-гуляка, но тут, как всегда, началась совсем другая катавасия.

Нежданный-негаданный явился в замок старший сын Хокакузнеца и, не слезая с седла, потребовал к себе шеламку. Когда Десси спустилась, он выпалил скороговоркой, что жена его Аниса рожает, а Гнешка говорит, что ребенок идет ногами и Дессины руки ей бы не помешали. Десси помахала Карстену и Радке – мол, простите, добрые люди, не до вас, разбирайтесь сами – и вскочила на лошадиный круп позади кузнецова сына.

* * *

Заблудились они ближе к вечеру.

Поначалу все шло хорошо. Сайнем с Рейнхардом и пары часов не побродили в чернолесье, как набрели на весьма примечательную полянку. Посреди нее имелся поросший травой маленький холмик, а молодая яблоня на холмике сплошь была обвязана лоскутками ткани, полосками меха и даже короткими цепочками из монет. Попадались на ветках и маленькие соломенные куколки.

– Это еще к чему? – играя в протачка, тут же спросил Сайнем у своего проводника.

– Да наверное, помер кто-то плохой смертью, – отозвался графенок. – Родня боится за него Шелам просить, вот и наплела подношений, чтобы их ветер перебирал, за того бедолагу молился.

– А-а-а! – понимающе протянул Белый Маг. – Ну что, дальше пойдём?

Он-то давно догадывался, что здешние обыватели без темной магии шагу не ступят. Немудрено, что в лесу всякого поразвелось.

Рейнхард замялся:

– Надо бы...

– Что?

– Да нет, так просто. Пошли.

Сайнем обошел полянку и обнаружил едва приметную тропинку. По ней и зашагали. Перешли верховое болото, снова углубились в лес. Раз даже спугнули зайца. Сайнем выстрелил, но неудачно. Рейнхард подобрал стрелу. Больше дичи не попадалось, но охотники то и дело снимали у корней крепких красноголовиков или белых. Места тут были совсем нехоженные.

В полдень перекусили хлебом и сыром на берегу маленького лесного озера. Отсюда уходило уже несколько тропинок, и Сайнем выбрал ту, которая шла приблизительно в сторону Купели. Рейнхард, похоже, смекнул, что охотиться сегодня они не будут, но не возражал. Дорогой они говорили о горах, о столице. Потом вдруг как-то разом стало темнеть и холодать. Белому Магу поднадоело блуждание по лесу; он решил, что на сегодня хватит и предложил повернуть домой. Повернули. Шли долго, но ни малейших признаков человеческого жилья не было видно.

– Мы туда идем-то? – спросил наконец Сайнем.

– Туда, – ответил Рейнхард весьма неуверенно.

Разговор как-то сам собой заглох. Снова вышли на болото. Холод пробирал уже до костей. Маленькие лужицы под ногами трещали молодым льдом. Месяц на убыли, совсем тонкий, и свету от него – на грош.

С горем пополам перешли болото, поднялись на горку. Рейнхард огляделся и указал Сайнему на ясно различимый просвет за деревьями.

– Вот она, дорога, никуда не делась!

Выбирались долго, снова пришлось огибать какую-то мокреть, проламываться через бурелом, потом попали в полосу сухих, в человеческий рост, камышей. Рейнхард бормотал:

– Сейчас, сейчас, немного – и выйдем.

Наконец камыши начали редеть. Охотники прибавили шагу. Снова пришлось идти в гору, даже забираться, цепляясь за редкие кривые кусты. Потом земля разом оборвалась. Они стояли на краю широкого оврага, по дну которого на глубине примерно в два человеческих роста струилась темная полноводная река. Чуть выше по течению от того места, где они стояли, она даже спрыгивала с двух плоских камней маленьким водопадиком.

– Ну все, – сказал Сайнем. – Притопали. До рассвета я отсюда не двинусь.

* * *

Дело было дрянь, это Десси поняла еще на пороге. Аниса уже не кричала, она хрипло, надсадно выла и скребла ногтями стену бани.

Гнешка плеснула ковшиком воды на каменку и обернулась к шеламке:

– Давай раздевайся скорее, она уже вот-вот.

Словно услышав ее слова, Аниса закричала и на коленках поползла к двери. Десси заступила ей дорогу:

– Ты куда?

– Опротасться хочу-у-у! – провыла Аниса.

Гнешка уже ухватила ее за плечи и потащила к лавке.

– Пойдем, пойдем, голубушка, – ворковала она. – На низ тянет, значит, сейчас и родишь. Знаешь, как говорят: «С узким тазом, родит разом».

«Или вовсе не родит», – мысленно закончила Десси, раздеваясь до исподней рубашки. Она ставила на то, что Аниса не родит вовсе. Если и были у нее какие-то силы, она их израсходовала, пока лезла на стенку от схваток.

– Покажи руки! – попросила Гнешка.

И, приложив Дессину ладонь к своей, решила:

– Пальцы длиннее. Тебе гостя принимать.

Она не сказала «ребенка» – они трое уже переступили ту границу, за которой каждое лишнее слово может выйти боком.

* * *

Между тем охотнички развели костер и поджарили грибы на прутиках. Спускаться к воде по темноте они не решились – пришлось ограничиться мутным осадком со дна фляг.

Сайнем был «в восторге» от собственной изобретательности. Он ведь давным-давно, еще на Острове, поклялся себе, что больше никто его не обманет. И вот на тебе – доверил свою драгоценную персону малолетке авантюристу, у которого на лбу крупными буквами написано, что он за хорошее приключение отца родного продаст! Поистине, от любопытства кошка сдохла!

Сказать, что волшебник побаивался ночевки, означало недооценить его воображение. Он был просто в ужасе. Как выбираться из леса, он и понятия не имел, а в то, что их смогут разыскать, не верил. Не успеют. Если грянут настоящие холода, они тут и дня не протянут. Но коль скоро он волей-неволей оказался за главного, пришлось держать лицо.

Он собирался уже отправить Рейнхарда за порцией хвороста и спать, но тут горе-проводник притих и поднял палец вверх.

– Слышите! Идет кто-то!

Кто-то действительно шел, но, кажется, не по земле, а по воде – со дна оврага доносилось тихое и жутковатое шлеп-шлеп. Что поделаешь? Наскоро раскидали костер и поползли поглядеть.

* * *

По реке поднимался косяк рыбы. Подойдя к водопадику, рыба била хвостом, подпрыгивала, сверкнув в слабых лучах месяца, и шлепалась в маленькую заводь над водопадом. Сайнем в рыбьих повадках не разбирался, но и ему такое зрелище показалось странным – вроде как не по времени. Он хотел спросить у Рейнхарда, но тот снова среагировал быстрее – толкнул волшебника локтем в бок, приложил палец к губам и показал.

Сначала Сайнему почудилось, что это всего лишь тень от куста. Но потом тень двинулась, и он наконец разглядел: по дну оврага неслышно ступал огромный черный медведь. Был он ростом с добрую лошадь, с необычно длинными лапами и удлинённой мордой. Сайнем таких никогда прежде не видел – ни в Королевстве, ни в чужанских горах. И от этого стало еще жутче.

* * *

Гнешка придерживала пуповину – ждала последней схватки, чтобы принять послед. Но родильница вдруг замычала, рванулась и едва не вскочила на ноги.

– Почему она не кричит? – внятно выговорила Аниса и повторила, срывая голос: – Почему она не кричит?

Тут Десси разом все решила. Она схватила Анису за плечи, потрянула и тихо сказала:

– Молчи. Хочешь дочку живой увидеть, молчи и сиди. Я все улажу.

Та всхлипнула, но подчинилась. Гнешка завернула девочку в чистое полотенце и положила на лавку.

На крыльце баньки маялся Хок.

Увидев Десси, он ухватил ее за запястье и, заглядывая в глаза, жадно спросил:

– Ну, кто?

Чуть в сторонке, на завалинке, Десси увидела Радку. Притопала пролаза. Впрочем, сейчас было не до нее.

– У тебя мертвая внучка, кузнец, – ответила шеламка.

– Как?

– А ты что думал? – жестко сказала Десси. – Думал, твоя воля все переможет? Так ведь нет же.

Хок молчал.

– Слушай, кузнец, – продолжала она. – Ты Шелам рассердил, но это ты, не Аниса, не девочка. Стало быть, и спрос будет с тебя. Угомонишься, Шелам ребенка вернет.

– Так ли? – тихо спросил Хок.

– Так. И другие внуки у тебя будут. Только ты никогда и словом не обмолвишься о том, что нынче ночью было, и на девочку никогда косо не взглянешь. Сможешь? Не побоишься?

Хок молчал, стиснув зубы. Десси знала, что он боится лесного колдовства, но страх перед гибелью семьи оказался сильнее.

– А что не смочь-то? – сказал он наконец. – Небось знаем, где живем.

– Ладно. – И Десси поманила Радку: – А теперь ты, шлендра, беги сюда!

* * *

Древние мудрецы учили, что лучшим военачальником следует считать того, кто победил, сумев избежать боя. Для того чтобы достичь такого совершенства, полководец должен был научиться различать девять типов земель и, главное, сразу распознавать с первого взгляда Смертельную Землю. Смертельной Землей называли такую, где ты должен немедленно вступить в бой или погибнуть.

Берег безымянной лесной реки не был Смертельной Землей для Сайнема и Рейхарда. Им нечего делить с медведем, их пути не пересекались. Самым разумным для них – тихо отползти назад, спрятаться в кустах и мирно спать до утра. Но они остались. Дело в том, что Сайнем лишь самому себе казался мудрым и равнодушным. На самом деле он, как и Рейнхард, был невежественным и любопытным.

Медведь нюхал воду, потом точным движением лапы подсекал рыбину и с урчанием пожирал. Немного погодя он спустился ниже и встал над водопадом. Шлепнул рыбий хвост, щелкнули зубы, и прыгунья разом оказалась в медвежьей пасти. Удачливый ловец побрел к берегу, но вдруг поднял морду и так и замер по колено в воде. И не зря. Из кустов на склоне оврага вынырнул второй медведь.

Вихляя задом и порывивая, он приближался к ловцу. Тот предостерегающе поднял лапу. Пришелец выгнул шею, показал зубы и вдруг вцепился в хвост рыбины, все еще торчащей из зубов рыбака. Рычание, удар – и вот уже два косматых зверя, сцепившись, бьются в темном потоке.

* * *

– Повтори еще раз! – попросил Карстен.

Радка покорно еще раз пересказала ему Дессины слова.

– Дрянь, – процедил сквозь зубы маркграф ди Луна. – Дрянь рыжая, что она с нами делает! Ладно, сиди здесь, я пошел.

– Можно я с тобой?

Карстен глянул на нее с немым изумлением.

– Вся семейка блажная! – сказал он. – Сиди здесь, жги огонь, чтобы я вернуться мог.

Тихо, стараясь никого не разбудить, он спустился в конюшню, вывел серого мерина, запряг его в телегу, затем, так же крадучись, отправился вниз, в семейный склеп.

Ломом он отвалил крышку от саркофага Энвер, завернул мертвую графиню в плащ, произнес краткую молитву Солнцу, ухватил тело в охапку и понес на телегу.

* * *

Рыбак, навалившись на своего противника, пригибал его все ближе к воде. Тот рычал, мычал и мотал башкой, беспомощно шлепая лапами по дну. Утопить его, конечно, не утопят, но если холодная вода попадет в чуткие медвежьи уши...

И вдруг – Сайнем потер глаза – словно темное облако сгустилось на месте побежденного медведя, и мгновенье спустя это был уже не медведь, а кабан. Огромный матерый секач, клыки которого буравили брюхо второго медведя. Тот взревел, замолотил лапами, но внезапно рев превратился в отчаянный крик, и горе-охотники едва не поседели.

На клыках у кабана болтался уже не медведь, а человек. На последнем издыхании он еще пытался ударить свина длинным изогнутым кинжалом, но тут же обмяк и повис тряпкой. Секач сбросил его на землю и пырнул еще раз, удовлетворенно похрюкивая.

* * *

У самой кромки леса Карстен оглянулся. На галерее замка горели три зеленых факела, оставшиеся от старых запасов.

«Опять всю округу перепугаем, – подумал молодой граф. – Судьба наша такая».

Честно говоря, он побаивался мертвой тетки. Но та лежала тихо и не собиралась оживать. Серый мирно трусил по знакомой лесной дороге, и Карстен перевел дыхание. Он даже начал мурлыкать что-то под нос, оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на зажженный Радкой огонь, и тут же дал петуха и сбился. Огромный язык бледного пламени двигался по лесу в полусотне шагов от него. Двигался наискось, понемногу приближаясь к дороге.

Карстен хлестнул лошадь, молясь, чтобы не отлетело колесо. Бледный огонь с каждым шагом менялся, обретая все большее сходство с человеческим силуэтом, только вот ростом этот человек был с трех обычных.

Рукоятью кнута Карстен нарисовал в воздухе солнечный знак. Преследователь помедлил, взял в сторону, будто огибая невидимое препятствие, затем снова зашагал следом за Карстеном и его поклажей.

* * *

– Нет, – сказал Рейнхард.

Он вскочил на ноги, сжимая в руках чужанское копьцо, и, прежде чем Сайнем успел хотя бы звук издать, швырнул свое оружие прямо в бок ликующему секачу. Попал. Но похоже, только поцарапал шкуру. Кабан взвизгнул, бросил свою жертву, и тут же зашуршали камешки на склоне. Разгневанный секач был готов принять новый бой.

Сайнем в панике скатился вниз, к бывшему костру, выхватил из заплечного мешка очередную «штучку», кинул ее в самый жар и, обжигая пальцы, принялся наваливать сверху тлеющие угли, раздувая пламя. Рейнхард, перепуганный собственным поступком, просто прижался к стволу сосны и глядел во все глаза.

Когда разгневанный хряк уже почти одолел подъем, Сайнем наконец услышал знакомое потрескивание. Он выхватил «штучку» из огня и с размаху швырнул ее вниз, на склон. Ракета,

начиненная «солнечным огнем», вспыхнула в полете и взорвалась с оглушительным треском. Упав на землю, она еще некоторое время крутилась, шипя и выбрасывая во все стороны снопы пламени. Когда наконец все стихло, Сайнем осторожно подошел к обрыву и заглянул вниз. Там никого не было. Только река и лес.

* * *

Наконец за поворотом открылся маленький, окруженный елями омут. Карстен оглянулся и натянул поводья. Светящегося провожатого нигде не видно.

Страшнее всего было спустить ногу на землю. Как ни смешно, но телега, сделанная человеческими руками, казалась ему островом в темном море леса. И все же он смог.

Спрыгнул на мокрую листву, отдавая себя во власть всем силам Шелама.

Он снял с телеги завернутое в плащ тело Энвер, в последний раз увидел безмятежное восковое лицо, хотел что-то сказать на прощание, но ничего не придумал и просто опустил девушку в воду. Она исчезла мгновенно – видимо, у самого берега уже было глубоко. И тут же в уши Карстену ударил странный тягучий звук, будто в глубине леса вздохнул раненый великан. Мерин всхрапнул и попытался встать на дыбы.

Одним прыжком Карстен очутился в телеге и хлестнул Серого, торопясь убраться с этого места. Потом он вдруг сообразил, что происходит, и расхохотался. Бросив поводья и положившись на волю Серого, он сполз на дно телеги, зарылся в сено и лежал, тихо постанывая от смеха. То, что его напугало, было всего лишь утренним ветром.

* * *

Ребенок на коленях у Десси со стоном втянул в себя воздух, недоверчиво хныкнул, а потом уже, сжимая кулачки и багровея от натуги, заорал в полный голос.

– Здравствуй, Энвер, – шепнула Дионисия на ухо девочке.

Глава 33

К утру и правда резко похолодало. Сайнем с Рейнхардом, плюнув на всю лесную нечисть, развели огромный костер и устроили настоящий шабаш, прыгая вокруг огня и распевая непристойные песни.

На рассвете охотники пошли вниз по течению реки и к полудню выбрались на дорогу как раз у того моста, где Сайнем видел русалку. На сей раз он предпочел не заглядывать в воду.

Вышли они вовремя. На траве лежала изморозь, а с неба начала сыпаться снежная крупка.

– Теперь найдешь дорогу? – спросил Сайнем.

Рейнхард откашлялся.

– Ты прости. Я знаю, не надо было... Но он убивал человека на моей земле на моих глазах.

– Ладно. Только давай не будем об этом болтать в замке.

– А ты его здорово!

– Угу, – согласился Сайнем. – Мне тоже понравилось. А кто это был?

– Кто-то.

* * *

Сайнем ожидал, что в замке будет переполох, а оказалось, что их исчезновение едва ли заметили. Ну пошли на охоту, ну заночевали в лесу, ну не принесли ничего – обычное дело. Мильда поворчала на Рейнхарда, напоила гуляк горячим вином, взбила им перины. Хозяин замка с графинечкой даже не показались. Спят, видите ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.